

**Valodas tipoloģiskās iezīmes
kontrastīvajā aspektā**

**Типологические черты языка в
контрастивном аспекте**

Сборник научных
трудов
Факультет
иностранных языков
Кафедра
английской филологии

Zinātnisko rakstu
krājums
Svešvalodu fakultāte
Angļu filoloģijas
katedra

Министерство народного образования Латвийской ССР
Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет им. П.Стучки

Факультет иностранных языков
Кафедра английской филологии

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ЯЗЫКА
В КОНТРАСТИВНОМ АСПЕКТЕ

Сборник научных трудов

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1988

Latvijas PSR Tautas izglītības ministrija
Ar Darba Sarkanā Karoga ordeni apbalvotā
Pēteru Stučkas Latvijas Valsts universitāte

Svešvalodu fakultāte
Angļu filoloģijas katedra

**VALODAS TIPOLOĢISKĀS IZĒĪMES
KONTRASTĪVAJĀ ASPEKTĀ**

Zinātnisko rakstu krājums

**P. Stučkas Latvijas Valsts universitāte
Rīga 1988**

A-88
1042

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ЯЗЫКА В КОНТРАСТИВНОМ АСПЕКТЕ

Типологические черты языка в контрастивном аспекте:
Сборник научных трудов/ Под ред. А.Я.Банкэва. - Рига: ЛУ
им. П.Стучки, 1988. - 246 с.

Статьи настоящего сборника выполнены на материале германских, романских, балтийских, русского и других языков и посвящены типологическому изучению лингвистических явлений на разных языковых уровнях. Выявлен ряд особенностей, присущих этим языкам, а также сходство и различие между ними. Сравнение языков проводится не только в структурном и функциональном планах, но также и в культурно-историческом аспекте. Сборник рассчитан на языковедов, преподавателей, аспирантов и студентов филологических специальностей.

Krājumā rakstu autori analizē dažādu valodas līmeņu tipoloģiskās parādības germāņu, romāņu, baltu, krievu u.c. valodās. Akcentējot to īpatnības, atšķirības un līdzības, valodu sastatījums veikts ne tikai strukturālā un funkcionālā, bet arī kultūrvēsturiskā aspektā.

Krājums domāts valodniekiem, pasniedzējiem, aspirantiem, filoloģisko specialitāšu studentiem.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Банкэв А.Я. /отв. редактор/, Олдирева Л.П.,
Лихтерова Б.Л.

Печатается по решению Издательского совета
ЛУ им. П.Стучки

T 70104-102x
MB12(117)-88 129.88.4602010000

Латвийский
государственный
университет
им. П.Стучки,
1988

LVU ZINĀTNISKĀ
BIBLIOTĒKA
2155-22-88

Введение

Предлагаемый вниманию читателей сборник научных трудов посвящен контрастивному изучению неродственных языков и является первой попыткой системного изучения типологических черт латышского языка на всех языковых уровнях в сопоставительном аспекте. В сборнике представлен широкий спектр тем и проблем, актуальных для современной контрастивной лингвистики: сопоставительная фразеология, сопоставительный анализ терминосистем и переводов, сопоставительная фонетика (учитывающая данные экспериментальной фонетики), сопоставительное изучение языков в свете функционального подхода. Некоторые из этих тем освещены авторами статей в диахроническом аспекте.

Материал сборника охватывает языковые явления на всех уровнях - от фонетического до текстового - многие из этих явлений стали впервые предметом системного сопоставительного изучения, многие изучены сравнительно мало и не имеют достаточно четко обоснованного типологического статуса. Именно на такие явления обращено внимание авторов, работающих над комплексной научной темой "Контрастивно-типологические исследования на разных языковых уровнях". Эта тема разрабатывается на факультете иностранных языков и своей основной задачей считает изучение типологических черт латышского языка на фоне их сопоставления с языками, изучаемыми на факультете (английским, немецким и французским). В рамках этой темы и подготовлен настоящий сборник, его целью является усовершенствование методоло-

гии контрастивного изучения языков и углубление представлений о теоретических предпосылках контрастивно-типологической систематизации языковых явлений разных уровней. Факультет иностранных языков является в настоящее время центром сопоставительного изучения языков в нашей республике, и данный сборник отражает, в известной мере, это лингвистическое направление.

Сборник имеет свою практическую лингводидактическую направленность: в процессе профессионально ориентированного преподавания иностранных языков знание типологических особенностей родного языка, умение сопоставить их с особенностями других языков способствует более глубокому усвоению иностранных языков. Эти умения облегчают языковую адаптацию студентов и создают надежную базу для их будущей педагогической и языковедческой деятельности.

Бойко В.Г. /Москва/

КОНТРАСТИВНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМ, ВЫРАЖАЮЩИХ
ЗНАЧЕНИЕ ДЛИТЕЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЕННОМ КОНТИНИУМЕ "ПРОШЕДШЕЕ-
НАСТОЯЩЕЕ" В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Данная работа посвящена контрастивному анализу форм, выражающих процессуальность во временном континууме "прошедшее-настоящее (П-Н)" в двух родственных германских языках, значительно отличающихся друг от друга по типологическому облику: английский является аналитическим, немецкий - синтетическим языком с элементами аналитизма. За основу нами взят английский (L-1), немецкий же определен как язык, с которым будет проводиться контрастивное сопоставление (L-2).

Длительность (Д), несомненно, является универсальной. Она присуща глагольному действию вообще и может проявляться в нем на всех временных срезах. (Д) является семантической категорией и может приобретать не только морфологическое выражение, но и передаваться средствами контекста. Это свидетельствует о том, что языковой инвентарь средств передачи (Д) довольно разнообразен.

Вычленим из ряда оппозиций, характеризующих глагольное действие, ту, которая нас интересует в первую очередь: оппозицию "Д/неД" и посмотрим, как соотносятся между собой ее противочлены. Начнем со значения однократности. Можно ли сказать, что однократное действие способно передавать идеи Д?

Очевидно, при определенных обстоятельствах, можно. Но нетрудно убедиться, что длительным может быть и повторяющееся действие и, таким образом, и многократность можно рассматривать как одно из проявлений Д - ведь такое действие предстает в виде одинаковых отрезков, повторяющихся неоднократно в данном временном континууме. Иначе говоря, оппозиция "однократность/многократность" может в определенных условиях перекрываться значением Д. Если же взять оппозицию "завершенность/незавершенность", то переключивание по линии "Д/неД" здесь происходит в другом плане. То, что Д соотносится с незавершенностью, не вызывает никаких сомнений, т.к. если действие все еще не закончилось, то оно воспринимается как некий процесс. Но, оказывается, и завершенное относительно момента речи (МР) действие может быть длительным по своему характеру. Таким образом, в этой оппозиции происходит расчленение Д по завершенности и незавершенности. Такое сложное переключение различных семантических линий в одной форме вполне объяснимо: глагол, как никакая другая часть речи, передает через свои видовременные формы не факты, а динамику действия, его темпоральные и аспектуальные характеристики со всеми оттенками.

Итак Д может передаваться как через грамматическую форму, так и через контекст, причем сама аспектуальная семантика глагола играет немаловажную роль - в плане выражения происходит взаимоувязка обоих факторов. Какой же из них следует признать основным в микрополе Д в L-I ? Известно, что значение Д во временном континууме "П-Н" может передаваться в английском

двумя грамматическими формами — FgP и FgPC :

1) "I've been very poorly all day", he said; "they never tell me anything" (G.I.C., 112).

2) The only chair in the place is occupied by Emily; and John Edward, if the language of clothes can be relied upon, has evidently been sitting on the floor (J.T.M., 105).

Как видно из первого примера, FgP передает значение Д только с неопределенными (курсивными) глаголами. Здесь синонимия FgP и FgPC возникает на базе интегрирующей семы Д, объединяющей эти формы и входящей в форму FgP на синтагматическом уровне; в форме же FgPC она является основной, составляющей стержень ее парадигмы. Именно по этой причине форма FgPC способна выразить значение Д не только с глаголами неопределенной, но и предельной семантики. В случае с предельными глаголами форма FgPC дополнительно приобретает значение повторяемости. Это объясняется тем, что во временном континууме "П-Н" такое действие воспринимается как процесс, распадающийся на однородные глагольные акты, повторяющиеся на линии "П-Н":

This has been coming on you some days (S.C.W., 740).

Способность FgPC передавать значение Д не только от неопределенных, но и предельных глаголов позволяет считать эту форму доминантной в микрополе Д, располагающемся между какой-то точкой в прошлом и МР. Что касается значения Д в форме FgP, то оно играет в ней подчиненную роль, являясь порождением контекста, ведь лексические средства лишь "уточняют конкретные значения временных форм" (I, с.8).

Но наиболее сложным представляется вопрос о том, как Д в формах F_2P и F_2PC соотносится с завершенностью и незавершенностью, т.к. с логической точки зрения процессуальность и завершенность являются исключющими друг друга понятиями. В форме F_2P от предельных глаголов значение Д не проявляется вообще: здесь и категориальное содержание формы, и семантика глагола действуют в одном направлении. Что же касается формы F_2P от неопределенных глаголов, то само ее категориальное содержание нейтрализует значение Д, заложенное в их семантике, и перфектное действие становится таким же завершенным, как и от предельных глаголов. Но здесь возможна и другая смысловая раскладка: если к гирьке, представляющей неопределенный глагол, добавить еще одну гирьку в виде адвербиальной лексики Д, то семантико-грамматические веса перевешивают в сторону незавершенности, и форма F_2P начинает выражать значение Д. В семантической же структуре F_2PC Д выражается на более высоком - грамматическом уровне: она входит в парадигму этой формы и не подавляется факторами контекста; даже предельные глаголы не в состоянии нейтрализовать сему Д такого действия. Однако, основное различие между F_2P и F_2PC следует искать не в семантике, а в их стилистическом употреблении: F_2PC имеет экспрессивную нагрузку, которая отсутствует в F_2P со значением Д: "Напряженность лежит в основе так называемой "интенсивной" функции перфекта в длительной форме, обслуживающей глаголы обоих характеров" (2, с.16).

Признавая, вслед за А.И.Смирницким (3, с.308-316) и Л.С.

Бархударовым (4, с.116-119), что перфект - это форма выражения временной отнесенности, мы при этом особо выделяем роль МР, по отношению к которому определяется темпоральное содержание всякого глагольного акта. Передавая прямую проекцию действия на МР, перфект выступает как абсолютное время, соотнесенное, однако, с МР по аспектуальному признаку; и т.к. при этом происходит соединение двух разных временных планов (прошедшего и настоящего), основным парадигматическим значением перфекта мы считаем абсолютную разновременность (АРВ). Но передавая значение АРВ, РгР обладает и аспектуальным показателем, т.к. соотнесенность такого действия с МР происходит не только по темпоральной, но и по аспектуальной линии: оно результативно для МР.

Выражая прошлое действие, РгР может, благодаря своей соотносительной связи с МР, способствовать к передаче значения Д. Соотнесенность перфектного действия с МР в сочетании с глаголом курсивного характера и адвербиальной лексикой Д делает его делящимся во временном континиуме "П-Н". Соотнесенность с МР происходит и в форме РгРС, т.к. и для такого действия присуща контактность с МР (5, с.139; 6, с.146-151). Завершенность же или незавершенность действия в РгР и РгРС, при наличии семы Д, лишь регламентирует его протяженность во временном континиуме "П-Н". С учетом этого перфектные формы, в той или иной степени передающие процессуальность, делятся на инклюдивный (7, с.319) и экслюдивный перфект (последний, однако, может передавать и однократное недлительное действие). Инклюдивность всегда предполагает включенность, а экслюдивность - невключенность МР в

глагольный акт. Именно по линии инклюзивности возникает основное контрастивное различие между английским и немецким перфектом. В английском как PrP, так и PrFC могут передавать и эксклюзивное, и инклюзивное действие: эксклюзивный PrFC - : Aunt Juley broke the hush again: "We've just been saying, dear, how dreadful it is about these Boers!" (G.I.C. 168).

Эксклюзивный PrP - : "I've been asleep". Manuel rubbed his forehead with the back of his fist (H.S.S., 197).

Инклюзивный PrFC -: It is noon, and we and all the people have been waiting patient for many an hour (J.T.H., 103).

Инклюзивный PrP -: Aunt Hester ... leaned forward and remarked decisively. "What lovely weather it has been for the time of year?" (G.I.C., 169).

Немецкий перфект также обладает способностью связывать прошлое действие с МР по линии соотнесенности (контактная разновидность), но развившаяся в нем функционально-стилистическая черта обозначать отдельные прошлые действия, зачастую не связанные с МР (дистантная разновидность) (8, с.48), препятствует передаче значения Д во временном континууме "П-Н"; при этом обе указанные разновидности перфекта эксклюзивны. Поэтому в тех случаях, когда требуется выразить непрерывность действия на линии "П-Н", эту функцию в немецком, как правило, берет на себя презенс.

Что касается формы PrFC, то здесь сопоставление с немецким проводится с обязательным учетом двух его разновидностей - эксклюзивной и инклюзивной. Эксклюзивный PrFC передает-

оя перфектом, а инклюзивный - презентом, т.е. таким же способом, как и инклюзивный PrP. Эксклюзивный PrPC: Mr.Peggotty ...looked round upon us and nodding his head with a lively expression of that sentiment still animating his face, said in a whisper: "She's been thinking of the old 'un!" (D.D.C.(I),43), - L-I.

L-2 - (соответствует перфекту в немецком) - Mr.Peggotty... nickte mit dem Kopf und flüsterte mit einem Gesicht, auf dem sich immer noch die lebhafteste Teilnahme ausprägte: "Sie hat an den Alten gedacht!" (D.D.C.(2),40).

Инклюзивный PrPC L-I -: "I have been with him going on four year, Master Copperfield", said Uriah... "Since a year after my father's death" (D.D.C.(I), 259).

L-2 - "Es geht jetzt ins vierte Jahr, Mr.Copperfield", sagte Uriah... "Seit einem Jahr nach meines Vater Tod" (D.D.C.(2), 217).

Итак, в английском языке доминантой микрополя Д, ограниченного временным континуумом "П-Н", следует признать форму PrPC, которая своей категориальной семантикой призвана передавать это значение. Выработка специальной формы для выражения Д в указанном континууме ст.ла возможна благодаря тому, что длительный разряд распространился в английском на все перфектные времена по закону "симметрии парадигматических рядов и пропорциональности оппозиции" (9, с.6). Выражение того же значения формой PrP является факультативным и возможно лишь с курсивными глаголами. Что касается передачи значения Д на

границ прошедшего и настоящего в немецком языке, то здесь наблюдается лишь частичное сходство способов ее реализации в сравнении с английским. При этом основное контрастивное различие заключается в том, что в немецком отсутствует специальная видовременная форма для выражения Д во временном континууме "П-Н", отсюда и возможность передачи значения PrPc в немецком частично перфектом (в эксклюзивном варианте), но в основном - презенсом, который и выступает в этом языке доминантой микрополя Д в указанном континууме.

Список сокращений

D.D.C.(1) - Ch.Dickens.David Copperfield. V.I.,N.-J., 1817.

D.D.C.(2) - Ch.Dickens.David Copperfield. Berlin. 1938.

H.S.S. - E.Hemingway.Selected Stories. Moscow. 1971.

G.I.C. - J.Galsworthy. The Forsyte Saga.V.2.Leipzig.1926.

J.T.M. - Jerome K.Jerome. Three Men in a Boat. Moscow.

1948.

S.C.W. - B.Shaw. The Complete Works. London. 1965.

Библиографический список

1. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.
2. Воронцова Г.Н. Значение перфекта (Present Perfect) в современном английском языке. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 1953.
3. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959.
4. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка. М., 1975.

5. Бойко В.Г. Темпоральный статус скандинавского перфекта: датско-исландско-норвежско-шведские параллели // Скандинавский сборник. № XXIX. Таллин 1985.
6. Бойко В.Г. Аспектуальный статус скандинавского перфекта: датско-исландско-норвежско-шведские параллели // Скандинавский сборник. № XXX. Таллин 1986.
7. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
8. Шендельс Е.И. О сопоставительно-типологическом анализе в морфологии // Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966.
9. Хлебникова И.Б. Соотношение некоторых принципов организации грамматической системы языка и их реализации в речи (тексте) (на материале английского языка) // ИЯШ. 1980. №6.

Быкова О.И., Луева Н.Ф., Фомина З.Е. /Воронеж/

**РЕЛЕВАНТНОСТЬ КОННОТАТИВНОЙ ПОТЕНЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ КАК ПРЕДМЕТ КОНТРАСТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
/на материале общественно-политических и худо-
жественных текстов русского и немецкого языков/**

В данной статье контрастивный анализ коннотативной потенции лексических единиц ведется с двух планов: в плане влияния коннотации на смыслообразующие элементы текста и в плане релевантности коннотативных потенций в процессе создания авторских неологизмов.

Проведенное нами контрастное исследование коннотативных потенций лексических единиц как смыслообразующих элементов текста основывается на результатах анализа общественно-политических текстов газет "Правда" и "Neues Deutschland", художественных текстов писателей ГДР В. Брехта, Г. Канта, К. Вольф, Г. де Бройна.

Основным критерием выделения эмоционально-оценочных единиц является их способность образовывать оппозиции с другими словами по эмоциональным коннотативным семам.

Как показали результаты анализа эмоционально-оценочных единиц, типы оппозиций, образуемых как русскими, так и немецкими эмоционально-оценочными словами с противопоставляемыми им единицами, а также типы оппозиций, состоящих из семем в рамках одной и той же семантемы, в целом совпадают. Так, из оппозиций эмоционально-оценочных слов (как русских, так и немецких) с другими единицами, нами были выделены следующие виды оппозиций:

1. Эмоционально-оценочное слово с отрицательным эмоционально-оценочным компонентом (в дальнейшем ЭОК) противопоставляется нейтральной языковой единице. Например, рассказы - рассказы, уловка - прием, крах - неудача, das Gerede - das Reden (кривоязычие - моветн), verächtlich - bekannt (пресловутый - известный) и т. п.

2. Эмоционально-оценочное слово с ЭОК, имеющим суффиксальное выражение в виде разного рода суффиксов. Например, -ля, -шина, -чик, -ше, -ар, -ня, -ка; нем. l - gel, -lei, -ika (про-

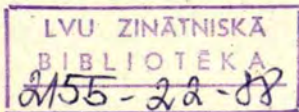
тивопоставляется нейтральной единице, отличающейся от этого слова отсутствием таких суффиксов) шумиха - шум, военщина - войско, побоище - бой, политикан - политик, игрище - игра, идеяка - идея; die Soldateska - die Soldaten (солдатня - солдаты), die Prügelei - die Prügel (избиения - драка). Это формальный тип оппозиции.

3. Эмоционально-оценочное слово с отрицательным ЗОК противопоставляется нейтральному сочетанию слов. Например, делец - деловой человек, ловкач - ловкий человек, der Klüngel - die Gruppe von Menschen (клика - группа людей) и т.п.

4. Эмоционально-оценочное слово с положительным ЗОК противопоставляется нейтральной единице. Например, рачительный - заботливый, мудрый - умный, мастерски - умело; brüderlich - freundschaftlich (братский - дружественный), brandmarken - steampeln (заклеймить - отметить) и т.п.

Из оппозиций семем внутри семантемы наиболее распространена оппозиция, состоящая из денотативной первой семемы (Д1) и коннотативной первой семемы (К1). Например, элемент Д1 (о химическом элементе) и элемент К1 (о человеке с неодобрительной оценкой его деятельности), хищник Д1 (о животном) - хищник К1 (о человеке), vergiften Д1 - etw. mit Gift versehen (снабдить что-л. ядом), vergiften К1 - etw. unerträglich machen (сделать невыносимым), blind Д1 - ohne Sehvermögen (без способности видеть) - blind К1 - ohne Einsicht, Kritiklos (без позиции, безпринципный) и т.п.

Вышерассмотренные оппозиции, образуемые эмоционально-оце-

ночными единицами с другими лексемами, являются общими как для русских, так и для немецких слов. Однако русские эмоционально-оценочные слова обладают большим набором возможностей образования тех или иных типов оппозиций по сравнению с немецкими.

Так, русские лексемы наряду с вышеуказанными оппозициями могут образовывать следующие типы: 1. Эмоционально-оценочное слово с отрицательным ЗОК противопоставляется ряду нейтральных единиц. Например, клика - группа, сообщество, руководство, правительство; банда - группа, организация; 2. Ряду эмоционально-оценочных слов с отрицательным компонентом противопоставляется одна нейтральная лексема: пособник, приспешник, прислужник - помощник; бредни, белоберда, чепуха - бессмыслица и т.п.; 3. Эмоционально-оценочное слово противопоставляется нейтральной и противоположной по знаку ЗОК лексеме: зачинщик - инициатор - зачинатель и т.п.; 4. Эмоционально-оценочное слово противопоставляется полярной по знаку ЗОК лексической единице: расправа - возмездие, путчисты - повстанцы и т.п.

Из оппозиций семем внутри семантиемы для русских лексем является также типичной оппозиция, состоящая из денотативной первой семемы (Д1) и денотативной второй семемы (Д2) [1]. Например, коричневый Д1 (о цвете) - коричневый Д2 (о фашистах). Ср.: логово коричневых, коричневые устроили сборище ... и т.п. Для немецких эмоционально-оценочных слов оппозиция Д1 - Д2 не свойственна.

При определении статуса эмоциональности/оценочности русских единиц особое значение имеет возможность их противопоставления другим единицам, т.е. их способность образовывать оппозиции, тогда как в оценке принадлежности немецких слов к эмоциональным не менее важное значение имеют их синтагматические связи. Например, *die Machenschaft* (махинация) здесь возможна оппозиция: *die Machenschaft* - *die Abmachung* (махинация - соглашение). Однако в этом случае наиболее убедительным доказательством принадлежности данной единицы к эмоциональным словам является ее синтагматика, отражаемая словарем. Ср.: *die Machenschaft* - *dunkle, üble, böse, verbrecherische* (темная, нелепая, злобая, преступная махинация). В процессе порождения высказывания отправитель информации (автор) сознательно использует коннотативно маркированную лексику в зависимости от определенной в данной ситуации речевой интенции. Коннотативные компоненты значения лексических единиц являются результатом отражения многообразных квалификативных сфер реальной действительности в форме элементов отражения индивидуального и надиндивидуального характера. Эта двуаспектность коннотации (узусальный и окказиональный аспекты) дает возможность обратить внимание на "изоморфизм между коннотацией как особым и комплексным компонентом значения единиц лексикона и так называемым подтекстом" [2].

В создании авторских индивидуально-субъективных номинаций значительную роль играют следующие моменты: 1) существующий пробел в системе номинаций; 2) недостаточная образность

уже существующих в языке номинаций; 3) отношение автора к языку как способу воплощения авторского мировосприятия и художественной форме воплощения авторского замысла. Критериями индивидуально-авторских образований являются: 1) отличие их от собственно языковых неологизмов, зафиксированных в словарях; 2) своеобразие семантической структуры, актуализация которой обусловлена идейно-тематическим и композиционным развитием произведения; 3) несводимость их значения к контекстуальному значению, несмотря на ограниченную актуализацию значения; 4) привязанность к исходной речевой ситуации; 5) ограниченные возможности стабилизироваться в языке; 6) наличие в их содержательной структуре коннотации "новизны". Индивидуально-авторское употребление слов в художественном тексте, необходимое для передачи смысла, может осуществляться за счет: 1) переосмысления содержания при сохранении формы слова как системного элемента или в результате его комбинаторных изменений; 2) изменения и формы, и содержания лексической единицы. Таким образом, можно говорить о двух типах авторских неологизмов: семантических неологизмов и новообразованиях. Анализ неологизмов в романах писателей ГДР К. Вольф [3], Г. де Бройна [4], Г. Канта [5] позволил обнаружить тенденцию к употреблению именно коннотативно маркированных неологизмов второго типа - новообразований. В анализируемых произведениях К. Вольф приблизительно 75%, а у Г. де Бройна 79% новообразований коннотативно маркированы.

Контрастивный анализ авторских неологизмов и эквивалент-

тов их переводов на русский язык дает нам возможность выделить следующие признаки коннотативности авторских новообразований как свойства элементов художественной формы: I. По линейной протяженности это может быть любой по величине прагматико-экспрессивный компонент плана содержания лексических единиц (от лексемы до целого отрезка текста), который дополняет их объективное содержание. Так, новообразования Г. Канта *der Schemelreiter* (с.298), *der Schemelkapitän* (с.30), *der Kreiderprofessor* (в переводе А.Исаевой и И.Карцевой соответственно "министерский чиновник", "бюрократ", "руководитель" и "каменный профессор"), на наш взгляд, утрачивают образную экспрессивность и, в некоторой степени, компонент иронии, привнесенный автором в новообразования. Авторская номинация "*der Kreiderprofessor*", о чем сигнализирует контекст, содержит иронический оттенок обозначения педантичности профессора старой схоластической школы в условиях заведения нового социалистического типа.

2. Неявный, формально не выраженный коннотативно маркированный элемент художественного текста, не увеличивая его объем, усложняет его содержание. Новообразование Г. де Бройна "*Wohlstandskommunist*" в переводах на русский язык обнаруживает семантическую лауну и передается в текстах русского языка просто как "благополучный человек", утрачивая при этом индивидуальную-авторскую образность.

3. В коннотативности лексико-семантических элементов текста находит выражение специфичность и индивидуальная ав-

торская образность. Повторяющиеся словесные образы с актуализованной образной коннотацией могут приобретать значения символов и являться основополагающим элементом художественной формы текста. На уровне целостной смысловой структуры художественного произведения коннотативные потенции авторских неологизмов характеризуются внутритекстовой направленностью, т.е. могут быть рассмотрены как словообразующие функциональные признаки, которые способны вызвать эмоционально-ассоциативные процессы в сознании говорящих в результате взаимодействия элементов текста друг с другом или с целостной структурой всего текста. В этом отношении показательны варианты перевода заглавия романа К.Вольф, обнаруженные нами в литературоведческих работах на русском языке: Пример одного детства // История литературы ГДР. М.: Наука, 1982; Гугнин А.А. Писатели ГДР. М.: Радуга, 1984; Узоры одного детства : Павлова И.С. Преодоление прошлого // Литературное обозрение, 1983, №5; Образчик детства, Образы детства.

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что коннотативные потенции лексики являются релевантным признаком при контрастивном анализе номинативных единиц разных языковых систем и проявляются как на внетекстовом, так и на внутритекстовом уровнях.

Библиографический список

1. Копыленко М.М., Попова Э.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1976.

2. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц языка. М., 1986.
3. Wolf Ch. Kindheitsmuster. Aufbau - Verlag, Berlin und Weimar, 1976.
4. а) Bruyn Günter de. Buridans Esel. Mitteldeutscher Verlag, Halle (Saale), 1972.
б) Bruyn Günter de. Preisverleihung. Mitteldeutscher Verlag, Halle (Saale).
5. Kant H. Die Aula. Rütten und Loening. Berlin, 1980.

Брягэна И.Я. /Рига/

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ЗАЙМСТВОВАННЫХ ЛЕКСЕМ В АСПЕКТЕ КОМПАРАТИВИСТИКИ

Займствование является одним из путей обогащения словарного состава языка. В настоящей статье делается попытка определить стилистическую значимость заимствованных лексем. Думается, что изучение этого вопроса может способствовать совершенствованию методики преподавания немецкого языка на продвинутом этапе, особенно при обучении разговорной речи. Известно, что заимствование происходит для восполнения пробелов в языке-реципиенте. Однако процесс заимствования - это не только механический перенос лексических единиц из одного языка в другой. Полная идентичность значений, на наш взгляд, возможна (даже не-

обходима) в области научной терминологии, в остальных же случаях заимствование связано с изменением значения данной лексической единицы при ее переходе из одного языка в другой. Часто наблюдается редуцирование объема значения [1], т.е. заимствованием является лишь одна или несколько семем языка-основы. Изменения происходят также в соотношении денотативного и коннотативного компонентов значения. Лексические единицы приобретают при переходе в систему другого языка коннотативный компонент значения, который может отсутствовать в языке-основе. Например: лексема *die Fete* (праздник, празднество) была заимствована из французского языка в 18 веке. Сегодня она принадлежит к слов устаревшей лексики и употребляется в разговорной речи молодежи в значении "празднество" с определенной маркировкой - шуливо¹. Лексема *die Party* (прямое заимствование из англоамериканского) обозначающая также праздник, вечер отдыха дома или в саду, является неологизмом современного немецкого языка, она стилистически нейтральна, но находит более частое употребление в речи старшей возрастной группы.

Большинство заимствований в современном немецком языке - англо-американского происхождения, очень многие из них употребляются в разговорной речи с целью выражения необычности,

¹ Следует отметить, что большинство устаревших лексем (в том числе и заимствованных), употребляемых в современном немецком языке имеют стилистическую окраску возвышенности, например: *die Bonhomie, der Demant, die Distinktion, das Mirakel*

подчеркивая неофициальность речевой ситуации [2]. Стилистически нейтральные лексемы английского или французского языков или их семемы часто употребляются в немецком языке только в разговорной речи и являются носителями экспрессивности. В современной немецкой разговорной речи часто употребляется заимствование из английского языка *der Job* в значении "занятие, выгодное дело" (ср. англ. *job* - 1) работа, дело, труд; 2) работа, место службы; 3) задание; 4) недобросовестная отделка; 5) жарг. воровство, кража; 6) залежавшийся товар; 7) деталь, изделие; 8) полигр. акциденция) [3, с.61,62]. В немецкой разговорной речи употребляется *clever* (*Das ist ein cleverer Mann, er ist clever*) в значении умелый (ср. англ. *clever* 1) умный; 2) хорошо, умело делающий; 3) ловкий, умелый; 4) хорошо сложенный; 5) удобный, приятный; 6) диал. живой; 7) амер. разг. добродушный). Лексема *die Bagage* [3, с.62] в современном немецком языке практически не употребляется для обозначения багажа (ср. латышск. - *bagāža* - багаж), она имеет пейоративное значение "сброд" (ср. франц. *bagage* багаж, груз; англ. *baggage* - 1) амер. багаж; 2) ввозимое имущество; 3) груб. распутница; 4) шутл. девчонка; 5) уст. бремя, обуза).

В немецкой разговорной речи встречаются такие заимствования как: *der Gag*, *managen*, *trinken*, *die Beauty*, *die Beute*, *das Air*, *die Chaise*, например:

Das war ein Gag!

Das hat mein Freund gemanagt!

Getrimmt haben sie dort!

Die hat sich vielleicht ein Air gegeben!

So eine alte Chaise.

Все эти заимствования имеют ярко выраженную стилистическую окраску экспрессивности в современном немецком языке, в языке-источнике этой доминанты экспрессивности в структуре их значения нет.

Надо отметить, что стилистическая значимость заимствований проявляется также в словообразовании. Самый продуктивный вид словообразования в современном немецком языке - словосложение. В немецкой разговорной речи встречаются такие сложные слова, как *Autobaby* (начинающий автоводитель), *Babylook* (грим, придающий молодежный вид), *Benzindialekt* (разговор, речь автоводителей), *Wasserwäseuse* (уборщица), *Witzzahl* (красивая девушка, работающая в бюро), *Beautyfarm* (санаторий в сельской местности). Как видно, в состав этих слов входят заимствования и интернационализмы, которые отдельно взятые, стилистической маркировки не имеют (*Benzin*, *Auto*, *Dialekt*, *Wäseuse*, *Witz*, *Farm*). Названные нами сложные слова, элементами которых они являются, бесспорно имеют стилистическую маркировку и становятся носителями экспрессивности, они употребляются в разговорной речи, придавая речевой ситуации непринужденность и юмористический оттенок.

Как уже было сказано, заимствования заполняют, как правило, свободное пространство в языке-реципиенте. Заимствование - это не только обогащение лексико-семантической подсистемы

теми новыми лексическими единицами, которых нет в языке-реципиенте. Это также дополнительные возможности выражения экспрессивности. Часть заимствований можно обозначать стилистическими синонимами немецкого языка (*die Fete, clever, der Job, der Chef*), но не следует забывать о том, что процесс заимствования должен быть учтен и как проблема культуры речи. Рассмотрение этой проблемы в задаче данной статьи не входит. Мы только обозначили одну сторону процесса заимствования.

Следует отметить также, что стилистическую маркировку лексические единицы могут приобретать и при их интеграции в другой ареал: так диалектизмы, употребляющиеся вне диалекта, могут стать носителями экспрессивности, хотя в диалекте стилистически нейтральны [4].

Итак, заимствования могут получать стилистическую значимость при переходе из одного языка в другой. Стилистическая значимость может быть также результатом словообразования, использующего заимствованные лексические и деривационные элементы.

Библиографический список

1. Langner H. Zum Einfluss des Angloamerikanischen auf die deutsche Sprache der Gegenwart // Zeitschrift für Germanistik. Leipzig, 1986 Nr.4. S.402-419.

2. Коротких В.Т. Коллоквиализмы - заимствования современного немецкого языка. М.; МГПИ, 1978.
3. Stepanova M.D., Cernyševa I.I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Moskau, 1986.
4. Brizna I. Zur Frage der Integration der Dialektismen und Entlehnungen in die Existenzformen der deutschen Gegenwartssprache // WZ der Wilhelm-Pieck-Universität Rostock - 35. Jahrgang 1986 Gesellschaftswissenschaftliche Reihe, Heft B. 3.74-75.

Бродович О.И. /Ленинград/

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ
(к вопросу о статусе шотландского)

Со времени появления работы Дж.Гринберга [1] принято выделять три метода сопоставительного изучения языков - генетический, типологический и ареальный. Но, как убедительно показал Э.А.Макаев [2,3], ареальные исследования не представляют собой совершенно самостоятельного метода. При исследовании близкородственных языков и генетический критерий использоваться не может, поскольку генетическое родство здесь задано самой постановкой задачи. Остается, следовательно, один критерий - типологический. Критерий этот необходим для получения

ответа на кардинальный вопрос сопоставительного изучения близкородственных языков, а именно: самостоятельные ли это языки или диалекты одного языка?

Между тем в литературе, обсуждающей методику получения ответа на этот вопрос, установилась традиция опираться на отнюдь не лингвистические критерии, а именно: наличие / отсутствие взаимопонятности; наличие / отсутствие единой литературной нормы; наличие / отсутствие у носителей двух сопоставляемых лингвистических систем осознания этнического, культурного и языкового единства. Но для практического сопоставления конкретных языковых систем необходимы более надежные критерии определения разделяющего их лингвистического расстояния; естественно поэтому для исследователя обратить свои взоры на данные типологии.

Впрочем, в 1971 г. Ф. Агардом была предложена методика сопоставления близкородственных языковых систем [4], основанная на данных, извлекаемых исключительно из этих систем, без обращения к понятию типа языка. Суть идей Ф. Агарда вкратце сводится к следующему. Для того, чтобы быть сопоставимыми, две системы должны иметь общий список фонологически и семантически подобных морфем (слов), причем для того, чтобы быть отнесенными к диалектам одного языка, две системы не требуют более строгого лексического критерия. Однако при этом системы с такого рода общим лексиконом должны удовлетворять еще двум критериям - фонологическому и грамматическому (морфологическому и синтаксическому). Фонологический критерий

состоит в следующем. Если общий лексикон двух систем может быть представлен одним набором фонем^I, не превосходящим по числу единиц наборы, представляющие каждую из систем в отдельности, то такие системы могут - при условии учета второго, грамматического критерия - быть признаны диалектами одного языка. Грамматический критерий состоит в том, что системы, если они являются диалектами одного языка, должны иметь идентичные морфологические и синтаксические структуры: одни и те же части речи, классы словоизменения и базовые синтаксические модели.

При таком подходе взаимопонятность как между двумя (родственными) языками, так и внутри одного языка между его диалектами, величина сама по себе неизмеримая, оказывается функцией, производной от измеряемых факторов: фонологических, грамматических и лексических.

В концепции Ф. Агарда обращают на себя внимание два момента: во-первых, то, что в вопросе сопоставления лингвистических систем с целью определения их относительной независимости лексики отводится наименее существенная роль в числе языковых уровней, а во-вторых, то, что здесь на первый план выдвигается фонологический критерий. Следует иметь в виду, что методика сопоставления систем по фонологическому критерию разработана

^I Ф. Агард употребляет здесь термин "морфофон", но для нас его преимущество по сравнению с термином "фонома" неочевидно.

Ф.Агардом достаточно подробно, и лишь из-за ограниченного объема статьи мы удерживаемся от подробного ее изложения.

Важность первоочередного учета фонологического яруса представляется нам особенно существенной. Обычно в ходе типологических сопоставительных работ исследователи сосредотачиваются на грамматическом, и даже морфологическом ярусе. В коллективном труде "Квантитативная типология языков Азии и Африки", целиком построенном именно на этом материале признается, однако, что "... вопрос о том, почему морфологическая техника предпочтена всему прочему ... в качестве объекта сравнения остается без ответа" [5, с.9].

Автором теоретического введения к указанной книге (и в частности цитированных выше слов), проф. В.Б.Касевичем, была предложена блестящая схема типологической классификации языков, целиком построенная на чисто фонологических критериях [6].

В некоторых случаях обращение преимущественно к фонологическому аспекту оправдывается самим материалом сопоставляемых языковых систем. Такова ситуация во всех случаях, когда рассматриваются языки и/или диалекты, восходящие к английскому (английский и американский, английский и шотландский, английский и креольский, различные диалекты Великобритании и/или США и т.д.). Скучность словоизменительных формантов, относительная древность (не менее пяти веков) основных синтаксических структур английского на фоне исключительной вариативности фонетических и фонологических систем во всех формах

существования английского языка или языков, восходящих к одному с ним источнику, приводят к тому, что именно в фонологическом материале и сосредоточиваются основные черты, определяющие статус той или иной формы существования английского.

Возможность получения доказательного ответа на вопрос о языковом *versus* диалектном статусе исходя из критериев фонологической типологии можно показать на примере сопоставления английского с шотландским. Современный шотландский (Scots) нередко причисляется к диалектам английского. Так, М.М.Маковский в числе современных английских диалектов называет диалекты Шотландии [7, с.26-27], а в числе авторов, писавших "преимущественно на английских диалектах" называет Р.Бернса [7, с.31].

Крупнейший современный исследователь шотландского А.Эйткен колеблется в вопросе о его статусе, нередко называя его языком (как, впрочем, и диалектом) лишь в кавычках [8, с.527-529].

При рассмотрении англо-шотландских параллелей целесообразно сосредоточиться на вокализме, поскольку системные консонантные отличия сводятся здесь к наличию в шотландском двух фонем, отсутствующих в английском - /m̥w/ и /x/, что не может сыграть решающей роли в интересующем нас вопросе.

А.Эйткен представляет систему шотландского вокализма следующим списком: /eɪ/, /æ/, /ɪ/, /e/, /oɪ/, /u/, /ɔ/, /e:/, /oɪ/, /a:/, /u/, /iu/, /ɪ/, /ɛ/, /a/, /o/, /ʌ/. Итого 17 фонем. А.Эйткен пытается сопоставить

эти 17 фонем с системой гласных литературного английского (RP). Для этого он строит таблицу^I из четырех столбцов (не считая столбца с нумерацией сорок): первый - этимологические классы, в которых представлены гласные шотландского, третий - ditto для английского, второй - фонемы шотландского, четвертый - ditto литературного английского. Несмотря на то, что автор выделяет в шотландском 17 гласных фонем, строк в таблице не 17, а 27. Эта цифра превосходит число фонем, выделяемых (обычно, и в том числе самим А.Эйткеном) для RP. Если мы вспомним требование Ф. Агарда, состоящее в том, что общий список фонем в двух системах не должен превосходить список для каждой из них, то увидим, что этому требованию совместный список Эйткена не удовлетворяет. Одно это уже ставит под сомнение возможность признания шотландского и английского какими-то формами существования одного языка.

Далее, семь клеток из 27 не имеют в RP никаких соответствий и наоборот пять не имеют никакого лексического овеществления в шотландском.

Весьма сложно обстоит дело и в тех случаях, когда шотландской гласной, например, /əi / (или, в других транскрипциях, /ʌi / приводятся конкретные соответствия в английском. В данном случае оказывается, что в части слов этот гласный

^I Допустимый объем статьи вынуждает нас воздержаться от приведения этой таблицы, которая занимает четыре страницы высокой печати, и ограничиться максимально понятным пересказом.

соответствует английскому /aɪ /, в другой - /ɔɪ /, в третьей - /eɪ / . То же можно сказать о шотландском /əɪ /, которое иногда соответствует RP /u / - но лишь в части этимологического класса этого последнего, а иногда соответствует английскому /u: /, в то же время как английскому /au / в шотландском систематически соответствует /u / (что, впрочем, в таблице исходящей из шотландской системы четкого отражения не получает). Таким образом, правы те исследователи, которые считают, что шотландская система гласных невыводима из английской [9, 10].

Но особую роль в контрасте шотландского и английского вокализма играет количественный аспект. А. Зйткен открыл закон, называемый теперь обычно его именем, [II] закон, который управляет распределением количественного параметра в шотландском вокализме. По этому закону количество шотландского гласного находится в зависимости от окружения. Перед звонкими щелевыми, /r / и на конце морфемы гласные долгие, во всех остальных позициях - краткие. Так *greed* [grɪd], но *agreed* [ˈgrɪd] так как перед *d* здесь проходит морфемный шов. Впрочем, две гласные - /ɪ / и /ʌ / - не подвержены действию этого закона. Они всегда краткие.

Тем не менее подверженность шотландских гласных закону Зйткена показывает, что шотландский язык типологически иной, чем английский. В английском долгота из релевантного признака еще в среднеанглийский период перешла в сопроводительный. Определяющим же признаком английского гласного является контакт

о последующим согласным. Корреляция контакта привела в английском к пересмотру роли слога в системе языковых уровней. Слог в английском представляет собой особую единицу языковой структуры, несводимую по своим функциональным параметрам к артикуляторной единице фонемных языков¹. Слоги в английском по преимуществу закрытые. Шотландский же тяготеет к открытому слогу (см. об этом I4).

Итак система шотландских гласных и структура слога в шотландском показывает, что это язык типологически отличный от английского. Это - самостоятельная лингвистическая система, самостоятельный язык, а никак не диалект английского.

Особо густая сеть изоглосс, буквально испещряющая район границы между Англией и Шотландией, и ее прочность объясняется отнюдь не субъективными факторами лояльности шотландцев по отношению к родной речи, как это полагает А.Эйткен, а вполне объективными причинами: значительно большим лингвистическим расстоянием, отделяющим шотландский от английского, по сравнению с тем, которое отделяет, например, северные диалекты английского от центральных.

Библиографический список

I. Greenberg J.H. *Essays in linguistics*, Chicago, 1957.

¹ Подробное о роли слога в современном английском языке см. работы [12] и [13].

2. Макаев Э.А. Проблемы и методы современного сравнительно-исторического индоевропейского языкознания // Вопросы языкознания, 1965. №4.
3. Макаев Э.А. Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977.
4. Agard F.B. Language and dialect: some tentative postulates // *Linguistics*. 1971 Nr.65.
5. Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л., 1982.
6. Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.
7. Маховский М.М. Английская диалектология. М., 1980.
8. Aitken A.J. Scots and English in Scotland // *Language in the British Isles* / Ed. by P.Prudgill. Cambridge, 1984.
9. Catford J.C. The Linguistic Survey of Scotland // *Orbis*, 1957. T.6. Nr.1.
10. Wells J.C. Accents of English. In 3 volumes. Cambridge. Vol.2. 1982.
11. Aitken A.J. The Scottish vowel length rule // *So many people longages and tongues: philological essays in Scots and mediaeval English presented to Angus McIntosh* / Ed. by M.Benskin and M.L.Samuels. Edinburgh, 1981.
12. Бродович А.И. Структурная роль слога в английском языке: данные диалектов // *Вестн. Ленингр. ун-а* 1986. Сер.2. Вып.2.

13. Brocovich A.I. English in the continuum of syllabic - non-syllabic (phonemic) languages: RP and dialect data // Proceedings of the Eleventh International Congress of Phonetic sciences. In 6 volumes. V.5. Tallinn, 1987.
14. Abercrombie D. The accents of Standard English in Scotland // Languages of Scotland / Ed. by A.I.Aitken and T.McArthur. Edinburgh, 1979.

Велиева Е.Е. /Москва/

ОПЫТ КОНТРАСТИВНОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ ИНФИНИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ
/на материале объектного инфинитивного оборота/

Методически ориентированные контрастивные исследования обычно ограничиваются сопоставлением родного /L-1 / и иностранного /L-2 / языков. Однако давно замечено [1, с.61-62], что при изучении второго иностранного языка /L-3 / явление интерференции наблюдается в большей степени со стороны первого иностранного языка /L-2 / особенно если оба иностранных языка более близки генетически и типологически друг другу, чем родному языку студента. С этой точки зрения определенный интерес представляет сопоставление такого грамматического явления в современных английском и французском языках, как

объектный инфинитивный оборот, Complex Object в английском и Proposition Complément d'object Infinitif французском языках. Поскольку в русском языке конструкции, аналогичной объектному инфинитивному обороту не существует, то при изучении французского языка как второго иностранного явление интерференции возможно только со стороны английского языка.

Объектные инфинитивные конструкции существуют как в английском, так и во французском языках, и многие исследователи подчеркивают тенденцию ко всё большему использованию прямообъектных транзитивных конструкций вместо придаточных предложений [2, с.92;3с.49].

Complex Object и Proposition Complément d'object Infinitif, восходящие к латинскому Accusativus cum Infinitivo, имеют в своем составе два дополнения к глаголу - существительное или местоимение и инфинитив. При этом первое дополнение выступает в роли логического субъекта, а второе - логического предиката, благодаря чему конструкция обладает синтаксической цельностью и может трансформироваться в придаточное предложение. Возможность трансформации объектного инфинитивного оборота в придаточное дополнительное предложение является в обоих языках формально-синтаксическим признаком объектного инфинитивного оборота.

I noticed him cross the street = I noticed that he crossed the street.

Je vois mon ami entrer = Je vois que mon ami entre.

Поскольку эта конструкция, как и придаточное предложе-

ние, выражает сообщение об отрезке действительности, она вводится глаголами, несущими значение восприятия или отношения к действительности. Однако если в английском языке объектный инфинитивный оборот вводится целым рядом глаголов, выражающих а) чувственное восприятие; б) акт наблюдения (to watch ; to observe ...); в) умственную деятельность (to know , to think ...); г) высказывание (to declare , to report ...); д) волю, желание (to want , to know ...); е) побуждение, разрешение, просьбу (to order , to allow), то во французском языке употребление инфинитивного дополнительного предложения ограничивается перцептивными глаголами: voir "видеть", regarder "смотреть", apercevoir "замечать", entendre "слышать", écouter "слушать", sentir "чувствовать". Необходимо заметить, что существующие во французском языке аналогичные конструкции с глаголами faire , laisser грамматизовались, их сочетание с инфинитивом рассматривается как единое сказуемое, они не могут трансформироваться в придаточное предложение и к рассматриваемому обороту отношения не имеют.

С другой стороны, по некоторым данным [3, с.52], и в английском языке глаголы чувственного восприятия обладают наибольшей функциональной активностью: только три глагола этой группы to see , to feel , to hear составляют 17,5% всех употреблений вводящих глаголов.

Таким образом, совпадение в английском и французском глаголов семантической группы физического восприятия и ощущение

ния в роли управляющих глаголов при объектном инфинитивном обороте составляет положительный фактор переноса и способствует изучению французского языка лицами, владеющими английским языком. Однако при этом остальные семантические группы управляющих глаголов, употребляемые в английском языке, оказываются "ненужными" и могут спровоцировать студента на образование нехарактерных для французского языка конструкций по принципу аналогии.

Ограничение использования объектного инфинитивного оборота во французском языке рамками одной семантической группы глаголов облегчает студенту, владеющему английским языком, овладение данной конструкцией, т.к. семантика опорного (управляющего) глагола предопределяет употребление только той формы инфинитива, которая может выразить одновременное действие, т.е. *Infinitive Indefinite* в английском языке и *Infinitif Présent* во французском языке. В английском языке существует еще возможность употребления *Infinitive Continuous*, который также выражает одновременность действия, но поскольку эта форма в данной конструкции употребляется редко, факт ее существования вряд ли может вызвать затруднения при овладении французским языком.

Изучение французского объектного инфинитивного предложения может вызвать трудности у человека, владеющего английским языком с точки зрения формально-грамматической. Хотя оба оборота, и английский и французский, имеют в своем составе одинаковые компоненты - существительное или местоимение и

Библиографический список

1. James C. The exculpation of contrastive linguistics // Papers in Contrastive Linguistics. Cambridge, 1971. P.61-62.
2. Никольская Е.К. Инфинитивные конструкции, эквивалентные придаточным предложениям в современном французском языке // Сборник статей по французской лингвистике и методике преподавания иностранных языков в вузе. М., 1971.
3. Блиндус Е.С. Конструкция "винительный падеж с инфинитивом (причастием) в современном английском языке // Вопросы перевода и синтаксиса. XIII научно-техническая конференция посвященная 75-летию изобретения радио. Новосибирск, 1970.

Гарская Л.В., Логвинова В.В., Маковецкая Н.А. /Воронеж/

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СООТНОСИТЕЛЬНЫХ
СЛОВ, ОБЪЕДИНЕННЫХ ЗНАЧЕНИЕМ "СВЕЧЕНИЯ"
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Одной из актуальных задач современных лексико-типологических исследований является вопрос об изучении сочетаемости соотносительных слов в различных языках. Сопоставительный анализ лексической и грамматической норм сочетаемости так

слов помогает выявить различные формы языковой номинации в разных языках, обнаружить идиоматичность как в случаях структурного несовпадения единиц номинации (слово в одном языке, словосочетание - в другом), так и в случаях структурного совпадения при отражении национальной специфики номинации.

Разберем сходства и различия при актуализации прямых и переносных значений у глаголов со значением "свечения". Синонимической доминантой в английской группе слов является глагол *shine*, который в своих прямых непереходных значениях соответствует русским глаголам:

1) светить, сиять (излучая, распространяя спокойный, равномерный свет, сияние), озарять;

2) блестеть, сверкать (быть ярким от излучаемого, отражаемого света, сиять переливчатым светом).

В позиции субъекта с этим глаголом при реализации первого из приведенных прямых значений сочетаются существительные, обозначающие естественные и искусственные источники света. В смысловой структуре этого же прямого значения обнаружен скрытый компонент движения распространения и проникновения света. Вот почему указанный английский глагол нередко функционирует в субъектных структурах, осложненных докативно-адвербиальными отгосениями. При переводе на русский язык подобных английских конструкций значение английского глагола передается путем включения уточняющих лексических элементов - русских глаголов движения. Но в русском языке существует глагол движения "падать", который может употребляться в переносном зна-

чении, когда речь идет о световых явлениях. Этот глагол может заменять английский глагол *shine* в первом прямом значении, например: *A floodlight shone down into their faces* (Steinbeck). Яркий свет прожектора падал на их лица.

Все члены исследуемой синонимической группы в английском языке обнаруживают близость переносных (метафорических) значений, используемых для передачи внешнего проявления эмоций. Они соответствуют следующим русским глаголам: блестеть, светиться (под влиянием чувств), сиять, гореть, сверкать (выражая какие-либо эмоции, чувства). Вторые переносные значения выражают понятия: проявляться, отражаться (в глазах), проглядывать (о чувствах, но чаще о внутренних качествах человека). Третьи переносные значения эмоционально-оценочного характера отражают ассоциации, связанные с понятием сильного воздействия на зрительное и умственное восприятие, когда речь идет об оценке человеком каких-то общественных событий, его отношении к явлениям жизни, другим людям. При реализации переносных значений глаголов в качестве субъектов употребляются существительные, обозначающие человека, его лицо, глаза, взгляд, названия лиц (имена собственные). Такие субъектные структуры распространяются адвербиальными фразами (с указанием, например, на причину появления блеска глаз), сравнительными оборотами (с указанием на способ и условия проявления эмоции, чувств, качеств). В несубъектных позициях, в широком контексте выступают слова, словосочетания, выражающие:

1) эмоции, чувства, состояния человека; 2) внутренние качест-

ва и свойства человеческой природы; 3) ощущения и настроение человека.

При актуализации переносных значений у исследуемых глаголов широкий контекст играет большую роль. Он создает условия для проявления чувств, эмоций, внутренних качеств, настроения человека. Особенно исключительную роль играет широкий контекст при реализации третьих переносных значений. Такой контекст, описывая окружающий человека мир, вызывает у него определенную эмоционально-оценочную реакцию. Например, в глаголах *flash/glaze* имплицитно заключено значение, связанное с интенсивным внезапным выражением отрицательных эмоций и состояний (напр., выраженных понятиями гнева, ненависти, ярости) и способом их проявления (напр. взглядом, направленным на кого-либо). Этот компонент (со скрытым аспектом "направленный процесс зрения") определяет специфику этих глаголов в английском языке.

В русском языке подобные ситуации передаются глаголами "свечения" нередко с имплицитным выражением "направленного взгляда на кого-либо" и эксплицитным выражением соответствующих понятий чувств, эмоций: (гневно) сверкнул (на нее) глазами, сверкнул гневным взором, взгляд горел нетерпением. В русском языке широко используется еще один способ описания подобных ситуаций с помощью эксплицитно выраженных глаголов "направленного процесса зрения" типа кинуть (бросить, метнуть) взгляд на кого-либо. При этом понятия о чувствах/эмоциях передаются прямыми значениями языковых единиц из соот-

ветствующей тематической группы слов со значением чувств/эмоций (напр. сердито/сердитым взглядом, гневно, враждебным/недобрым взглядом).

Таким образом, функционально-семантическое сопоставительное исследование соотносительных слов, объединенных значением "свечения", обнаружило их типологически сходные лексико-семантические характеристики: семантические контексты реализации их значений одинаковы, их субъектная сочетаемость находится в соотношении тематической общности, члены соотносительных групп обнаруживают тенденцию к сближению и укреплению своей семантической близости.

На фоне типологически сходных характеристик выявляются особенности номинации: так в смысловой структуре английских слов "свечения" обнаружены скрытые категории, предопределяющие развитие новых значений и новых тенденций в словоупотреблениях. В английских глаголах "свечения" релевантными являются три скрытые категории: "движение", "направленный процесс зрения", "цветовое восприятие". В смысловой структуре русских глаголов "свечения" таких скрытых категорий нет, но они эксплицитно представлены соответствующими языковыми средствами, отражающими их тематическую принадлежность (падать, передвигаться, смотреть на кого-либо сердито/сердитым взглядом, белеть, серебриться, золотить). В переносных значениях английские глаголы "свечения" обнаруживают тенденцию к детализации и семантической конкретности, когда глаголы "специализируются" на выражении каких-то чувств, эмоций, качеств положительного или отрицательного плана.

Герценберг Л.Г., Нерознак В.П. /Ленинград, Москва/

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВ КАК АСПЕКТ
ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Сопоставление является универсальным лингвистическим приемом. Любое языковедное исследование основывается на сопоставлении. Сопоставляются различные явления в рамках одного и того же языка, факты одного языка явно или скрыто сопоставляются с фактами другого языка, данные в одном историческом срезе сопоставляются с данными в другом историческом срезе. Элементарным звеном лингвистического анализа является некоторая бинарная, двухкомпонентная единица; она вычленяется на основе сходства двух сопоставимых компонентов, цель ее анализа - выявление различий. Объяснение же устанавливаемых различий ведет к лингвистической абстракции. Так, эти различия могут объясняться тем, что в обоих сопоставляемых компонентах исследуемой бинарной единицы по-разному комбинируются некоторые составляющие, общие для обоих компонентов. Объяснение такого рода может повторяться в направлении углубления; составляющие одного из уровней анализа вполне могут оказаться универсальными, имеющимися в любом языке. Распространен и другой путь объяснения различий между компонентами исследуемой бинарной единицы: эти компоненты могут - каждый по-разному - вычленяться из некоторых организмов ("систем"), в которые каждый из них входит. Такой способ анализа обращен к спо-

теме, которая сама оказывается компонентом двуединой сопоставляемой единицы. Иначе говоря, анализ бинарных сущностей может идти либо в направлении к единицам низших порядков, либо - к единицам высших порядков.

Сама процедура сопоставления проявляется с неодинаковой отчетливостью, высвечивается с различной яркостью в зависимости от того, какие языковые факты сопоставляются. Если исследуемыми компонентами являются диахронически различающиеся факты, то сама процедура сопоставления как бы остается в тени, внимание сосредотачивается на различиях инвентаря составляющих, на закономерностях их "рекомбинации"; обращение к фактору времени побуждает рассуждать об изменении или развитии - с поисками факторов в рамках более широких системных связей и т.п.

В тени процедуры сопоставления остается и в тех случаях, когда в качестве компонентов двуединого объекта выступают факты одного и того же языка. В этих случаях говорят об описательном методе, подразумевая нередко при этом отсутствие всякого сравнения и сопоставления. В самом же деле и здесь дело не обходится без сопоставления. Стремясь, например, отграничить значение одного способа глагольного действия от другого, исследователь их сравнивает. При описании "употребления" какой-то грамматической формы лингвист при каждом конкретном шаге анализа сопоставляет один случай "употребления" с другим. Поскольку однако термины "сравнение" и "сопоставление" в практике языковедной работы принято связывать

привлечении разных языков, их исторических срезов, диалектов, то и в этом случае сущность процедуры анализа не выступает на первый план.

Иначе обстоит дело в типологических разысканиях. Конечно, и в лингвистической типологии процедурно-методическая сторона анализа бинарной единицы тоже может отступать на задний план. Это характерно для таких типологических исследований, которые нацелены в первую очередь на универалистские обобщения: таковы морфологическая классификация языков, теория импликационных универсалий, и др. Нетрудно, однако, заметить, что такие концепции при всей их значимости обладают существенным недостатком: с их помощью языки мира разделяются на очень небольшое количество типов. И следовательно, характеристика каждого языка оказывается малоинформативной. Это и привело к развитию иного направления в типологии — такого направления, в рамках которого стремятся выявить более детальные, "мелкие" типологические различия. Как правило, такие исследования проводятся на материале двух языков: это работы, осуществляемые при помощи так называемого контрастного метода; именно в них сама процедура сопоставления двух компонентов бинарной единицы, основной метод лингвистического исследования, выступает на первый план.

Таким образом, можно говорить о контрастивном исследовании в широком смысле — им явится любое лингвистическое исследование — можно даже говорить о своего рода доминирующем положении "дифференциальной лингвистики", охватывающей

компаративистику, типологию, контрастивистику и т.п.; чаще говорят о контрастивных исследованиях в узком смысле, имея в виду одну из разновидностей типологических разысканий, нацеленную не на всеобъемлющие классификации, а на констатацию и интерпретацию конкретных различий чаще всего двух явлений (фактов "систем"), представляющихся в целом сходными.

Как известно, в этом направлении сделано немало. Существуют чрезвычайно многочисленные труды, в которых весьма детально проведено контрастивное исследование сопоставимых фактов на материале самых различных пар языков. Сопоставлялись и системы, являющиеся существенными областями языкового строя. Сопоставлялись и "целые языки", но в этом случае процедура анализа нарушалась, "характерологические" описания языков были вынуждены либо опираться на неполную индукцию, либо исходить из интуиции. Но стремление придти в результате последовательного применения контрастивного метода к целостной характеристике языка является вполне закономерным и соответствующим логике развития самой контрастивистики. Что же нужно для того, чтобы прийти к такому результату, избегая тех превратностей типологического метода, которые привели к такому сверхобобщенному, хотя и сложному по своему аппарату способу, который выработан, например, У. Леманом в его "теории порядка компонентов", с делением всех языков мира на два типа?!

Как можно провести крайне актуальное для лингвистики исследование, удовлетворяющее бы двум требованиям:

а) строгости метода, основанного на четком осмыслении сопоставления компонентов в составе бинарных единиц, избегающем экстраполяции и стремящегося не следовать давлению традиции;

б) весомости результатов, позволивших бы создать новую типологическую теорию, достаточно детализованную для того, чтобы даваемая с ее помощью характеристика определенного языка вскрывала бы его природу более глубоко, чем имеющиеся в нашем распоряжении средства.

Очевидно, что для решения такой проблемы идеальным было бы тотальное сопоставительное исследование всех языков мира по парам. Каждую пару языков следовало бы сопоставить по отдельным компонентам (фонологическому, грамматическому, семантическому и др.) и по их структурным составляющим; с другой стороны, сопоставление было бы целесообразно проводить по различным функционально-семантическим ситуациям, обращаясь в первую очередь к анализу так называемых *face-to-face* ситуаций.

Поскольку, однако, задача на существующем уровне организации лингвистических исследований нереальна, неизбежно приходится искать ограничения. Современная практика отечественного языкознания и реальнее запросы общества ведут к установлению следующих ограничений, основательно упрощающих задачу:

1. Ограничение объекта исследования языками СССР.

2. Ограничение процесса сопоставления каждого из

языков СССР лишь сопоставлением его с русским языком.

Реализация такой программы привела бы фактически к созданию типологической грамматики русского языка, скорее всего - на основе выработанного в ходе исследования особого семантического метаязыка. При строгом соблюдении метода были бы выработаны сопоставимые типологические характеристики для каждого из языков, возможно - в виде программ.

С другой стороны, были бы получены детальные карты соотношения каждого из языков с русским языком, которые транспонировались бы в социолингвистические и этнолингвистические параметры.

Данченко Н.Н. /Рига/

НЕКОТОРЫЕ ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИИ ПОЭМЫ

ДЖ. Г. БАЙРОНА "ДОН ЖУАН" НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Сложность перевода иноязычной идиоматики на родной язык общепризнана [1]. Идиоматика - это удивительно сложный и тонкий мир языковых образов, которые рождались и укреплялись в национальном сознании на протяжении многих веков. Каждый язык обладает своей избирательностью в отношении образов и создаваемых ими смыслов. Именно в этом заключается сложность передачи языкового образа при переводе.

Английской литературе свойственно творческое использова-

ние общеизвестных, закрепленных в идиоматических выражениях образов. Изучая поэтическое наследие Дж.Г.Байрона многие исследователи [2], [3], [4] давно уже отмечали, что одной из ведущих особенностей авторского стиля зрелого Байрона является обращение его к фразеологии.

Среди всех произведений Байрона "Дон Жуан" - наиболее насыщенная фразеологией поэма. Ее фразеологический словарь чрезвычайно богат, он составляет 515 употреблений, в среднем 3 фразеологизма на 100 строк поэтического текста, причем одна треть из них обыгрывается в нем различными, преимущественно неожиданными способами. Представляется очевидным, что в художественном строе поэмы фразеология занимает весьма важное место и составляет одно из основных средств передачи многогранного замысла автора.

Таким образом для того, чтобы у читателей перевода сложилось правильное представление об авторском стиле стихов не безразлично, как сложное разнообразие и богатство идиоматических выражений оригинала передано средствами русского языка. Характерным для Байрона является вскрытие внутренней формы фразеологизма, стяжение в одном синтагматическом ряду двух и более фразеологизмов, образование свободных сочетаний слов по структурной модели фразеологизма. Все эти оригинальные приемы обыгрывания значения фразеологической единицы в тексте трудно поддаются адекватному переводу на другой язык как в плане семантики, так и метрики.

Общеизвестно, что средняя длина английского слова в

стихе короче, чем в русском. Это объясняется преобладанием в английском стихе односложных слов как знаменательных, так и служебных. М.Г.Тардинская пишет, что преимущественное употребление в английском силлабо-тоническом стихе находят односложные слова, они составляют, в частности, до 76,8% лексикки стиха Байрона [5, с.78]. Для слов - компонентов фразеологизмов этот процент даже несколько выше - 87,5% [6, с.152]. Английская строка, таким образом, оказывается более вместительной и плотной. Немаловажным представляется также то, что около 70% фразеологизмов, внесенных в стих, являются ритмически строго организованными со следующими тремя видами черелований ударности-безударности: 1/√-/, 2/√-√-/, 3/ -√-/, объединяющими различные структурные типы фразеологизмов [6, с.148]. К первой группе, например, относятся такие фразеологические единицы как "by Jove", "at large", ко второй "to play the deuce", "as stiff as stone", "through thick and thin", к третьей "heads or tails", "high and dry", "to and fro", и.т.д. Так как английская строка вмещает больше слов при том же количестве слогов, то совершенно неизбежна некоторая потеря плотности стихотворной строки и ритмической выразительности идиом в переводе. Это особенно сказывается на переводе строк, где в одном стихоряду располагаются два фразеологизма или фразеологизм и свободное словосочетание аналогичной структуры.

Для сопоставления оригинала и перевода мы обратились к последнему на сегодняшний день переводу поэмы "Дон Гуан" а

русский язык, осуществленному Т.Гнедич. Перевод появился в 1959 году и с тех пор неоднократно переиздается, так как во многих отношениях представляется самым удачным из всех существующих¹. Но даже этот перевод в отдельных случаях далек от передачи полноты и стилистических тонкостей оригинала. Это особенно справедливо в отношении перевода фразеологии. Обратимся к примерам:

Or any other thing that brings regret,

Or breaks their hopes, or hearts, or heads or necks.

(II - XXXI)

Но, хоть рождает боль и сожаленье

Разбитые сердца и города.

В данном примере имеет место фразеологическая контаминация, т.е. слияние двух или нескольких фразеологических единиц благодаря наличию в них общего компонента. Контаминации подвергаются одновременно четыре фразеологизма с общим компонентом "break", а именно "to break smb's heart" - "разбить ч-л сердце", "to break one's head" - "сломать голову", "to break one's neck" - "свернуть шею, погубить", "to break smb's hopes" - "разрушать надежды".

В перевод вошли только два элемента стихотворного ряда, один из них в модифицированном виде, он как бы вбирает в се-

¹ Об истории перевода поэмы "Дон Квиз" на русский язык см.: Байрон. Соч. в трех томах: Т. III. Дон Квиз / Комментарий Н.Я. Дьяконовой. М., 1974. С. 534-536.

бя два ошуменных звена языковой цепи "heads or necks". Байроновская строка оказывается более насыщенной и ритмически абсолютно соответствует ямбическому импульсу стиха.

Творческой манере Байрона свойственно также использование двух самостоятельных идиом в одном стихоряду, например:

And hence arise the woes of sentiment,

Blue devils and blue stockings and romances,

Reduced to practice and perform'd like dances

(XIV - LXXIX)

В приводимом примере два фразеологизма "blue devils" и "blue stockings" составляют однородные члены, имеют одинаковую акцентно-слоговую структуру и первый компонент, но при всех перечисленных сходствах - синтаксическом, ритмическом и лексическом, обладают неожиданно несоотносимыми значениями. Однородными членами оказываются неодушевленный и одушевленный предметы ("blue devils" - "уныние, меланхолия", "blue stockings" - "синий чулок", "сухие педантки, лишённые женственности"). Все это способствует выделению названных фразеологизмов в стихе, определяет их значимость на фоне других языковых средств. Следует отметить также "оживление" лексикализованной грамматической формы множественного числа в слове "devils", т.к. рядом по аналогии с ней употребляется обычный тип множества в слове "stockings", имеющий обиходный смысл. Передать все эти тонкие нюансы авторского стиля в переводе не представляется возможным, поэтому переводчику остается лишь точно выразить смысл фраз:

И синие чулки с пустым томленьем

Бесед философическая игла

И главное - романы без числа.

Не менее распространенным, однако труднопереводимым, является прием параллелизма. В этом случае фразеологическая единица служит структурным аналогом свободному словосочетанию. На фоне структурного параллелизма развиваются особые семантические связи, происходит отмеченное нами выше выделение фразеологических средств. Именно такого рода выделение посредством параллелизма не всегда поддается переводу:

I've heard of stories of a cock and bull:

But visions of an apple and bee,

To take us from our natural rest and pull

The whole Oda from their beds at half past three.

(VI - LXIX)

Я небылицы слышала не раз,

Но чтобы сон про яблоко и пчелку

Перепугал гарем в полночный час.

В цитируемом примере фразеологизм "stories of a cock and bull" (небылицы) служит структурной моделью для образования свободного словосочетания "visions of an apple and bee". Параллелизм формы способствует семантическому сближению конструкций и их взаимной выделенности в стихе. В смысле отклонения перевод точен, но он не передает параллелизма структур, тем самым обедняет стиль автора.

Другой сложностью является перевод фразеологических

аллюзии и метафорическое развертывание компонентов фразеологизма в стихе. Трудности при этом могут возникнуть даже тогда, когда существует адекватный словарный перевод идиомы на русский язык. Ярким примером в этом отношении служит фразеологизм "blue stocking" - "синий чулок". В тексте поэмы он представлен с различными модификациями 13 раз (главы IV, XI, XV, XVI), в переводе только 9. Это существенная потеря, т.к. пристрастие Байрона к теме не случайно, оно связано с личными переживаниями^I. Некоторые строфы целиком построены на обыгрывании значения фразеологизма и особенно первого его компонента "blue".

*The Blues, that tender tribe who sigh over sonnets,
And with the pages of the last review
Line the interior of their heads and bonnets
Advanced in all their azure's highest hue;*

(XI - L)

И синие чулки - любезный хор,

Умилно обожающий сонеты,

Смутил его вопросами в упор

(Не сразу он придумывал ответы):

В приводимом примере два раза встречается аллюзия на фразеологическую единицу "blue stocking". В первом случае

^I Байрон написал также отдельную сатирическую поэму, под названием "The Blues".

начальный компонент фразеологизма, прилагательный "blue" субстантивирован и приобретает собирательный смысл благодаря форме множественного числа. Во втором случае тот же компонент перефразируется синонимичным ему переменным сочетанием слов "azure's highest hue" (цвета ярчайшей лазури). Характер замены подчеркнута возвышенный. От читателя не ускользает легкая издевка в тоне автора. Перевод сохраняет идиому в первом случае, подчеркивая ее значимость (синтаксически начальный член стихоряда, как и в оригинале). Однако повторное обращение автора к той же теме остается без внимания.

Перечень подобных примеров можно было бы продолжать, но не в этом мы видим свою задачу. Мы стремимся обратить внимание читателей на то, какие именно свойства английской идиоматики и авторского стиля Байрона бросают вызов творческому дарованию переводчика.

Библиографический список

1. Шадрин Н.Л. Перевод контекстуально преобразованных фразеологических единиц как семантико-стилистическая проблема. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1969.
2. Аникст А.А. История английской литературы. М., 1956.
3. Флистратова А.А. Байрон. М., 1956.
4. Дьяконова Н.Я. Байрон в годы изгнания. Л., 1974.
5. Тарлинская М.Г. Эволюция слоговой и акцентной структуры английского силлабо-тонического стиха // Сб. научных

трудов МПШИЯ им.М.Тореза. Вып. 66. М., 1972.

6. Данченко Н.Н. Акцентно-слоговая структура фразеологических единиц в стихотворном тексте // Уч. зап. ЛГУ им.П. Стучки. Т.248. Рига, 1976.

Дьячков М.В. /Москва/

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТАХ

На современном этапе развития креолистики - раздела общего языкознания, изучающего процессы пиджинизации и креолизации языков - представляется возможным определить специфику языковых контактов, способствующих этим процессам. Так, пиджинизация - социолингвистический процесс резкой редукции языка на всех уровнях и существенного изменения его грамматического строя в сторону изоляции при резком сокращении его коммуникативных функций - может происходить лишь при определенных условиях языковых контактов, к которым относятся следующие:

1. Неравноправное положение сталкивающихся языков. Пиджинизация подвергается язык доминирующего языкового коллектива, поскольку именно он навязывается в качестве обязательного и единственно возможного средства коммуникации между представителями различных языковых коллективов.

2. Спорадичность контактов и ограниченность их какими

либо достаточно узкими сферами коммуникации (принудительный труд, торговля и т.п.).

3. Осуществление контактов лишь посредством устного общения и низкий образовательный уровень участников контакта.

4. Наличие психологической дистанции между представителями доминирующего и нижестоящих коллективов, которую можно охарактеризовать как субъективную пейоративность.

5. Отсутствие у представителей нижестоящих языковых коллективов социальной потребности овладеть стандартной формой языка доминирующего коллектива.

6. Отсутствие языка-посредника, который был бы известен всем контактирующим сторонам.

7. Непонимание языка доминирующего коллектива и языка или языков нижестоящих коллективов. При достижении взаимопонимания, как представляется, открывалась бы возможность для интерференции, а не для присущего пиджинизации "столкновения".

Перечисленные условия выполнялись, например, в Западной Африке в XV-XVI вв. при появлении там европейских рабовладельческих факторий. Происходила пиджинизация португальского, английского и французского языков. Позднее, в конце XIX в., когда к колониальной экспансии в Африке приступила Германия, ряд условий не мог выполняться, вследствие чего немецкий язык не подвергался пиджинизации. Набор необходимых условий не выполнялся на протяжении всей истории завоеваний Кавказа, вследствие чего предположение И. Хенкока о возмож-

ности наличия пиджинов и креольских языков на Кавказе [4, с.280] не подтверждается.

Помимо пиджинизации (за которой может следовать креолизация) возможны и другие разновидности языковых контактов, включая интерференцию, которая может приводить, с одной стороны, к образованию "недоусвоенных" языков типа "гастарбайтердойч" в ФРГ, прагматическому набору фраз-стереотипов типа русско-норвежского "руссонорска" в Северном море, а с другой, к формированию языков типа санго-гигара в Центральной Африке. И в том, и в другом случае сформировавшиеся идиомы по своей структуре существенно отличаются от пиджинов.

При пиджинизации перестройка исходного языка-источника происходит как в системе отдельных единиц, так и в структуре речевых стереотипов. Сформировавшийся пиджин - единственное средство коммуникации в экстремальных ситуациях - не может не обладать значительной структурной стабильностью, сводящей к минимуму "отрицательный языковой материал" (см.

I, с.36), значительная степень которого в данном случае фактически сводила бы на нет возможность поддержания контактов.

Со времен Л.Блумфилда в лингвистике бытует точка зрения, согласно которой пиджин может быть уподоблен "детской речи", которую использовали носители языка-источника при общении с "туземцами", сознательно упрощая свой язык [2, с.472]. Позднее Ч.Фергусон заменил термин "детская речь" термином "речь для иностранцев" [3]. Однако, исследования в области возник-

новения, функционирования и развития детской речи позволяет утверждать, что ни ситуация ее формирования, ни ее структура не могут быть аналогизированы с пиджинизацией и пиджинами.

Как следует из изложенного выше, сам по себе собственно пиджин, несмотря на свою структурную стабильность, обладает весьма ограниченными коммуникативными функциями и используется в весьма ограниченной сфере. При необходимости расширения сферы его использования создаются объективные предпосылки для значительного расширения структуры пиджина, причем изменение грамматического строя происходит в направлении от изоляции к агглютинации. При этом пиджин превращается в контактный язык, который в креолистике зачастую называется "расширенным пиджином". При всей распространенности этого термина его нельзя считать достаточно удачным, поскольку создается впечатление, что речь идет о какой-то специфической разновидности пиджина. Между тем, "собственно пиджин" и "расширенный пиджин" существенно отличаются друг от друга как по функциям, так и по структуре. "Расширенный пиджин" используется при наличии регулярных контактов в самых различных сферах коммуникации. Следует отметить, что далеко не всегда представляется возможным четко разделить стадию пиджинизации языка-источника и стадию превращения "собственно пиджина" в "расширенный пиджин". В некоторых случаях процесс протекает в двух направлениях одновременно. Тем не менее эти стадии не идентичны.

В определенных случаях расширенные пиджины патентизиру-

ются, т.е. превращаются в родные языки каких-либо этносов. Процесс нативизации расширенного пиджина и определяется как креолизация, а образовавшийся в результате этого язык - как креольский. Ситуации нормирования креольских языков могут быть типологизированы следующим образом:

1. Формирование креольского языка на основе расширенного пиджина при формировании смешанного (креолизованного) этноса. Таким образом сформировались креольские языки срилантонго, гаитянский, тринидадский, маврикийский, сейшельский, зеленомысский и др.

2. Формирование креольского языка на основе расширенного пиджина в результате принятия его в качестве родного автохтонными этносами без этнической дестрибализации (креольские языки ток-писин, нес-кос, гвинейский).

3. Формирование креольского языка в результате интерференционного взаимодействия между ранее сформировавшимися креольскими языками в результате вторичного смешения ранее креолизованных и автохтонных этносов (креольский язык крио).

На примере ситуаций третьего типа ясно видно, что в процессе креолизации существенное место может принадлежать интерференции, тогда как она исключается в ходе пиджинизации, поскольку представители контактирующих языковых коллективов владеет родным языком и пиджином, но не языком противоположной стороны. Различная степень интерференционного взаимодействия, возможность территориальных и социальных диалектов креольского языка свидетельствуют о том, что его

система может быть более вариативной, чем достаточно ригористичекая система пиджина. Различные креольские языки по своей структуре и функциям в значительно большей степени отличаются друг от друга, чем различные пиджины.

Пиджинизация языка, происходящая в определенных и четко регламентированных условиях, характеризуется нарушением эволюционной непрерывности развития языка при сохранении генетической связи между языком-источником и образующимся на его основе пиджином. В отличие от пиджинизации последующая креолизация не сопровождается нарушениями эволюционной непрерывности. Генетическая связь между креольским языком и языком-источником сохраняется.

В различных креольских языках наблюдается различное соотношение факторов, относящихся к первому и второму подходам, упоминавшимся в начале статьи (универсалии пиджинизации-креолизации — субстратное и адстратное воздействие). В соответствии с этим нет оснований рассматривать эти подходы как взаимоисключающие. Что же касается третьего подхода, то для ситуаций пиджинизации и креолизации языков он вряд ли может рассматриваться в качестве релевантного. По-видимому, он значительно плодотворнее мог бы использоваться в ситуациях, предусматривающих длительное эволюционное воздействие одного языка на другой или другие, одних культурных градаций на другие. Однако в таких случаях возможность пиджинизации одного из языков полностью исключается.

Как известно, взаимовлияние продолжительно контактиру-

ших друг с другом языков, даже если они совершенно несохожи, неизбежно проявляется на различных уровнях. Это характерно для различных языковых ситуаций в различных странах мира. Так, например, интерференция между русским языком и другими языками народов СССР приводит к возникновению "местных" или "национальных" вариантов русского языка. Однако считается, что такие варианты не могут быть узаконены [5, с.80]. Одновременно с этим русский язык оказывает воздействие на другие языки народов СССР. Следует иметь в виду, что далеко не всегда такое воздействие можно считать плодотворным. Здесь очень многое зависит от степени развития и функциональной валентности того языка, на который оказывается такое воздействие. Например, массовое заимствование русской лексики в разговорном латышском языке без всякой на то необходимости (при наличии в нем эквивалентных лексических единиц) никак нельзя считать обогащением. Скорее всего, это ничто иное как засорение достаточно развитого и достаточно строго нормированного латышского языка. Вполне понятно, что литературный язык оказывает через свою норму сопротивление такому воздействию. В то же самое время в иных условиях при взаимодействии русского с менее развитыми в лексическом отношении языками такое воздействие может быть плодотворным и обогащающим.

Интерференция по-разному проявляется на различных языковых уровнях. Так, при взаимодействии русского и латышского языков могут обнаруживаться лексические и частично синтаксические взаимопроникновения, но они не зарегистриро-

ваны в области морфологии. Это объясняется тем, что морфологическая система языка вообще представляется наименее проницаемой [6, с.21].

Тем не менее зарегистрировано несколько случаев заимствования одним из языков морфологической системы другого в значительной ее части. В качестве примеров можно привести язык мбугу в Африке [5] или медновский диалект алеутского языка в СССР [7, с.35-45]. Вполне возможно, что причиной такого заимствования было специфическое двуязычие, когда ребенок говорил с одним из родителей на одном языке, а с другим - на другом. Если это так, то подобные языковые контакты можно было бы выделить в качестве отдельной разновидности.

Библиографический список

1. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М. Л., 1974.
2. Bloomfield L. Language. N.Y., 1933.
3. Hymes D. (ed.). Pidginization and Creolization of Languages. Cambridge, 1971.
4. Valdman A. (ed.) Pidgin and Creole Linguistics. Bloomington, 1977.
5. Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР /Под ред. В.Д.Лешериева. М., 1987.
6. Серебrenников Б.А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. М., 1968.

7. Вахтин Н.Б. Некоторые особенности русско-алеутского двуязычия на Командорских островах // ВЯ, 1985. №. С.35-45.

Кабахчи В.В. /Ленинград/

НОВЫЙ АСПЕКТ КОНТРАСТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В ходе традиционных контрастивных исследований различные единицы языка того или иного языкового уровня соотносятся на межъязыковом уровне, и при этом не принимается во внимание специфика речевой реализации языка. Концепция "внешнекультурной коммуникации" [1] обосновывает автономный вид речевой деятельности: ориентация языка на иноязычную (=внешнюю) культуру, при этом ставится необходимым исследование особенностей функционирования языка в зависимости от его наложения на конкретную культуру. Реальные потребности все более широкого использования народами мира языков в приложении к внешним культурам (родноязычное описание внешней культуры, иноязычное описание родной культуры) ставят перед контрастивной лингвистикой новые задачи.

На лексическом уровне контрастивные исследования призваны помочь в решении проблемы построения иноязычной системы советской культурной терминологии. Как показывает исследование, с точки зрения ориентации на конкретную культуру словарные единицы распадаются на следующие группы: акультур-

ные, равным образом приложимые к любой национальной культуре (например, служебные части речи); поликультурные, отражающие элементы, представленные во многих или большинстве существующих культур (например, город, учитель, библиотека); внутрикультурные (для русского языка - субботник, пельмени и пр.) и внешнекультурные (парламент, аятолла, душман, мачете и пр.). Максимально полная характеристика этих лексических групп необходима для ведения адекватной внешнекультурной коммуникации. Первые две лексические группы - акультурная и поликультурная лексика - являются, по сути дела, исходной лексической базой межкультурного общения, однако, если в первом случае речь идет о нейтральных по отношению к культурам единицах, то члены поликультурной группы характеризуются фоно-коннотативным компонентом. Слова типа *street*, *teacher*, *government*, *party*, и др. приложимы практически к любой из существующих культур, но, как это уже было показано лингвострановедением (Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров), подобные культурные термины отличаются в приложении к различным культурам своим культурным компонентом, значимость которого надлежит изучать и, в дальнейшем, учитывать в практике внешнекультурной коммуникации.

Там, где фоново-коннотативные расхождения перерастают в различия, пренебрежения которыми приводит к нежелательным потерям информации, речь идет уже не о поликультурной (или, в рамках конкретного вида внешнекультурной коммуникации - бикультурной) терминологии, а лишь о межкультурно-языковой

аналогии (ср.: обед - dinner, институт - institute и др.). Знание аналогов роднокультурным терминам, таким образом, с одной стороны, помогает избежать ассимиляции во внешнекультурной коммуникации, с другой стороны, может использоваться для семантизации специальной, неизвестной рядовому носителю языка, терминологии: *vyzreme soviet* (parliament), *smetana* (sour cream). В этой связи лингвострановедение в преподавании иностранного языка призвано стать контрастивным, позволяя понять изучающим язык степень близости к расхождению контактирующих культур.

Накладываясь на внешнюю культуру, которая с точки зрения носителя данного языка является специальной областью знаний, язык, при необходимости, формирует необходимый запас лексических единиц, обслуживающих данный вид языкового общения, в своей совокупности - внешнекультурную терминосистему. Термины *subbotnik*, *gosplan*, *candidate of science(s)*, знакомые любому зарубежному специалисту в области советской культуры, при ориентации текста на рядового читателя требуют специального комментария или замены на более доступную номинацию. В качестве последней может выступать родовой термин, который дает, хотя и приблизительное, но легкодоступное представление о внешнекультурном термине: *kvao* - (soft) drink. Информацию о родовом термине и/или дефиниции данного специфического термина родной культуры призваны дать столь необходимые практике внешнекультурной коммуникации родно-иностранноязычные словари терминологии советской

культуры. Лексикография, облуживающая внешнекультурную коммуникацию, невозможна без контрастивного анализа контактирующих языковых систем и является перспективным направлением в развитии лингвистики.

Одним из наиболее продуктивных способов внешнекультурного терминообразования является калькирование. Трудность использования терминов-калек заключается в том, что дотерминологическое значение сосуществует с терминологическим и может его вытеснить. Так, используемый в английском языке советской культуры термин *doctor of science* в рамках советской культуры обозначает "доктор наук", а в приложении к британской культуре это "доктор естественных наук". Переход от бикультурного (или поликультурного) термина к кальке не всегда уловим, и требуется проведение тщательных контрастивных исследований, чтобы провести границу между языковыми единицами в их внутрикультурной (в нашем случае - советской культуре) ориентации: *institute; dinner; consultation; walrus; technical college; social worker; public library.*

Перекликается с описанными выше проблемами и проблема интернациональной культурной терминологии типа *taxi, trolley-bus, football*. Данная лексика представляет собой пестрый спектр сходства и расхождения элементов культуры от практической эквивалентности до т.н. "ложных друзей переводчика". Исследование практики внешнекультурной коммуникации показывает, что и в данном случае нередко используется прием заимствования внешнекультурного термина, однако в этом случае

заимствуемое слово не асемантично для рядового носителя языка общения (как, например, *druzhinnik*), а немедленно ассоциируется с (в нашем случае) английским интернационализмом. В этой связи важно осуществление контрастивных исследований интернациональной лексики с установлением соотношения пар типа: консультация - *consultation* , буфет - *buffet* , милиция - *militia* . Данные соотношения подобных пар особенно существенны в случае т.н. общественно-политической терминологии типа: национализм - *nationalism* .

Самостоятельную сферу исследования образует фразеология иноязычной речи [2, с.54-64]. Фразеология в настоящее время привлекает внимание многих исследователей, в том числе и в сравнительно-сопоставительном плане. При этом, однако, как правило, не учитывается фактор принадлежности говорящего к внутренней или внешней культуре по отношению к языку общения. Постоянно оговаривается тот факт, что следует избегать сленга, известны высказывания авторитетных лингвистов относительно того, что иностранец, "чтобы не быть смешным, должен выражаться самым простым обыкновенным языком" [4, с.99], однако вряд ли кто опровергает и то, что иноязычная речь не может быть эмоционально нейтральной, что ее эффективность может быть достигнута лишь тогда, когда используется весь арсенал языковых средств, в том числе и фразеологических. В этой связи представляется актуальным решение следующих двух взаимосвязанных проблем.

Во-первых, из арсенала языка общения следует отобрать

тот запас фразеологических единиц, которые уместны и в рамках иностранноязычной речи. Сюда войдут культурно-нейтральные единицы, уместные как в ориентации на внутреннюю, так и на внешнюю культуры; естественно, с учетом специфики стилистической направленности данных единиц. При этом особое внимание следует уделить интернациональному фонду фразеологических единиц, поскольку можно ожидать, что в условиях расширения сферы использования иностранных языков международного общения, в первую очередь - английского, обращение говорящих к запасу интернациональной лексики и фразеологии будет расширяться.

Во-вторых, необходима разработка теоретического обоснования введения в иностранноязычную речь родноязычной фразеологии, включая пословицы, поговорки, крылатые слова: какая часть из фонда роднокультурной фразеологии наилучшим образом подходит для иностранноязычной речи, какие критерии при этом надлежит использовать.

Пока что рекомендации чаще всего ограничиваются приведением иностранноязычных аналогов, использование которых зачастую ведет к ассимиляции родной культуры. Недостаточно обращается внимание на возможность подмены ключевых слов в иностранноязычных фразеологических единицах их соответствиями в родном языке говорящего [3, с.108-109] типа: **take care of the kopeks and the rubles will take care of themselves.**

Современная реальность требует все большего числа специалистов, способных использовать иностранный язык в самых

различных функциональных стилях речи. Иностранный язык при этом становится вторым коммуникативным "я". Нам приходится учиться не терять свое национальное "я", даже переходя на неродной язык. Контрастивной лингвистике открывается обширное поле деятельности, которое пока еще пестрит белыми пятнами.

Библиографический список

1. Кабакчи В.В. Внешнекультурная коммуникация (проблема номинации на материале англоязычного описания советской культуры): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. - Л., 1987.
2. Кабакчи В.В. Фразеология иноязычной речи // Лексическая семантика и фразеология. - Л., 1987.
3. Катцер Ю., Кунин А. Письменный перевод с русского языка на английский (практический курс). - М., 1964.
4. Шерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе: Общие вопросы методики. 2-е изд. - М., 1974.

СИНТАКТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПАРЦЕЛЛЯТОВ
В СВЕТЕ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА

Каждый период в развитии теории языка имеет свои особенности, несомненно связанные со временем, в котором живет человек - носитель языка. На волне нового в науке о языке середины нашего столетия возрождается интерес к языковым универсалиям. Однако в отличие от прежних лет изучение языковых универсалий в наше время происходит с учетом экстралингвистических факторов, а также смежных проблем, таких как эгнические, философские, психологические и культурно-страноведческие. Говоря о типологии языковых универсалий, Б.А.Успенский называет три вида языкового сходства: генетическое (когда сходство языков объясняется общностью их происхождения), ареальное (когда оно объясняется контактами соответствующих языков) и типологическое (когда сходство языков объясняется какими-то универсальными закономерностями) [1, с.13].

Случай языкового сходства, объясненный универсальными закономерностями, представляет особый интерес для изучения особенностей развития языков нашего времени, обусловленного максимальной интенсивностью его темпов, и, как следствие этого, поисками оптимальных языковых вариантов с целью нахождения социальных контактов.

Развитие языков, часто генетически не близких, может

иметь общие закономерности, что объясняется социальными, политическими, экономическими, научными, культурными и другими контактами, в которые вступают носители этих языков. В этом случае происходит сближение изучения стремящихся к универсальности закономерностей сходства языков, с учением об особенностях процесса говорения носителей языка, иными словами, с лингвистической прагматикой. Обращение к речевой деятельности и результату ее проявления - связному тексту - является характерной чертой языковых исследований двух десятилетий. Речевая деятельность как объект исследования находится в центре внимания теории речевых актов и лингвистической прагматики. По словам профессора Ю.С.Степанова, прагматика сегодня - это дисциплина, изучающая текст в его динамике - дискурс, соотнесенный с главным субъектом, с "Эго" всего текста, с творящим текст человеком. Человек - автор событий. По крайней мере, событий, заключающихся в говорении [2, с.332]. Поэтому, изучая язык как речевую деятельность, лингвистическая теория изучает воздействие людей друг на друга, социальные контакты через призму прагматики. Обобщая основные положения теории речевых актов в современной зарубежной лингвистике, В.З.Демьянков пишет, что "... в рамках общелингвистического подхода к теории речевых актов выделились две дисциплины: собственно теория речевых актов (анализ, взаимосвязь речевых актов безотносительно к речевым средствам) и анализ речевых актов, или лингвистический анализ речи, где решающим фактором является языковой материал [3, с.224-225].

Языковой материал берется, однако, не обособленно, поскольку именно прагматический подход к языку, образно говоря, стремится перебросить мостки, с одной стороны, между лингвистикой и смежными дисциплинами, такими как психология, логика, социология, страноведение, с другой стороны, установить связи между собственно лингвистическими дисциплинами, семантикой, риторикой, стилистикой.

Риторика как непосредственная предшественница прагматики опиралась на коммуникативную норму и выбирала из арсенала наличных языковых средств оптимальные с целью достижения наибольшего эффекта говорения. Это же наблюдаем и в традиционной стилистике.

Прагматика, в отличие от риторики и стилистики, охватывает не только наилучшим образом выбранные языковые средства в конкретной языковой ситуации, но и учитывает экстралингвистический фактор, вступающий в силу при практическом использовании языка человеком. Прагматика с особым вниманием изучает средства синтаксического уровня, приобретающие важное значение в раскрытии языковых взаимоотношений между отправителем и получателем информации.

Лингвистический анализ речи сегодняшнего дня показывает, что ее рисунок неровен, ритмически резок, фрагментарен. Сегодняшняя речь стремится к неплавности, дроблености, усеченности структуры, к такой расстановке акцентов, при которой мог бы быть достигнут наибольший эффект воздействия. Поэтому извлечение из сложного синтаксического целого наиболее весо-

мых по содержанию отрезков, или их парцелляция - часто наблюдаемое, более того, типичное явление сегодняшнего синтаксиса. Парцелляция, как показал анализ, не является переходящей особенностью одного языка. В данной статье приводятся результаты анализа парцеллятов на материале четырех языков, в частности, немецкого, английского, латышского и русского. И, если первые два относятся к одной языковой группе, то вторые два, представляющие разные языковые группы, как раз подтверждают мысль о закономерности употребительности такого приема как парцелляция, и не только в одном языке.

Языковый материал свидетельствует о том, что парцеллироваться может практически любой отрезок речи, если он стоит на службе "аффектированного" синтаксиса [5].

Сравнительный анализ парцеллятов позволяет сделать следующий вывод: эмфазе подвергаются отрезки речи, синтаксически оформленные группой обстоятельства, дополнением, определителем группы сказуемого, образующего структуру сравнения, а также самостоятельно функционирующим придаточным предложением. Это объясняется тем, что отмеченные синтаксические структуры, как правило, в речи информативно максимально нагружены.

Приведем несколько типичных контекстов.

I. Gott liess sie atmen. Grausam und grandios. Und sie atmeten. Wild, gierig, gefräßig. Aber einsam, dünnstimmig einsam (W. Borchert).

В контексте [1] парцелируются предикативные определения, повторяется глагольная лексема, что усиливает ощущение одиночества, отчужденности и ужаса происходящего, которое несут в себе лексические компоненты парцелированных структур.

2. ... He felt the familiar electric tingle, even just thinking about it. "What time Saturday? Noon, Williams said. High noon. At the Newbury airfield. If it ever stops snowing" (I. Shaw).

В контексте [2] в роли парцеллята выступает самостоятельно функционирующее придаточное предложение. Парцелированное условное придаточное предложение стоит в ряду двух других парцелированных структур - обстоятельств времени. Все три самостоятельные структуры подчеркивают важность сообщаемой информации.

3. Sētnieks pirmo reizi pārstaigāja ietvi, uzlāsot skārda bundžā cigarešu nodegulus, zemē nomestas tramvaja biļetes un citas papīra atērbeles. Tikai tad viņš sāka plašiem vāzieniem slaucīt. Tiri, ātri, akurāti (A. Kolbergs).

Грамматическая установка парцелированной группы сравнения в тексте [3] направлена на вызывание реакции сопереживания читателя.

4. Пьеса должна быть сценическим произведением. Каждая ее реплика должна нести движение. И бороться за революцию. Сегодняшнюю революцию (В. Катаев).

5. Пусть постановщики сами пишут пьесы и ставят их,

как хотят. Либо уважают авторскую волю (В. Катаев).

В контекстах [4] и [5] эмфазе подвергаются те синтаксические структуры, которые выражают жизненное и художественное кредо автора, и поэтому, разрушая синтаксический рисунок текста, они обращают на себя пристальное внимание читателя.

Как видно из приведенных контекстов, появление парцеллятов обусловлено как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, в частности, их коммуникативной нагруженностью, информативностью, желанием отправителя информации быть предельно ясным в расстановке акцентов в речи.

В результате сильного экстралингвистического воздействия взаимный код, которым владеет отправитель и получатель информации, ломается, и на изломе появляются языковые структуры - парцелляты, нарушающие синтаксический рисунок, предусмотренный кодом. Возникает стилистический эффект. Чем неожиданнее и глубже излом, тем резче и выпуклее эффект.

Библиографический список

1. Успенский Б.А. Проблема универсалий в языкознании // Новое в лингвистике. М. Вып. 5. 1970.
2. Степанов Д.С. В поисках прагматики // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 40. № 4. 1981.
3. Демьянков В.З. "ТРА" в контексте современной зарубежной лингвистической литературы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М. Вып. 17. 1986.

4. Лихтерова Б.Л., Бушмане М.А. Семантико-синтаксическая характеристика самостоятельных придаточных единиц // Семантическая интеграция в синтагматике. Рига, 1984.
5. Лихтерова Б.Л. Синтаксический статус и стилистическая значимость парцеллятов в художественном тексте // Системный и функциональный анализ языка. Рига, 1987.

Олдырева Л.П. /Рига/

О МЕТОДОЛОГИИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ В АНГЛИЙСКИХ РИТОРИКАХ XVIII ВЕКА

Сопоставление неизменно присутствует в любом лингвистическом исследовании: будь то исследование одного языка в разные периоды его развития или нескольких языков различных по своему языковому строю и культурным традициям. И тем не менее при всей универсальности этого лингвистического приема, методологически сопоставительные исследования неоднородны, они во многом зависят от культурно-исторических задач той общественно-языковой практики, которая занимается сопоставительным изучением языков. Эта взаимосвязь насущных задач языковой практики и методологической основы сопоставительных описаний языков настолько существенна, что представляется возможным разобраться в истории методологии сопоставительного языкознания путем выяснения его связей с различными прикладными

областями лингвистики и определения культурно-исторического значения этих связей [1, с.147].

Действительно, суть методологии сопоставительного изучения языков становится более понятной, когда описана область реального приложения результатов сопоставления языков, когда ясен культурно-исторический пафос этих исследований и виден конкретный вклад сопоставительного метода в лингводидактику — основную область приложения результатов сопоставительного языкознания [1, с.148]. Такой анализ методологии сопоставления сквозь призму участия сопоставительного языкознания в преподавании языков в системе классического среднего образования в 1870-80-е годы в России дан в упоминаемой выше статье И.А.Зарифьян, и нельзя не признать, что анализ исторической роли сопоставительного метода в организации преподавания языков может дать более глубокое представление о его сути. При таком подходе есть гарантия меньшего искажения культурно-исторического смысла сопоставления языков. С этих позиций пойдет речь в данной статье о методологии сопоставления языков в английских риториках XVIII века.

В последнее десятилетие не только риторика [2,3,4], но и вся филологическая культура XVIII века переживает переоценку своего статуса в истории науки. Меняется отношение лингвистов к так называемым "донаучным" сопоставительным исследованиям, некогда решительно отвергнутым сравнительно-историческим языкознанием XIX века. Современная историография европейской лингвистики постепенно "реабилитирует" науч-

ный статус этих работ. Сейчас, когда сравнительно-историческое языкознание вошло в арсенал методов и приемов современной лингвистики, оно утратило право решающего голоса в определении степени научной достоверности любого сопоставления языков. Это значительно усложило и, в то же время, уточнило картину истории сопоставительного изучения языков. Тот упрощенный вариант, бытовавший более полувека в лингвистической литературе благодаря приоритету компаративистов, стал уже достоянием истории.

От жесткости приоритета компаративистики более всех пострадало языкознание XVII-XVIII вв. - явление вполне закономерное, поскольку отрицание правомерности методологии своих непосредственных предшественников - частый спутник истории науки. Ханс Аарслеф, тонкий по своему историографическому ощущению знаток европейской лингвистики, не без сарказма писал об этом неприятии лингвистики XVIII века "университетской профессурой кафедр сравнительно-исторического языкознания, которая в силу весьма ограниченного, но повсеместно распространенного заслуженного единодушно считала себя единственной законодательницей во всех вопросах касающихся изучения языков" [5, с.280].

Это скептическое отношение большинства языковедов XIX - начала XX в. к лингвистической философии XVIII века, а также общий упадок изучения риторики в Европе, завершившийся выходом этой филологической дисциплины из круга общеобразовательных предметов, привели к тому, что английские риторики

XVIII века, равно как и вся английская традиция риторики Нового времени (называемой "новой" для противопоставления ее классической риторике античности и средневековому тривиуму искусств речи: грамматики, логики и риторики) воспринимались несколько искаженно. Восприятие это в недостаточной мере учитывало ту культурно-историческую ситуацию, в рамках которой решались риториками XVIII века языковедческие проблемы, в том числе и проблемы сопоставительного изучения языков.

Суть же той ситуации заключалась в том, что английская риторика Нового времени занималась, прежде всего, разработкой методологии преподавания английской художественной словесности и стилистики литературного языка, и сопоставление языков, неизменно присутствующее во всех риториках того времени служило лингводидактическим ориентиром, помогавшим авторам риторик не только организовать описание английского языка по заимствованному из греко-латинской традиции принципу логико-грамматических категорий частей речи и членов предложения [6, с.86-87], но и представить, отталкиваясь от сопоставления, систему видов и жанров английской словесности своего времени. Более того, воспитание и культивирование литературного вкуса, на который ориентировали риторика своего читателя, предлагая ему образцы критического разбора фрагментов английской словесности, опиралось в своих суждениях на разработанные античной риторикой понятия ясности, простоты, изящества и живости стиля - именно эти понятия были критериями оценки стиля английских писателей. Языковой же материал, на котором обрабатыва-

лись эти риторические понятия, был изначально греко-латинский, и поэтому само ведение стилистического анализа исходя из этих понятий было проявлением сопоставительного изучения языков, правда - сопоставления, имевшего иную цель и иную лингвистическую философию.

В качестве примера такого рода сопоставлений можно привести анализ риториками XVIII века синтаксических конструкций английского предложения. Так с точки зрения риторических критериев живости и изящества (*vivacity and elegance*), синтаксис английского языка представлял собой довольно невыгодную для достижения этих риторических достоинств языковую фактуру, поскольку это - язык, скованный довольно жестким порядком слов [7, с.218] и перегруженный, в силу обилия аналитических конструкций, односложными неполнозначными словами [8, с.220]. Такой вывод мог быть сделан только на фоне сопоставления синтаксиса английского языка с флективностью греческого и латини, обладающих большим числом возможностей для создания риторических эффектов в силу относительно свободного порядка слов в предложении. Совершенно очевидно, что цель такого сопоставления не связана с поиском межъязыковых соответствий и отличий и с определением функционального смысла каждого из них в строе сопоставляемых языков, оно заключает в себе попытку найти критерий оценки экспрессивности английской языковой формы. Это необходимо в процессе преподавания того идеала использования языка, каким является литературная речь - речь грамматически нормированная и ориентирующая на определенный,

осознанно культивируемый лингвистический вкус. Сопоставление английского языка с греческим и латынью дает идеалу такой речи не только основу критической оценки употребления языковой формы, но и конкретные стилистические рекомендации. Такой рекомендацией в случае с примером сопоставления английского синтаксиса была рекомендация избегать скопления аналитических слов, и, по возможности, аналитических конструкций [7, с.218; 8, с.220]. Трудно представить себе возникновение подобной риторической рекомендации, направленной, по сути, против особенностей строя английского языка, не будь в риториках сопоставления с латинской ораторской прозой.

Современному лингвисту этот род сопоставительных наблюдений, а тем более основанных на них рекомендаций и предписаний, может показаться совершенно ненаучными, однако, эти сугубо "ненаучные" выводы применялись на практике и вошли в историю англоязычной филологической культуры, оказав при этом определенное воздействие на становление нормы литературного языка. В истории сложения литературных языков найдется, наверно, немало парадоксальных примеров того, как такая специфическая категория литературной речи как "правильность" решалась исходя из, как показала в дальнейшем история лингвистической науки, сугубо "неправильных" представлений, и при этом эти решения оказывались на какой-то период истории языка не только приемлимыми, но и воспринимались общественной практикой языка как культурно значимые и - в плане оценки владения языком - обиходно престижные.

Отсюда — особый подход к самому процессу сопоставления языков: в английских риториках XVIII века сопоставление — это прием, благодаря которому выстраивается "идеология" литературной нормы и лингвистического вкуса, без него и без опоры на найденные в процессе сопоставления языков критерии оценок речи вряд ли возможен осознанный выбор языковой формы, вряд ли возможно культивирование литературной нормы, которой необходима точка отсчета, организующая все многообразие словоупотреблений в ценностно ориентированную упорядоченность. Владение литературной речью и подразумевало умение разобраться в этой упорядоченности, систематизированной, в свою очередь, риторикой.

Итак лингводидактический настрой сопоставления языков в риториках XVIII века был неразрывно связан с оценкой риторической фактуры речи, которая воспринималась согласно уже упоминавшимся критериями ясности, простоты, изящества и живости. Для риторики было важно не только знать о наличии того или иного грамматического явления в языке (скажем, артикля или грамматического рода - 7, с.180), но и оценить его с точки зрения экономии языковых средств, используемых для его выражения, или с точки зрения благозвучия, логической непротиворечивости и эстетической выразительности. Это пронизывающее всю риторикку тесное переплетение сопоставления и оценки (оценка, как правило, отталкивалась от сопоставления) может показаться современному лингвисту, ненаучным и лишенным лингвистических обоснований, меж тем оно отвечало нуждам речевой

практики и не противоречило философии языка своего времени.

Современные сопоставительные исследования также могут содержать оценочные суждения - например, суждения относительно набора языковых средств, используемых языком для выражения грамматической категории. Так, с точки зрения экономии языковых средств, английский более экономен в выражении грамматической категории числа, чем русский, ибо в английском языке нет различий числа у прилагательных и у I-го и 2-го лица глаголов, но он менее экономен, чем, к примеру, китайский, выражающий идею числа только счетными словами, зачастую неразличающими количественные соотношения предметов и действий - в силу синкретизма глагольных и именных категорий китайского языка [9, с.94-95]. Однако, совершенно очевидно отличие этого, содержащего элемент оценки, суждения от тех, что мы встречаем в риториках XVIII века. Суждение такого рода не связано с регламентацией употребления языковых форм, с воспитанием лингвистического вкуса, который учит отдавать предпочтение тому, а не иному языковому средству.

У современного контрастивно-типологического исследования есть своя лингводидактическая сфера применения - это преподавание и изучение иностранных языков, однако эта сфера пользуется, как правило, сопоставительными описаниями языков с устоявшимся регистром функциональных стилей и с отработанными представлениями о норме и правильности^I, они не принима-

^I Настолько отработанными и сознательно культивируемыми, что английский писатель был вправе поиронизировать по этому поводу: "Правильная речь - это слэнг педантов" ("Мидлмарч" Дж.Элиот - 1872). И мнение это справедливо, ибо предупреждает против застоя в развитии смысловых возможностей речи, скованной стилистической косностью "правильного" образца.

ют участия в том моменте истории становления языка, когда формируется чувство литературного стиля и правильного, оптимального с точки зрения риторического эффекта, владения языком. Дидактический же пафос риторик XVIII века как раз и заключался в формировании этого чувства, получавшего надежную опору в восприятии своего стилистически не устоявшегося языка через сопоставление с языками классическими: греческим и латинью.

Библиографический список

1. Зарифьян И.А. Методология сопоставительного языкознания и сопоставительная дидактика языка // Методологические проблемы социальной лингвистики. М., 1986.
2. Безменова Н.А. Краткая история французской риторики (16-20 вв.). Дис. ... канд.филол.наук. М., 1985.
3. Безменова Н.А. *Rhetorica nova* (Введение) // Неориторика: генезис, проблемы, перспективы. - М., 1987.
4. Аннушкин В.И. Композиция и терминология первой русской "риторики" // Риторика и стиль. М., 1984.
5. Aarsleff Hans. An Outline of Language - Origins Theory since the Renaissance // From Locke to Saussure. Essays on the Study of Language and Intellectual History. Lond., 1982.
6. Ольховиков Б.А. Теория языка и вид грамматического описания в истории языкознания. - М., 1985.
7. Blair H. Lectures on Rhetoric and Belles Lettres. Lond., 1785.

8. Campbell G. The Philosophy of Rhetoric. 3ed. N.Y., 1849.
9. Гак В.Г., Кузнецов С.Н. Опыт сравнительно-типологического анализа категории числа // Теория и практика обучения русскому языку иностранных студентов - филологов. М., 1984.

Пужуле С.П. /Рига/

О ПРОИСХОЖДЕНИИ БРОШНЕ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Письменные памятники XVI века г.Риги представляют собой чрезвычайно интересный объект для лингвистических исследований. Особенно мало изучена средненижнемецкая деловая проза, хотя она по сравнению с верхнемецкой отличается как разнообразием, так и оригинальностью, и охватывает все практические стороны жизни - от актов купли и продажи до политических документов.

В данной статье делается попытка выделить некоторые проблематические вопросы истории немецкого языка на примере лексем, обозначающей фибулу, брошь - bresse, bresze usw. На передний план выдвигаются вопросы об источнике и времени заимствования.

Основные словари нижнемецкого языка дают следующие сведения: Лаш/Борхлинг: bresse, brette, bresa, bresze -

пряжка, застѣжка, брошь, булавка; *breesmacher* (-к-) - делает пряжки из латуни (Рига). Люббен/Шиллер: *breesse*, *bresze* - фидула, пряжка (Бремен, Любек, Висмар, Гамбург, Ганновер).

В исследуемых памятниках встречается несколько вариантов этого слова: *breesze*, *bresze*, *brees*, *bresen*, *bretzen*, которые относятся к разным годам XVI века (1512, 1522, 1542, 1572).

Содержание памятников не раскрывает полностью семантику данной лексической единицы:

- item een Ruszhe kremer schall des gordell - offte breesmackers knechte thosetten tho arbeitende he wane buten edder binnen der stadt (52-1522).
- ... so sall he (geselle) macken syn meisterstücke einen wolgemackeden gülden ringk mit einem edlen steine und ein segel, darinne geschneden schiltt unnd helm, einen geschmelteden sylvern byworp unnd eine bretze (32-1542).
- wer et sacke, dat einer gorder - eder breesmacker - ampt leren wolde, de schall by enen meister 3 jhar umb idt ampt denen (39-1512).
- so schall he (ein knecht) ... 3 gordell unnd 3 missings tuch in des werckmeisters hausz macken, thom gordelmacker ampt I frowengordell, I spangordell mit pergamente dorchgestickelt unnd I sozschillingagordell mit peckedrade geneddet, thom breeszmackerampte ein dreyede breesze van 4 loden, eine brede breesze vann 2 loden unnd ein boch van 1/2 lode (39-1512).

По контексту выше цитированных уставов можно предположить, что интересующая нас лексическая единица обозначает предмет, относящийся к одежде (*gordeſ unnd bresze*), и что этот предмет изготавливается из латуни (*missinga tuoh*).

Описания одежды того времени содержат сведения о фибуле, функция которой заключалась в закреплении накидки или в закрытии разреза платья, и которая изготавливалась преимущественно из благородных металлов и была украшена драгоценными камнями.

Средненижненемецкие памятники дают очень много вариантов данной лексической единицы. Кроме выше упомянутых *bresze*, *bresze*, *bretze* встречаются также *brasse*, *bratze*, *bresse* и другие. Средневерхненемецкое соответствие обозначения фибулы *bratsche* засвидетельствовано только в течении XIII века. Согласно словарю Лексера свн. *bratsche* имеет только значение "булавка, брошь для украшения" и заимствовано из французского языка фр. *brosche*.

Французское происхождение данного слова общепринято. Исследуя влияние французского языка на нижненемецкий, П.Катара приходит к заключению, что свн. *bresze*, свн. *brasse* = сфр. *brosche*, свн. *brocke*, *brosche*, свн. *bratsche* (XIV в.) В качестве иллюстрации он приводит пример из устава г.Риги.

Интерес немцев к французской культуре в целом подчеркивает Б.Кратц. Но он отмечает также, что старофранцузское *brosche* обозначало только "копье, пика, стрела, острие".

Как признает К.Саро, звуковое соотношение фр. о - нем.

а и фр. *сl* - нем. *tz* возражений не вызывает.

Займствование модного предмета одежды и его обозначения из французского в нижненемецкий также вполне допустимо. Превосходство Франции в области моды привело к многочисленным заимствованиям (среди нижненемецких названий предметов одежды насчитывается около 20% слов французского происхождения).

Имели место также расхождения в семантике заимствований. Развитию значения, его изменению способствовало то обстоятельство, что слова заимствовались не прямо из французского, а через языки-посредники, которыми чаще всего являлись средненидерландский и средневерхненемецкий. В данном же случае сфр. *broche* не имело никакого отношения к одежде до 1332 года. В значении "фибула, брошка" использовались скорее сфр. *afiche*, *fermail*, *posche*.

Следует вспомнить, что первые упоминания снн. *brasse*, *brasse* в этом значении относятся к началу XIII века. Линдског-Валленбург отмечает также, что сннд. *broche* "брошь, заколка", са. *broche* "брошь" засвидетельствованы до 1325 года, последнее использовано для перевода французского слова *fermail*.

Иную этимологию предлагает Хельквист: снн. *bratse* и снн. *bratsche* он возводит к лат. *bractea*, *brattea* - тонкий металлический листок (преимущественно золотой).

Линдског-Валленбург относит снн. *brasse*, *brasse* к корню с основным значением "прячь, запрягать, напрягать". Таким образом, оно было бы родственно русскому "пряжка", от-

слав. *pręzka*. С точки зрения семантики это допустимо. В пользу своего утверждения автор приводит также факт, что снн. *bręzno* уже с 1280 года засвидетельствовано в восточных областях и сохраняется там дольше чем форма *bręzno* в западных.

Словари современного немецкого языка признают французское происхождение слова *Brösche*, и указывают, что оно было заимствовано в XIX веке. Уже Кюге писал: *Brösche* - галл: с-ков *brokkos* "острие" через галлороманское *brōssa* в XII веке дало фр. *brösche* "копье, острие, пика", которое в немецком сначала писалось *Brösche* и с 1859 года появляется в значении "брошка, заколка с драгоценным камнем". Но этимологический словарь под редакцией Дроздовского еще более категорично выдвигает XIX век как время заимствования данного слова: *Brösche* - в XIX в. заимствовано из французского языка. Фр. *brösche* восходит к галлороманскому *brōssa*, к чему относятся также итальянское *brōssare* "проткать, вплетать".

Если принять, что в памятниках г. Риги слово было последний раз упомянуто в 1572 году, а потом вторично заимствовано лишь в XIX в., то непонятным остается утверждение словарей русского языка о возможном заимствовании его через немецкий язык: брошка - из нем. *Brösche* или, как и последней, из фр. *brösche*, ит. *brōssa* "иголка"; брошь (брошка)-булавка, с XVII в. дамская застежная булавка, обыкновенно из благородных металлов, часто украшенная камнями. Похожа на античную застежку - фибулу.

Таким образом, кажется более правомерным принимать, что немецкое слово *Brosche* в соответствующем историческом периоде звуковым варианте существовало с XIII в., а в XIX в. под влиянием французского языка стало использоваться только для обозначения видоизмененной реалии "броши, украшения";

Библиографический список

1. Schmidt G. Das Eindringen der Hochdeutschen Schriftsprache in der Rigaschen Ratskanzlei. Riga, 1938. S.89.
2. Lasch A., Borchling C. Mittelniederdeutsches Handwörterbuch. Hamburg, 1960. Bd. 2. S.347.
3. Imsbben A., Schillor K. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Münster. Bd. 1, 1931.
4. Stieda W., Mettig C. Schragen der Gilden und Rater der Stadt Riga bis 1621. Riga, 1896.
5. Lexer M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch. Leipzig, 1872, Bd.I.
6. Katara P. Das französische Lehngut in mittelniederdeutschen Denkmälern von 1300 bis 1600. Helsinki, 1966, S.57.
7. Kratz B. Deutsch-französischer Lahnwortaustausch // Wortgeographie und Gesellschaft, Berlin, 1968, S.445-487.
8. Sarauw Chr. Niederdeutsche Forschungen. Kobenhavn, 1921, Bd.I, S.377.
9. Godefroy Fr. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXe au XIVe siècle. Paris, T.I-10, 1881-1902. . T.8. P.381.

10. Lindskog-Wallenburg G. Bezeichnungen für Frauenkleidungsstücke und Kleider schmuck im Mittelniederdeutschen. Berlin, 1977, S.139.
11. Hellquist E. Svensk etymologisk ordbok, Lund, 1957.
12. Duden. Das grosse Wörterbuch der deutschen Sprache. Mannheim, Bd.I, S.434.
Grosses Fremdwörterbuch. Leipzig, 1977, S.II9.
Der Sprachbrockhaus. Deutsches Bilderwörterbuch. Wiebaden, 1976, S.I08.
Wahrig. Deutsches Wörterbuch. Mosaikverlag, S.768.
13. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1967, S.I02.
14. Duden. Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Mannheim (Wien) Zürich, 1963, S.84.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т.1, С.219.
16. Русская энциклопедия. С.-Петербург., Т.3. С.285.

Сайдяшева Л.А. /Рига/

ОПЫТ КОНТРАСТИВНОГО АНАЛИЗА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ЗНАЧЕНИЙ НА СЕМИОТИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Большинство исследований по проблемам типологического разнообразия естественных языков проводится на лингвистическом основании: значение определяется как лексическое или грамматическое в зависимости от занимаемого уровня в структуре языка. Для изучения типологии значений общих для всех языков лингвистических факторов оказывается недостаточно. Особенности функционирования таких значений в большей степени зависят от их соотносительности с внеязыковой действительностью.

Целью данной статьи является семиотический анализ создания и употребления в художественном тексте словесных образов, имеющих общее для всех языков типологическое значение.

В качестве объекта исследования предлагаются словесные образы, созданные на основе образов живописных, точнее, словесно-живописные образы. Они вводятся в текст посредством лексики изобразительного искусства, отражающей в языке понятия, связанные с особой формой познания и моделирования окружающей действительности.

Обращение к живописи помогает писателю воплотить зримые образы во всем богатстве их неповторимости, сосредоточивая внимание писателя на описании внешности, характера, жизни персонажа. Рассмотрим несколько примеров:

"Miss Spence was smiling too. Her Gioconda smile, he had once called it in a moment of half-ironical flattery..." (A. Huxley. The Gioconda smile, p.9).

На протяжении более четырех столетий "Мона Лиза" Леонардо да Винчи сохраняет значение эталона высокого эстетического смысла искусства. Многозначность выражения лица Джоконды стала символом душевной неисчерпаемости человека. В рассказе А. Хаксли это сравнение становится лейтмотивом образа главной героини и обретает ключевое значение на уровне сюжета.

В романе Д. Керри "Из первых рук" Галли Джимсон, главное действующее лицо, художник по профессии, приходит в гости. Образ хозяйки дома, миллионерши леди Бидер, дается через его восприятие, и он как художник восторженно отмечает прежде всего своеобразную неанглийскую красоту женщины: "Lady tall, slender, Spanish eyes, brown skin, thin nose, Greco hands. Collector's piece" Это впечатление не покидает его в течение всего вечера "... and she turned her lovely eyes on me. Spanish school. Religious touch. Spot of Greco" (J. Cary. The Horse's Mouth, p.150).

Свойственная словесно-живописным образам своеобразная компрессия информации содержит в себе множество образных ассоциаций, углубляющих, уточняющих мысль автора, позволяющих выразить тончайшие, почти неуловимые ощущения и наблюдения.

Создание словесно-живописных образов можно рассматривать как своеобразный аспект взаимодействия литературы и живописи, т.е. как результат взаимодействия двух различных семиотических систем. И хотя это взаимодействие происходит на лингвистическом

уровне, одновременно происходит конкретизация таких характеристик, которые больше присущи живописи. Поэтому привлечение семиотических категорий необходимо для уточнения некоторых особенностей объекта исследования.

Учитывая семиотическую неоднородность естественного языка, текст литературного произведения можно представить как поле, в котором пересекается множество языков. В случае появления в тексте слов, обозначающих понятия из нелингвистических знаковых систем, как в случае появления в тексте словесно-живописных образов, можно считать, что художественный текст функционирует в нескольких кодовых системах. Поэтому при анализе этого типа лексики следует учитывать не только нормы кодов чисто вербального, но и нормы кодов изобразительного искусства. Исследование разных видов искусства как знаковых систем связано с именами многих советских и зарубежных ученых [1].

О том, что некоторые явления, изучаемые поэтикой, не ограничиваются рамками словесного искусства и должны изучаться общей семиотикой, писал Р. Якобсон в знаменитой теперь работе "Лингвистика и поэтика" [2, с. 29]. Согласно Якобсону, словесное искусство имеет много общих свойств с некоторыми другими знаковыми системами. Так, особенности сюжета литературного произведения сохраняются при переводе их на язык живописи, несмотря на полное отсутствие вербальной формы.

При появлении в тексте словесно-живописных образов из материала условных знаков - слов, возникает вторичный, мотивированный на основе зрительных впечатлений знак, обладающий

свойствами иконических знаков в силу того, что в них органически соединяются характерные особенности двух различных семиотических систем. Именно особенности, определяющие контраст иконических и условных знаков, способствует увеличению изобразительных и информационных возможностей словесно-живописных образов, делая процесс их восприятия сложным, ассоциативным, независимо от конкретного языка воплощения. Рассмотрим один из примеров в переводе на русский и латышский язык:

"In shape and colouring, in its soft persuasive passivity, its sensuous purity, this woman's face reminded him of Titian's "Heavenly Love", ...

"Ar seviem vaibstiem, krāsu, līego, pārliecinošo pasivitāti un jūtu skaidrību šīs sievietes seja Džolionam atgādāja Titiana "Debesu mīlestību", ...

"Чертами, красками, мягкой, убедительной пассивностью и чистотой лицо этой женщины напоминало ему "Любовь Небесную" Тициана ... (в некоторых переводах: "Тицианову "Любовь небесную").

Д.Голсуорси "Собственник".

Анализ лингвистического типологического разнообразия в данном примере можно провести на фонетическом и грамматическом уровнях, учитывая различия в произношении и образовании падежных окончаний. Однако изучаемая нами типологическая общность значения на семантическом уровне одинакова для всех языков: Тициан - итальянский художник эпохи позднего Возрождения.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: наличие значений, имеющих типологическую общность для всех языков, обусловлено прежде всего свойством естествен-

го языка как самой совершенной знаковой системы, отражающей понятия из различных областей человеческой деятельности.

Спецификой значений, имеющих типологическую общность для всех языков, является преобладающая роль экстралингвистических признаков. Так, характерные лингвистические особенности лексики изобразительного искусства, а также своеобразие ее стилистического функционирования в художественной речи в значительной степени обусловлены отнесенностью к особой семиотической системе искусства, в основе которой лежат иконические знаки.

Компрессия информации, разнообразие окказиональных коннотаций, богатство ассоциаций, другими словами, полнота восприятия особого типа аллюзии, созданной на основе лексики изобразительного искусства, зависит от творческих замыслов автора и тезауруса читателя, его способности усваивать эстетическую информацию, т.е. тоже определяется факторами экстралингвистическими.

Библиографический список

1. Леви-Стросс К. Из книги "Мифологические. "сырое и варенное" // Семиотика и искусствознание. - М., 1972; Лотман Д.М. Анализ поэтического текста. - Л., 1972; Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. - М., 1933; Barthes R. Le Degré zéro de l'écriture, suivi de Éléments de sémiologie. Paris, 1965.

2. Jacobson R. *Linguistics and Poetics in Style in Language*, ed. by Sebeok T.A., New-York, 1960.
3. Якобсон Р. К вопросу о зрительных и слуховых знаках // Структурализм "за" и "против". М., 1975.
4. Peirce Ch.S. *Collected Papers*. Cambridge, 1960.

Степкина Т.Н. /Воронеж/

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ АСПЕКТУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В настоящей статье представлена попытка сопоставительного описания средств и способов передачи аспектуальных признаков действия в речи на русском и английском языках. Рассмотрению подлежат особенности данных языковых средств, приводящие к различному лингвистическому "видению" объективных действий носителями анализируемых языков и своеобразному их выражению в речи.

Исследование показывает, что наблюдаемые в данном случае различия являются следствием разных принципов категоризации объективных признаков действия в анализируемых языках. Глагольная система русского языка, как подчеркивают лингвисты, прежде всего ориентирована на вид (на учет видовых признаков действия), что фиксируется в глагольных основах. "В русском языке категория вида - одна из основных катего-

рий глагола. Возможность образования форм времени зависит от вида. Типы спряжения также связаны с видом. Вид неотделим от лексического значения многих глаголов" [1, с.158]. В английском языке системе глагольных форм свойственна несколько иная ориентация. Здесь глагольные формы в первую очередь направлены на учет временного плана действия, на выражение его временных признаков и отношений. Переориентация глагольной системы германских языков на время - одна из особенностей морфологии этих языков, подчеркивал А.Мейе [2, с.90]. Наряду с этим, система видовременных форм в современном английском языке является более разветвленной по сравнению с русским языком. Она охватывает два временных плана действия - план абсолютного и относительного времени. Второй из них соотносится с категорией временной отнесенности (А.И.Смирницкий), которая в русском языке отсутствует. Таким образом, система видовременных форм в английском языке совмещает в себе три категории: время, временная отнесенность, вид. Данное обстоятельство приводит к необходимости при анализе одной из указанных категорий противопоставлять друг другу не отдельные формы, а целые ряды форм, включающих в себя и две другие категории. В соответствии с этим, говоря о категориальном противопоставлении длительного/недлительного вида в системе английского глагола, мы должны иметь два ряда форм: ряд форм длительного вида (Present Continuous , Past Continuous , Future Continuous , Past Perfect Continuous , Present Perfect Continuous , Future Perfect Continuous); ряд форм

недлительного вида (Present Indefinite, Past Indefinite, Future Indefinite, Present Perfect, Past Perfect, Future Perfect).

Среди других существенных несоответствий следует отметить расхождения в семантике центрального ядра аспектуальности - в семантике видовых форм русского и английского глагола. Об этом свидетельствует само название вида в рассматриваемых языках: совершенный/несовершенный - длительный/недлительный. Первая оппозиция характеризует действие по признаку целостности/нецелостности (Бондарко А.В.), вторая - указывает на наличие или отсутствие временных границ в протекании действия. Основное значение маркированной формы - конкретная длительность. Ее содержание сводится к двум семам: 1) длительность действия (действие уже началось, но еще не завершилось); 2) конкретность действия (действие ограничено определенным моментом или промежутком времени) [3, с.114]. Немаркированная форма - форма недлительного вида - не дает действию какой-либо определенной характеристики. Она относится к типу форм общего разряда.

Соотношение между значениями данной грамматической категории в анализируемых языках соответствует характеру межязыковых контактов, вскрытому в контрастивной грамматике В.Н.Ярцевой. Автор подчеркивает, что "выявленная точка опоры для одного языка может быть центральным значением данного грамматического элемента, но для другого языка находится на периферии взятой грамматической категории" [4, с.72]. Соот-

ответственно, категориальное значение русского совершенного вида передается периферийными средствами в английском языке: средствами семантической категории предельности/непредельности (так называемым видовым характером глагола, по терминологии Г.Н.Воронцовой), способами действия, аспектуальным контекстом и средствами других категорий, функционирующих в рамках единой системы видо-временных форм. Значение конкретной длительности, выступающее точкой отсчета видовых отношений в системе английского глагола, в свою очередь не находит морфологически оформленного аналога в системе русского языка. Она также выводится на периферию.

В рассматриваемых языках наблюдается несоответствие и в характере взаимных связей между компонентами функционально-семантической категории аспектуальности, в частности, между категорией вида, категорией предельности/непредельности (П/НП) и способами действия. Категории П/НП и способы действия, как указывает А.В.Бондарко, "могут рассматриваться как обязательные (в той или иной репрезентации) для поля аспектуальности в любом языке" [5, с.77]. Они являются категориями универсальными. Семантическая категория П/НП выражает отношение действия к его внутреннему пределу. Способы действия отличаются от категории П/НП тем, что аспектуальные значения в них детально семантизированы в акциальных характеристиках действия. "... Каждое глагольное слово помимо чисто лексического значения", как подчеркивает М.В.Всеволодова, "осложнено намертво прошими в него грамматическими семами, часто несколькими,

и эти семь есть и в инфинитиве, и в прошедшем, и в будущем, и в настоящем времени, в причастных и деепричастных формах (что не исключает возможной нейтрализации или невыявления некоторых из них в определенных типах контекстов)" [6, с.65].

Рассматривая функциональную сторону указанных компонентов функционально-семантической категории аспектуальности в русском языке, М.А.Шелякин отмечает, что "категория вида, предельности/непредельности и способы действия по-разному отражают или выражают один и тот же аспектуальный признак ограниченности/непредельности действия: категория вида - в значениях целостности/нецелостности действия в соотносимой локализации его во времени, предельность - в значениях направленности/ненаправленности действия к достижению внутреннего предела или количественного ограничения действия, способы действия - в различных акциональных значениях глаголов, указывающих на способы развития действия по отношению к тому или другому пределу его осуществления" [7, с.42].

Опираясь на данное определение семантических функций рассматриваемых компонентов функционально-семантической системы средств выражения аспектуальности и учитывая мнение А.В.Бондарко о том, что видовое противопоставление русского глагола, основанное на оппозиции признаков целостности/нецелостности, включает признаки ограниченности/неограниченности действия пределом, можно заключить, что в русском языке категория П/НП и способ действия непосредственно соотносятся либо с семантикой совершенного, либо несовершенного вида.

При анализе характера взаимных функциональных связей указанных компонентов функционально-семантической категории аспектуальности на материале английского языка обнаруживается несколько иная картина. Значение конкретной длительности, свойственное маркированной видовой форме английского глагола, покрывает оравнительно узкую сферу аспектуальной семантики в рамках микрополя длительности. Данное значение основывается на семантическом признаке процессности, скрытом в лексическом (акциональном) значении глагола. Процессность/непроцессность действия или состояния является здесь лексическим показателем совместимости семантики глагола с семантикой формы длительного вида. Следовательно, категориальное значение видовой формы английского глагола тесно связано со способом действия. Причем связь эта не опосредуется категорией П/НП; как это имеет место в русском языке. Противопоставление глаголов по признаку процессности/непроцессности и по отношению действия к своему внутреннему пределу реализуется в совершенно разных семантических плоскостях. Данное обстоятельство обуславливает своеобразие в отношениях категории вида и категории П/НП в рассматриваемых языках.

Сопоставляемые языки обнаруживают расхождения в удельном весе бесприставочных и приставочных способов действия, с одной стороны, синтетических и аналитических, с другой. Бесприставочные и приставочные способы действия квалифицируются как способы действия первого и второго разрядов (М.А. Шелякин). Первые непосредственно связаны с предметно-понятий-

ными признаками глагола; вторые, сохраняя предметно-понятийные признаки исходных глаголов, определенным образом модифицируют их аспектуальный план. Исследования в области русской аспектологии выявляет исключительное многообразие приставочных способов действия. В работах М.А.Шеликина, например, представлено описание около 35 приставочных способов действия в рамках предельных и непредельных глаголов. Английскому языку, как известно, образование приставочных способов действия несвойственно. Здесь можно указать лишь на единичные способы действия данного разряда, например, способ репродуктивности действия, образующий с помощью приставки *re-*: *rewrite*, *reproduce*, *reconstruct*. Что касается соотносительности синтетических и аналитических способов действия, то следует отметить, что в русском языке аналитические средства выражения акциональных значений занимает второстепенное место по отношению к аффиксальным, в то время как английский язык в силу особенностей своего строя явно готовится к их использованию. Наряду с сочетаниями фразовых глаголов с инфинитивом или герундием, аналитические средства здесь широко представлены глагольными образованиями с послелогам и адвербиальными частицами (типа *eat up*, *dry up*, *dream away*, *go on*) и специализированными аспектуальными конструкциями, обозначающими характер протекания глагольного действия. Например, *keep + Ger.*, *used to + Inf.*, *would + Inf.*, *get (grow, come) + Inf.*, *stop + Ger.*, *have (take) + Nomina Actionis*. Последние по регулярности употребления и

охвату глагольной лексики приближаются по статусу к морфологической категории вида, что также составляет специфику английского языка как языка аналитического строя.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что сопоставляемые функционально-семантические категории в русском и английском языках совпадают лишь по номенклатуре их компонентов, различаются же по внутреннему членению систем значений, по объему отдельных смысловых инвариантов, по характеру оппозиций.

Библиографический список

1. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. - Л., 1977.
2. Мейе А. Основы сравнительной грамматики германских языков. М., 1964.
3. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка. М., 1975.
4. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. М., 1981.
5. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
6. Всеволодова М.В. Русский язык за рубежом. 1984. № 6.
7. Шелякин М.А. Приставочные способы глагольного действия. Дис. ... докт. филол. наук. Воронеж, 1972.

Балдунчико Д.Н. /Рига/

ХАРАКТЕРИСТИКА АНГЛИЦИЗМОВ В ЛАТЫШСКОМ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ

Проблема языковых контактов является одной из интереснейших в современном языкознании. Вопросы языкового взаимодействия и его частного проявления — заимствования — занимают многие исследователи. Они изучают причины заимствования, различные виды и способы заимствования, пути проникновения, источники и хронологию заимствования, фонетические, грамматические, лексические, семантические, стилистические и другие средства освоения иностранных слов, дают различные классификации заимствованных слов.

В настоящей работе предметом исследования являются лексические заимствования из английского языка в латышский и литовский языки.

Говоря об английских заимствованиях в балтийских языках, необходимо отметить, что они появились в результате сравнительно недавних языковых контактов различной интенсивности. Первые англицизмы в письменных источниках латышского языка констатированы в конце 18 столетия. Начальный период проникновения англицизмов в литовский письменный язык еще предстоит уточнить. В латышском языке английские заимствования уже подверглись всестороннему исследованию; инвентаризации, хронологизации [1, с.52-59], функциональной дифференциации в

современном языке [2, с.67-78] и др. В литовском языке англицизмы пока являются малоизученным пластом лексики (имеется в виду литовский язык в Литовской ССР), поэтому основным материалом для исследования слов английского происхождения в литовском языке в настоящей работе послужили данные различных словарей. Особенный интерес представляют словари иностранных слов (в литовском языке они обычно имеют название "словарь международных слов"). В латышском языке таких словарей выпущено более 20 (первый - в 1878 году), в литовском - 7 (первый - в 1907 году). В первом "Словаре иностранных и неясных слов" литовского языка [3] зарегистрировано 50 англицизмов, например, bifāteksas, bilis (bilis), boikotas, bokaetas, buldozars, žekas и др. В латышском языке к этому времени уже было издано восемь словарей иностранных слов. В словарях 1905 [4] и 1908 [5] годов имелось соответственно 138 и 150 англицизмов, в них зафиксированы все английские заимствования, включенные в первый литовский словарь 1907 года. Насколько мы можем верить этим и последующим словарям? Исследования англицизмов в латышском языке показали, что данные словарей в общем соответствуют реальному употреблению заимствованной лексики, лишь отдельные слова не удалось констатировать в других источниках. Необходимо отметить общую тенденцию - словари не успевают отобразить все актуальные заимствования.

Сравнивая словари иностранных слов литовского и латышского языков, выпущенные в 1969 году (данные словари являются

дополненными переводами "Словаря иностранных слов" русского языка, опубликованного в 1964 году), можно выделить некоторые особенности. В литовском словаре находим 780 слов с пометкой "английские", т.е. при переводе было исключено только пять слов; волей, рудерпис, флаг, хоккей, хэндс, и дополнительно включено 20, например, bifšteksas, dustas, klozetas, streikas. В латышском словаре (несколько меньшем по объему) на 200 англицизмов меньше, но за исключением отдельных слов, все они реально употребляются в латышском языке. Литовский словарь, напротив, вызывает больше сомнения относительно реального употребления (в прошлом или настоящем), включенных в него слов. Во-первых, явно несостоятельной является фиксация ряда старых морских терминов, например, flortimbersas, hačbotas, helportas, piartnersas, top-timbersas, vindzeilis. Во-вторых, сомнительным представляется включение устаревших спортивных терминов, например, по футболу и боксу, а также устаревших текстильных терминов и ряда других слов.

Интересно сравнить другие словари латышского и литовского языка, например, большие двуязычные словари: русско-латышский (1959) и русско-литовский (1967). Рассмотрим слова на буквы "С" и "Т". В русско-литовском словаре на букву "С" зафиксировано 40 англицизмов, а в русско-латышском - 61. Из 40 слов в русско-литовском словаре два слова (актараас, алираас) незафиксированы в русско-латышском словаре (хотя данные слова можно найти в других источниках). На букву "Т"

в русско-литовском словаре зафиксировано 31 английское заимствование, а в русско-латышском - 47. Только один англицизм литовского языка (tentas) не зафиксирован в русско-латышском словаре (это слово можно встретить в других источниках).

Сравним данные латышско-литовского словаря 1977 года. На букву "s" в латышской части имеется 45 англицизмов, а в литовской - 41; на букву "t" в латышскую часть включено 46 англицизмов, а в литовскую - 42. В данном словаре всего имеется 368 соответствий англицизмов, например, albatross - albatrossas, barmenis - barmenas, finišs - finišas. В 25 случаях англицизмы в латышской части не имели таких же соответствий (basketbols, bole, bukstipē, dizainers, dizains, aungripi, flaga, hokejs, kalikons, komfortabls, mese, pulovers, serve, servēt, sliperis, sviteris, šlipse, topmasts, trams, trulis, udenspolo, vinča, volejbols, žilete, žokejseriure). Фактически, к упомянутым словам можно добавить еще два - finieris и triks, так как литовские fanera и triukas нельзя считать англицизмами. В 4 случаях англицизмы литовского языка не имели соответствий в латышской части (bucai, kortas, pilersas, rekordsmenas). В одном случае соответствиями являлись разные англицизмы (mīkspīklī - pikuliai), что объяснимо наличием разных языков-посредников (лит. mīkspīklī - нем. Mixpickles - англ. mixed pickles; лит. pikuliai - рус. пикуди - англ. pickles).

Как видно словари вносят лишь частичную ясность в инвентаризацию англицизмов. Дополнительные исследования и наблюдения за употреблением англицизмов показывают, что в современном литовском языке число реально употребляемых заимствований на несколько десятков меньше чем в латышском языке (в латышском языке всего констатировано примерно 1450 англицизмов). Очень мало различий в той части корпуса лексем, которые проникли при посредничестве русского языка. В 70-80-ые годы нашего столетия набор современных англицизмов в обоих языках практически одинаков, разница лишь в интенсивности употребления и стилистической маркировке ряда заимствований.

Несоответствия встречаются главным образом в лексике, заимствованной до второй мировой войны, когда пути проникновения западно-европейской лексики в литовский и латышский языки несколько отличались, например, в литовском языке нет слов bole, kalle, sliperis. Кроме того, в литовском языке чаще происходил процесс замены англицизмов исконными образованиями, например, basketball - krepėinis, hockey - ledo ritulys, volleyball - tinklinis.

Несколько слов необходимо сказать о различиях формальной адаптации англицизмов в литовском и латышском языках. В зависимости от путей проникновения, формальный облик английских заимствований определяют возможности звуковой субституции, графика английского оригинала, корректированные или некорректированные формы языка-посредника. Влияние языка посредника (особенно русского языка) чаще наблюдается в литовском

языке, хотя имеются некоторые случаи противоположного характера, например, лтш. kovbojs лит. kaubojus. В литовском языке гораздо чаще не сохраняется долгота гласных оригинала (tweed - tvidas, week-end - vikendas, speaker - spikeras), полностью теряются двойные ll, mm, nn (в латышском языке в ряде слов они сохраняются), а иногда и начальное h (alio, humoras/jumoras). В латышском языке не встречается производительная адаптация (ср. jazz - džazs - džiazas; Yankee - jenkijs - jankis), а также случаи полукалькирования, (ср. raizāle - raigrāsa, flintstikls - flintglasas).

Морфологическая субституция привилась в англицизмах латышского языка, попытки употребления вариантов (emitētājs (emīters), boksētājs (bokseris), fermnieks (fermeris), jahtnieks (jahtsmeņis) и др.) не закрепились (пожалуй, единственное исключение - intervētājs). В литовском языке данный процесс распространился несколько шире (boksininkas, dokinininkas и др.). В балтийских языках сравнительно мало несклоняемых англицизмов, в литовском языке их несколько больше, чем в латышском. В некоторых случаях еще сохраняется вариантность, например, в литовском: džerai - džerše, džingo - džingas. В латышском языке английские дефисные соединения и словосочетания обычно стягиваются, например: kuklukkļans, kokakļa, hārdroks, šovbizness. В литовском языке данный процесс выражен слабее.

Проделанное конспективное сопоставление англицизмов

в латышском и литовском языках является первой попыткой контрастивного анализа данной группы лексики в балтийских языках. Ввиду еще недостаточно полного изучения англицизмов в литовском языке, ряд аспектов и деталей остался нераскрытым. Дальнейшие исследования, особенно в историческом плане, позволят устранить эти недостатки.

Библиографический список

1. Балдунчикс Ю. Историко-хронологическая характеристика англицизмов в латышском языке // Baltu valodas senāk un tagad. R., 1985.
2. Baldunčiks J. Anglīcīsmu funkcionālais raksturojums mūsdienu latviešu valodā // LPSR ZA Vēstis, 1981, .II.nr.
3. Šlapelis J. Svetimų ir nesuprantamų žodžių žodynelis. Tilže, 1907.
4. Politisku svešvārdu grāmata. - R., 1906.
5. Libknehts V. Politisku un vispārīgu svešvārdu grāmata. R., 1908.

ФРАНЦУЗСКО-ЛАТЫШСКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФОНД

Фразеология все больше и больше утверждается как самостоятельная отрасль языкознания. Лингвистический статус фразеологических единиц, понимаемых как языковая универсалия особого типа уже давно стал предметом изучения. Однако, специальным лингвистическим разделом языкознания фразеология становится только в XX веке. Французская фразеология становится им в начале века, благодаря основополагающим работам Ш.Балли [1], а латышская фразеология - в 50-60-е годы с появлением статей А.Я.Озолса, А.Г.Лау, С.К.Раге, Э.К.Кагайне [2].

Сопоставительные исследования латышской фразеологии начались в конце 60-х годов на материале латышского и английского языков. В работах Л.Я.Орловской проводилось изучение единиц в синхронном плане. С 80-х годов началось исследование динамических аспектов латышской фразеологии: [3]. В своих статьях А.Г.Вейсберге убедительно показал, что английский язык пополнил фразеологией современного латышского языка более чем 200 фразеологизмами, преимущественно недавнего происхождения [3, с.12].

Уже Л.Я.Орловская указывала на то, что латышским идиомам свойственен большой удельный вес интернационализмов. Сравнивая эквивалентность латышских идиом идиомам русского,

немецкого и английского языков, автор пришла к выводу, что одна треть латышского языка по своему лексическому составу и функционально-морфологическим характеристикам относится к интернациональным идиомам. По мнению Л.Я. Орловской, к интернациональным идиомам относятся идиомы, идентичные по своему лексическому составу и содержанию в английском, латышском, немецком и русском языках [4, с.60]. Игнорирование роли романских языков в обогащении фразеологического состава латышского языка сузило количественные и качественные характеристики интернациональной фразеологии. Учитывая, что романские языки служили богатым источником пополнения словарного состава латышского языка цельнооформленными единицами, можно предположить, что раздельнооформленная лексика также находит свое место в лексической системе латышского языка. Первые изыскания, проведенные в этой области в 70-х годах показали, что французский язык действительно пополнил аналитическую глагольную лексику латышского языка новыми лексемами (типа *darit godu*, *pieņemt lēmumu* и др.) [5, с.7].

Таким образом, в данной статье делается попытка доказать роль романских языков в обогащении фразеологического фонда латышского языка. В этой связи были использованы различные этимологические словари (в первую очередь "Опыт этимологического словаря русской фразеологии" - 6), словари иностранных слов латышского языка, научные статьи по вопросам заимствованной фразеологии.

Изучение заимствованной фразеологии романского проис-

хождения в современном латышском языке показало, что итальянский и испанский языки не оказали существенного влияния на латышскую фразеологию. Из этих языков проникли лишь несколько фразеологизмов интернационального характера, а именно, с итальянского: *viņi ceļi ved uz Rīmu* "все дороги ведут в Рим"; *Vet tomēr viņa griežas!* "А всё-таки она вертется!"; с испанского: *piekta kolonna* "пятая колонна" [7, с.218]; *zilas asinis* "голубая кровь"; *ciņīties ar vējdzirnavām* "сражаться с ветряными мельницами" и некоторые другие.

Иначе дело обстоит при изучении влияния фразеологии французского происхождения. Почти во всех европейских языках, в том числе и в латышском, можно встретить фразеологизмы, заимствованные в разные времена из французского языка. Только в этимологическом словаре русской фразеологии [6], содержащем более 1400 фразеологических единиц, доля фразеологизмов французского происхождения превышает 15% (т.е. 212 ФЕ). Учитывая тот факт, что французские фразеологизмы как раздельно оформленные единицы проникли в латышский язык через языки-посредники (русский и/или немецкий), то можно предположить, что этот пласт является достаточно большим.

Как известно, фразеологические единицы по своему происхождению могут быть распределены на две группы:

а) исконная фразеология и б) заимствованная фразеология.

Фразеологические заимствования являются результатом взаимовлияния (прямого и/или косвенного) и взаимообогащения разных языков. Как показала Л.Я.Орлова, для латышской

фразеологии свойственен высокий процент фразеологизмов интернационального характера. По ее подсчетам национальные идиомы (в определении А.В.Кунина), не имеющие эквивалентов в немецком, русском и английском языках, составляют лишь 44,43% [4, с.61]. Но при изучении фразеологических заимствований важно учитывать, что не все интернациональные фразеологизмы могут быть отнесены к заимствованиям, так как при сходстве мыслей и понятий у разных народов, возможно параллельное образование фразеологизмов (ср., напр., в латышском *pažadēt galvu*; в русском - потерять голову, во французском *perdre la tête*; в немецком - *den Kopf verlieren*; в испанском - *perder la cabeza*; в английском - *lose one's head* и т.д.).

Фразеологизмы французского происхождения не составляют однородной группы образований. Они проникли в латышский язык в виде а) фразеологических вкраплений; б) фразеологических калек и в) аналитических лексических единиц (фиксированных словосочетаний).

Фразеологические вкрапления обычно фиксируются в словарях иностранных слов. Сопоставление данных словарей иностранных слов латышского языка разных лет дает следующие результаты:

Год издания словаря	Количество фразеологических вкраплений
1906	35
1914	35
1932	69
1979	56

Анализ фразеологических вкраплений латышского языка показывает, что они неоднородны по своей структуре. Для этого периферийного пласта заимствованной лексики характерны:

- 1) различная степень употребительности (из общего количества фразеологических вкраплений только 7 единиц включены во все вышеуказанные словари иностранных слов латышского языка);
- 2) преобладание аналитических единиц, особенно:
 - a) аналитических существительных (*chargé d'affaires; coup d'État ; idée fixe*); б) аналитических наречий (*en bloc , au courant , sans façon*);
- 3) относительно малое количество фразеологических оборотов (*cherchez la femme , à la guerre , somme à la guerre*);
- 4) наличие единичных выражений-цитат (*le style c'est l'homme* - слова французского естествоиспытателя Ж.Бюффона (из его речи в 1763 г.); *Après moi , le déluge !* - приписывается маркизе Помпадур (1721 - 1761), фаворитке Людовика XV, которая пыталась утешить короля после его поражения при Росбахе [6, с.23; 8, с.97].

В латышском языке вкрапления могут осуществляться с соответствующими кальками, напр.: *jeunesse dorée* - *zeltā jau - latne* "золотая молодежь"; *à l'ordre du jour* - *dienas kārtība* " в порядке дня"; *parole d'honneur* - *goda vārds* "честное слово, букв. слово чести". Кальки являются более употребительными и, как правило, лишены стилистического колорита. Отдельные вкрапления (чаще всего аналитические существительные), в свою очередь, соотносятся с цельнооформленными единицами французского происхождения: *metteur en pages* - *metieris*

"метранпах" (ср. лит. metranpažas): pot pourri - porurija
"попурри" и т.д.

Основную группу составляют фразеологические кальки, типа
argriet arāgnis "подрезать крылья кому л." франц. couper
les ailes a qn; povist laikis "убить время" франц. tuer
le temps; būt zobam uz "иметь зуб против кого-л." франц.
avoir une dent contre qn. и т.д.

В латышском языке существует также небольшое количество
фразеологических полукалек французского происхождения (напр.:
sajaukt kārtis "смешать карты" франц. brouiller les car-
tes; krist azartā "войти в азарт" франц. se mettre en
hasard).

Сличительной чертой фразеологизмов французского проис-
хождения является тот факт, что среди их компонентов мало
экзотизмов. Это, вероятно, объяснимо тем, что этот пласт за-
имствований более древнего происхождения по сравнению, напри-
мер, с фразеологизмам, включающими экзотизмы и заимствован-
ными из английского языка типа pēdējais mohikānis, balānu
republika, līnba tieva [3, с.12-13]. Одним из фразеологизмов
французского происхождения, содержащим экзотизм, можно счи-
тать ФЕ zilokaula tornis "башня из слоновой кости", го-
воря о предмете мечтаний, оторванных от жизни, например, в
контексте: ... lai gan 27. kongress nebūt nav zilokaula
tornis, kura arbrīnōšanai iekarināmi saimnieciski neizdevi-
gi projekti (Lit. un Māksla, 18.09.87).

В изучении фразеологических калек немаловажный интерес представляет не только выявление языка-источника, но и, при возможности, определение и уточнение авторства ФЕ. Вековые традиции французских лексикографов отражать как можно полнее и разнообразнее словарный состав, находят свое отражение и в выявлении отдельных единиц фразеологических и аналитических словосочетаний. Так, например, с именем Мольера связана калька *par les beaux yeux* "за красивые глаза" *par skaistām acīm* (из комедии "Жеманщина"); с именем Ф.Шатобриана - *chair à canon* "пушечное мясо" *lielgabalu gaļa* (из памфлета "О Бонапарте и Бурбонов"); с именем М.Матерлинка *oiseau bleu* "синяя птица" *zilais putns* (от названия одноименной пьесы). По данным отдельных этимологических словарей фразеологизм *appétit vient en mangeant*, заимствованный потом другими языками (ср. нем. *der Appetit kommt beim Essen*; русск. аппетит приходит во время еды; латышск. *apetīte rodas ēdot*) впервые встречается в работах Ф.Рабле [см. менее вероятное толкование в IO, с.33]. Из сочинения французского поэта и историка Агриппы д'Обинье "Об обязанностях короля и подданных" взято *l'État dans l'État* "государство в государстве" - латышск. *valsts valstī*. С историей Франции связаны фразеологизмы *vieille garde* "старая гвардия" (от отборных частей войск Наполеона); *clou de la saison* "гвоздь сезона" (по названию Эйфелевой башни похожей на гвоздь, построенной для Всемирной выставки в 1889 г.). Принято считать, что авторами следующих образований являются дипломат Талейран (*le commencement de*

la fin "начало конца"; gala sakume философ В. Кузен (l'art pour l'art "искусство для искусства" makala makelai) и т. д. Авторы этимологического словаря русского языка [6, с. 76] считают, что фразеологизм "медовый месяц" является калькой lune de miel (из романа Вольтера "Задиг, или Судьба" (1747 г.)). Французские лексикографы Доза А., Шиков Ж. и др. [13] считают, что lune de miel является калькой с английского языка (honeymoon). По мнению авторов одного из последних этимологических словарей французского языка [II, с. 526-527], только благодаря Вольтеру данная единица была заимствована из английского во французский язык, а потом в итальянский (luna di miele), в испанский (luna de miel), в немецкий (Honigmonat) [12, с. 316]; в другие языки (ср. польский (miodowy miesiąc; лит. (medaus mėnuo); латышский (medus mēnesis)). В этом случае, французский язык для данной единицы выполнил не только роль языка-посредника, но и языка-актуализатора, а не языка-источника.

Если в отдельных случаях авторство фразеологизмов установить возможно, то в большинстве случаев это сделать нереально, так как фразеологизмы основаны на описании повседневных явлений напр.: acheter chat en poche "купить/покупать кота в мешке" pirkt kači maisā; entre nous soit dit "между нами говоря" atarp mums runājot; voyager en lapin "ехать зайцем" braukt pa zaķi и т. д.

Таким образом, можно считать, что фразеологизмы французского происхождения занимают весьма существенное место во

фразеологической системе современного латышского языка. Анализ более 200 ФЕ (не считая вкраплений) показал, что они вполне адаптировались в языке-реципиенте, обогащая новыми понятиями лексическую систему латышского языка.

Библиографический список

1. Bally Ch. *Traité de stylistique française*. Vol. I. 3. éd. Genève-Paris, 1951.
2. Орловская Л.Я. О состоянии теории фразеологии в латышском советском языкознании // Известия АН ЛатвССР № 2 (295). Рига, 1972.
3. Вейсберго А.Г. Динамические аспекты латышской фразеологии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Рига, 1986.
4. Орловская Л.Я. Эквивалентность латышских идиом идиомам других языков // Вопросы лексикологии и грамматики английского и латышского языков. - Рига, 1972.
5. Банкав А.Я. Сопоставительный анализ аналитических глагольных единиц французского и латышского языков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1977.
6. Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М., 1987.
7. Morris W. and M. Morris *Dictionary of Word and Phrase origins*. New York, 1977.

8. Бабкин А.М., Шендецов В.В. /Словарь иноязычных выражений и слов. А- Я. Изд. 2-е перераб. и доп. Л., 1981.
9. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. 2-е изд. М., 1983.
10. Rey A., Chantreau S. Dictionnaire des expressions et locutions. Paris, 1979.
11. Rey-Debove J., Gagnon G. Dictionnaires des anglicismes. Paris, 1980.
12. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der Deutschen Sprache. 21. unveränderte Aufl.-Berlin, New York, 1975.
13. Dauzat A. Dictionnaire étymologique de la langue française, Paris, 1983; Picoche J. Dictionnaire étymologique du français. Paris, 1979.; Robert P. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française. Paris, 1978.

Бреде М.А. /Рига/

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОНАНТОВ ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКИМ

Настоящая статья посвящена изучению просодической природы консонантизма, в частности, исследованию интенсивности сонантов в сопоставительном плане.

Из просодических характеристик сонантов главным образом рассмотрена длительность (это особенно относится к изучению

латышского консонантизма).

Для выявления энергетической характеристики сонантов латышского языка $I \bar{I}$, $I m \bar{I}$, $I n \bar{I}$ в сопоставлении с соответствующими сонантами английского языка был подготовлен экспериментальный корпус на материале латышского и английского языков согласно принципу межъязыковых фонетических минимальных пар (методика Р.К.Потаповой [L] и др.), включающий односложные и двусложные слова (70 в каждом из исследуемых языков) с сонантами в различных позициях слова. Экспериментальный материал был начитан пятью дикторами — тремя носителями латышского языка и двумя носителями английского языка, обладающими нормативным латышским и английским произношением. Далее материал был перенесен на интонограф.

Для выявления энергетической характеристики были использованы следующие параметры: значения максимальной и минимальной интенсивности сонантов в абсолютных и относительных единицах. Для характеристики изменения интенсивности сонантов по формуле $\bar{J} = \frac{J_{\max} - J_{\min}}{t}$, где J_{\max} — максимальное значение интенсивности, J_{\min} — минимальное значение интенсивности, t — длительность — были определены значения скорости изменения интенсивности сонантов.

Для того, чтобы проверить зависимость уровня интенсивности сонантов от типа слоговой интонации, сопоставлялись значения интенсивности сонантов в словах с длительной и недлительной интонацией для одной и той же позиции (используя t — критерий [2, с.246]). В результате ни в одном случае не

было обнаружено значимое различие. В сопоставляемых позициях учитывалась долгота предшествующих и последующих гласных. Было выявлено, что в соотношении между уровнем интенсивности сонантов латышского языка и долготой окружающих гласных можно проследить определенную тенденцию к более высокому уровню интенсивности для сонантов $I \uparrow I$ и $I \uparrow m I$ перед и после кратких гласных в моделях $Ic'Igc$, $Ic'Igcg$, $cg'IcI$ и после долгих гласных в моделях $cg'IcI$, $cg'IcI$, $cg'Ic'Ig$. Относительно сонанта $I \uparrow I$ величина интенсивности больше после долгих гласных в моделях $Ic'Igc$; $cg'IcIc$ и $cg'Ic'Ig$.

Максимальные значения интенсивности сонантов $I \uparrow I$, $I \uparrow m I$ и $I \uparrow n I$ в убывающем порядке (в-до) представлены в таблице №1.

Таблица 1. Максимальный уровень интенсивности сонантов $I \uparrow I$, $I \uparrow m I$, $I \uparrow n I$ в односложных и двусложных словах латышского языка в убывающем порядке

№	Позиция сонанта в слове	\bar{J} (-до)	Позиция сонанта в слове	\bar{J} (-до)	Позиция сонанта в слове	\bar{J} (-до)
1.	$I \uparrow Igcg$	-4,4	$I \uparrow m Igc$	-2,7	$I \uparrow n Igc$	-2,4
2.	$I \uparrow Igc$	-6,1	$cg'I \uparrow m Ic$ -гл.г	-3	$I \uparrow n Igcg$	-3,5
3.	$cg'I \uparrow Ic$	-9,3	$I \uparrow m Igcg$	-3,1	$cg'I \uparrow n Ic$ -зв.г	-4,5
4.	$cg'I \uparrow Ig$	-10,5	$cg'I \uparrow m Ic$ -зв.г	-6	$cg'I \uparrow n Ic$ -гл.г	-5
5.	$cg'I \uparrow Ic$ -гл.г	-11	$cg'I \uparrow m Ic$	-6,5	$cg'I \uparrow n Ig$	-6
6.	$cg'I \uparrow I$ -зв.г	-11,2	$cg'I \uparrow m Ig$	-7,5	$cg'I \uparrow n Ic$	-10
7.	$cg'I \uparrow I$	-12,4	$cg'I \uparrow m I$	-11	$cg'I \uparrow n I$	-12,2

1

c' - сонант, $г$ - гласный, c - согласный

В английском языке в большинстве случаев констатировано, что уровень интенсивности сонантов выше в позициях перед и после кратких гласных. Таблица 2 отражает в убывающем порядке значения максимального уровня интенсивности сонантов английского языка.

Таблица 2. Максимальный уровень интенсивности сонантов

$I \downarrow I, I \downarrow m I, I \downarrow n I$ в односложных и двусложных словах английского языка в убывающем порядке

№	Позиция сонанта в слове	\bar{J}_i (-дб)	Позиция сонанта в слове	\bar{J}_i (-дб)	Позиция сонанта в слове	\bar{J}_i (-дб)
1.	$sgI \downarrow I \uparrow g$	-7,1	$I \downarrow m I \uparrow gc$	-2,3	$sgI \downarrow m I \uparrow c$ -гл.г	-1
2.	$I \downarrow I \uparrow gc$	-7,7	$I \downarrow m I \uparrow gcg$	-2,3	$I \downarrow n I \uparrow gcg$	-1,5
3.	$sgI \downarrow I \uparrow c$ -гл.г	-8	$sgI \downarrow m I \uparrow c$ -зв.г	-2,5	$sgI \downarrow m I \uparrow c$ -зв.г	-1,5
4.	$I \downarrow I \uparrow gcg$	-8,5	$sgI \downarrow m I \uparrow g$	-3,5	$I \downarrow n I \uparrow gc$	-2,2
5.	$sgI \downarrow I \uparrow c$ -зв.г	-9	$sgI \downarrow m I \uparrow c$ -гл.г	-4	$sgI \downarrow m I \uparrow g$	-5
6.	$sgI \downarrow I \uparrow c$ -гл.	-10	$sgI \downarrow m I \uparrow$	-10,6	$sgI \downarrow m I \uparrow c$ -зв.	-11,5
7.	$sgI \downarrow I \uparrow c$ -зв.	-13,3	$sgI \downarrow m I \uparrow c$ -зв.	-12,5	$sgI \downarrow m I \uparrow$	-11,6
8.	$sgI \downarrow I \uparrow I$	-15,5			$sgI \downarrow m I \uparrow c$ -гл.	-12,5

Значения скорости изменения интенсивности сонантов латышского и английского языков представлены соответственно в таблицах №3 и №4.

Таблица 3. Скорость изменения интенсивности сонантов

$I \downarrow I, I \downarrow m I, I \downarrow n I$ в латышском языке

№	Позиция сонанта в слове	\bar{J}_i (-дб/ мсек)	Позиция сонанта в слове	\bar{J}_i (-дб/ мсек)	Позиция сонанта в слове	\bar{J}_i (-дб/ мсек)
1.	$I \downarrow I \uparrow gc$	-0,11	$I \downarrow m I \uparrow gc$	-0,15	$I \downarrow n I \uparrow gc$	-0,07

2.	сгI I I	-0,07	сгI m I	-0,06	сгI n I	-0,08
3.	сгI I Ic	-0,09	сгI m Ic	-0,1	сгI n Ic	-0,11
4.	I I I c r	-0,16	I m I c r	-0,14	I n I c r	-0,4
5.	сгI I I r	-0,06	сгI m I r	-0,06	сгI n I r	-0,05
6.	сгI I I c r	-0,07	сгI m I c r	-0,06	сгI n I c r	-0,05

Таблица 4. Скорость изменения интенсивности сонантов
I I I, I m I, I n I в английском языке

№	Позиция сонанта в слове	\bar{V}_i (-дб/ мсек)	Позиция сонанта в слове	\bar{V}_i (-дб/ мсек)	Позиция сонанта в слове	\bar{V}_i (-дб/ мсек)
1.	I I I c r	-0,15	I m I c r	-0,11	I n I c r	-0,13
2.	сгI I I	-0,08	сгI m I	-0,07	сгI n I	-0,1
3.	сгI I Ic	-0,07	I m I c r	-0,04	сгI n Ic	-0,1
4.	I I I c r	-0,06	I m I c r	-0,16	I n I c r	-0,3
5.	сгI I I r	-0,07	сгI m I r	-0,07	сгI n I r	-0,08
6.	сгI I I c r	-0,07	сгI m I c r	-0,1	сгI n I c r	-0,11

В обоих языках наибольшие значения скорости изменения интенсивности отмечаются в начальной позиции слова. Именно в этой позиции наблюдается наивысший максимальный уровень интенсивности. Однако в позициях, где зафиксированы следующие наибольшие значения \bar{V}_i — в абсолютном исходе слова и в конечной позиции перед последующим согласным, сонанты характеризуются наименьшим уровнем интенсивности по сравнению с другими позициями. Следовательно, тут не проявляется строгой взаимосвязи между уровнем интенсивности и скоростью изменения интенсивности сонантов. Как в латышском, так и в английском языке величина \bar{V}_i больше в односложных словах, чем в двусложных словах. В латышском языке скорость изменения интенсивности

ти сонантов убывает в следующем порядке:

1) сонант $I \uparrow I$, сонант $I \downarrow I$; 2) сонант $I \uparrow I$; в английском языке: 1) сонант $I \downarrow I$; 2) сонант $I \uparrow I$, сонант $I \uparrow I$.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: 1) при изменении уровня интенсивности сонантов латышского и английского языков наблюдается зависимость интенсивности от способа образования сонантов; 2) в обоих языках наиболее интенсивными являются смычные носовые сонанты $I \uparrow I$ и $I \downarrow I$, наименее интенсивным - целевой переднеязычный сонант $I \uparrow I$; 3) сонанты в обоих языках проявляют тенденцию к изменению интенсивности в зависимости от их позиции в слове; сонанты наиболее интенсивны в начальной позиции односложного и двусложного слова в обоих языках; 4) сонанты латышского языка не обнаруживают тенденции к изменению интенсивности в зависимости от слоговой интонации; 5) в обоих языках наивысший максимальный уровень интенсивности сонантов характеризуется наибольшими значениями скорости изменения интенсивности; 6) как в латышском, так и в английском языке обнаружена тенденция зависимости скорости изменения интенсивности сонантов от места их обнаружения: альвеолярные сонанты $I \uparrow I$ и $I \downarrow I$ характеризуются большей величиной $\dot{\sigma}$, чем билабиальный сонант $I \uparrow I$.

Библиографический список

1. Потапова Р.К. Позиционно-спектральное варьирование гласных в речи // Сб. научн. тр./МГПИИЯ им.М.Тореза, 1977, Вып. 108. С.78-87.

2. Большев Л.Н., Смирнов Н.В. Таблицы математической статистики. М., 1965.

Вейсберго А.Г., Вачисчине А.С. /Рига/

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМАХ
(на материале новейших английских фразеологических
займствований русского и латышского языков)

Фразеологическая стилистика в последние двадцать лет выделялась в самостоятельный раздел лингвистической науки, включающий большое число исследований, проведенных на материале отдельных языков. Сопоставительный анализ в сфере фразеологической стилистики только начинается. Использование его при изучении стилистического функционирования фразеологических единиц (ФЕ) в речи представляется плодотворным для обобщения полученных результатов и дальнейшего развития самой фразеологической стилистики.

Окказиональное использование ФЕ в речи, наряду с usualным употреблением, является закономерным явлением, речевой нормой. Окказиональные изменения ФЕ возможны независимо от ее "возраста", с того момента, когда данная единица приобретает статус ФЕ, т.е. характеризуется частично или полностью переосмысленным значением и стабильностью на всех языковых уровнях [1, с. 1247, 1259]. Окказиональные формы ФЕ обнаружи-

ваются в самых ранних письменных источниках, употребляются в языке в течение всего периода его развития и встречаются также в новейших текстах.

Так, например, окказионально преобразованные ФЕ зафиксированы уже в древнеанглийских текстах IX и X столетий [2], что свидетельствует о том, что окказиональное использование ФЕ является частью системы языка, а, следовательно, и речи.

(swa) hwite swa snaw^I

Neora lichaman wæron hwittran þonne snaw.

(Aelfric, Heptateuch, 1000)

Сравним это окказиональное употребление данной компаративной ФЕ с узуальным фразоупотреблением IX века:

Paulas sawle swa hwite swa snaw.

(Old English Martyrology, 900)

Однако зачастую невозможно установить время появления ФЕ и их начального использования в узуальной форме. В этой связи представляется интересным выяснить, какой период функционирования ФЕ в узуальной форме необходим для появления окказионально преобразованных ФЕ. С этой целью обратимся к новейшим английским фразеологическим заимствованиям в русском и латышском языках, позволяющим определить время появления данных фразеологических неологизмов.

Так, ФЕ "basket three" появилась в английском языке в период подготовки заключительного Совещания по вопросам ев-

^I OE (swa) hwite swa snaw - MoE (as) white as snow.

ропейской безопасности и сотрудничеству в Хельсинки в 1975 году со значением "гуманитарные проблемы сотрудничества, чловеческие права" [3, с.298].

Во второй половине 70-х годов в средствах массовой информации ФЕ "третья корзина" (заимствованная из английского "basket three") употребляется в русском языке в ее узуальной форме [3, с.298] и уже в 1975 году данная ФЕ встречается в окказиональной форме:

третья корзина

... уже просматривается, как говорят в Женеве, "дно третьей корзины".

(Лит. газ., 1975, 3)

Ввиду актуальности указанной проблемы засвидетельствованы многочисленные узуальные и окказиональные употребления данного фразеологического неологизма.

Эта ФЕ проникла в латышский язык в начале 80-х годов и в течение нескольких лет употреблялась в узуальной форме, например:

Reakcionārie emigranti Ipašu uzmanību velta tā sauktajam trešajam grozam ...

(Baltijas reakcionārā emigrācija šodien. Rīga, 1982, 197.lpp.)

Благодаря частому использованию в средствах массовой информации ФЕ "trešais grozs" приобрела устойчивость на всех языковых уровнях и уже с середины 80-х годов начала употребляться с окказиональными изменениями:

trabais grozs

Tā sauktais trabais grozs nav domāts politiskiem va.ckariem un mieram naidīgiem humanistiem. Desmit gados jūtami mainījusies Eiropa, pasaule, trabā groza ietilpība.

(Dzintenes Balss, 1985, 25.jul.)

Языковой материал показывает неправомерность некоторых теоретических положений фразеологической стилистики, в частности положения о том, что необходимы весьма длительные сроки употребления, даже столетия, чтобы так называемые "традиционные ФЕ" могли быть подвергнуты окказиональным изменениям [4, с.94].

Представляется неправомерным также употребление терминов "омолаивание" [5, с.20] и "модернизация" [4, с.94] для обозначения окказионального использования ФЕ, так как эти термины допускают исходную предпосылку, что ФЕ должны пройти долгий путь развития перед тем, как они могут быть подвержены окказиональным изменениям. Ряд исследователей придерживается крайних взглядов по этому вопросу, не усматривая нормативности самого процесса окказиональных изменений ФЕ. Так, например, Е.К.Луконина утверждает, что ФЕ с полностью переосмысленным значением представляет собой "не что иное, как мертвые метафоры, банальные дидактические наиздания, прописные истины" [6, с.17], "клише, засоряющие речь" [6, с.25], а стилистические изменения ФЕ в речи автор называет "деформация" [6].

Фразеологический материал разных языков и разных столе-

тий свидетельствует о том, что и узуальное употребление и окказиональное их использование сосуществуют как две полноправные формы функционирования фразеологизма в речи. Появление окказиональных форм ФЕ в речи обусловлено рядом причин, в том числе и стилистических, которые не всегда зависят от продолжительности употребления ФЕ в языке. На это указывает и факт окказионального использования фразеологических неологизмов.

Например, английская ФЕ "dark horse" восходит к первой половине XIX века, она впервые упоминается в 1831 году [7, с.169; 8, с.34].

В русских текстах ФЕ "темная лошадка" впервые обнаруживается в 1971 году [3, с.712]. В последующие годы она часто появляется на страницах советской прессы как в узуальной, так и в окказиональной форме, например:

темная лошадка

Даже самый многочисленный табун "темных лошадок", как обычно называют американцы неожиданных претендентов на выборные посты, не заполнит "пустоту", образовавшуюся на верху демократической партии...

(За рубежом, 1975, 25)

Эта же ФЕ была заимствована в начале 80-х годов в латинский язык в том же значении. Она получила широкое распространение в газетных текстах, и вскоре появляются многообразные случаи ее окказионального использования. Так, в следующем примере данная ФЕ используется в окказиональной форме

не только в заголовке газетной статьи - "Tumšā zirdziņa" arpegļošana", выполняя текстообразующую роль, но и занимает целый параграф, который является случаем сложного конвергентного использования целого ряда приемов окказионального функционирования ФЕ в речи:

tumšais zirdziņš

Lai nokļūtu uz plātāka ceļa, Rīgas "Celtnieka" meistar-komandai vispirms vajadzēja savaldīt un tad arī arpeglot (lasī - uzvarēt) pirmās līgas "tumšo zirdziņu" - Voronežas vienību "Atoms". Jāteic, ka zirdziņš (viņš ir arī līgas debitants) bija ne vien tumšs, bet arī ne sevišķi kautrīgs un droši auļoja turp, kurp "visu atzītie" līderi - uz to pašu plātā ceļu.

(Rad. Jaunatne, 1985, 26. febr.)

Приведенные примеры ФЕ не являются единичными. В 70-80-х годах в русский и латышский языки был заимствован целый ряд ФЕ политического характера, которые были быстро усвоены благодаря частому употреблению. В политических текстах они часто применяются в окказиональной форме:

сидеть в одной лодке

Представитель такой далеко не маленькой страны, как ФРГ, однажды заметил, что сидеть в одной "валютной лодке" с Соединенными Штатами все равно что иметь в лодке слона.

(А.В.Аникин. Челный дьявол. М., 1978, с.164)

sēdēt vienā laivā

Mēs visi, Zemes iedzīvotāji, esam kā kopīgi celiniski laivā, kura dodas pāri liktāra upei uz nākotnes krastu ...

(Zvaigžņu, 1986, 6)

Наряду с другими многочисленными окказиональными изменениями фразеологические неологизмы, несущие политическую окраску, часто подвергаются антонимической замене, которая ввиду частого употребления может в будущем потерять окказиональный характер. Проиллюстрируем данное положение примерами употребления ФЕ "star wars" (восходящей к речи Э.Кеннеди в 1980 году), которая выделяется среди фразеологических заимствований 80-х годов своей актуальностью:

звездные войны

В противовес зловещим планам "звездных войн" СССР выдвигает перед международным сообществом концепцию "звездного мира".

(Выступление Э.А.Шеварднадзе на 40-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, - Правда, 1985, 26 сент.)

"звездным войнам" - нет!

"звездному миру" - да!

(Правда, 1985, 28 сент.)

zvaigžņu kari

Pretmetā bīstamājiem "zvaigžņu karu" plāniem PSRS izvirza starptautiskajai asociācijai "zvaigžņu miera" koncepciju.

(Cīņa, 1985, 26.sept.)

Итак, языковой материал новейших фразеологических заимствований убедительно свидетельствует о том, что наличие в них окказиональных форм представляет собой весьма распространенное явление в текстах массовой информации, зависящее не от длительности использования данных ФЕ, а от актуальности, интенсивности и частотности их употребления. Проникновение данных окказиональных форм в речь служит одним из показателей ассимиляции фразеологических заимствований в языке-рецепторе. Окказиональное использование ФЕ есть нормативное явление, возникающее в речи после укоренения ФЕ в данном языке, причем сроки его зависят от лингвистических и экстралингвистических факторов.

Библиографический список

1. Куния А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины // Англо-русский фразеологический словарь. М., 1967.
2. Whiting B.J. Proverbs, Sentences, and Proverbial Phrases from English Writings Mainly before 1500. Cambridge, Mass., 1960.
3. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. М., 1984.
4. Кокеладзе Р.Г. О некоторых обновленных фразеологизмах в русском языке (на материале поэзии XX в.). // Филологические науки. М., 1974. №4.
5. Лепешев И.И. Проблемы фразеологической стилистики и фра-

- еологической нормы в современном белорусском литературном языке. Автореф. ... Д-р. филол. наук. Минск, 1984.
6. Луконина Е.К. Идиоматическая фразеология в языке и речи (на мат. совр. англ. языка). Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1986.
7. Morris Dictionary of Word and Phrase Origins. London, 1972.
8. The Oxford English Dictionary in XII Volumes with a Supplement, edited by J.A.H. Murray, H. Bradley, W.A. Craigie, C.T. Onions. Oxford, 1961, Vol.3.

Начискионе А.С. /Рига/

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛИРУЕМОСТЬ ПРИЕМОВ ОККАЗИОНАЛЬНОГО
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РЕЧИ
(на материале английского и латышского языков)**

Плодотворность сопоставительных изысканий кроется в выявлении общеязыковых закономерностей. Окказиональное функционирование фразеологических единиц (ФЕ) в речи раскрывает то общее, на чем построены неисчислимы окказиональные речевые формы: систему приемов окказионального преобразования в речи^I. Каждый прием характеризуется определенной совокуп-

^I Идея системности приемов окказионального использования ФЕ была впервые сформулирована А.В. Куниным [1, с. 32], далее разработана Н.А. Шадриним [2, с. 78] и другими исследователями.

ностью черт, которые позволяют отнести его к типизированным выразительным средствам языка.

Прием как воспроизводимый элемент языковой системы обладает общими признаками, которые включают в себя не только изменения грамматической структуры ФЕ, количества ее компонентов, но и тип преобразования семантической структуры ФЕ^I. Способ образования фразеологического значения определяет структуру внутренней формы окказионально преобразованной ФЕ. Закономерности динамики внутренней формы ФЕ при окказиональных изменениях позволяют ставить вопрос о семантической моделируемости приема. В каждом приеме семантическая структура окказионально преобразованной ФЕ имеет свои отличительные особенности.

Сопоставительный анализ функционирования одного и того же приема окказионального использования ФЕ в разных языках выявляет общие семантические признаки. В рамках данной статьи ограничимся случаями перифраза компонентов ФЕ в английском и литовском языках:

to throw [dust] into someone's eyes
we distinctly charge the dustman with throwing
what they ought to clear away] into the eyes of
the public.

(Ch. Dickens. The Posthumous Papers of
the Pickwick Club)

^I Семантическая структура и типология внутренних форм ФЕ разработаны А.М.Мельникович (3); см. также (4,5).

ceļš uz ellī bruģēts (ar) labiem nodomiem
Mēdz teikt, ka ceļš uz dažām vietām bruģēts ar
labiem nodomiem.

(Lit. un Māksla, 14.7.1985)

В данных примерах мы имеем дело с перифразом компонента ФЕ, передающим смысл описательным путем.

Разграничение перифраза и других приемов окказионального преобразования ФЕ не представляет трудностей. Исключение составляют лишь случаи замены, характеризующиеся расширением компонентного состава. Внешне перифраз и данный вид замены сходны, так как они оба приводит к увеличению количества компонентов, однако семантически и стилистически это различные явления, различающиеся по типу изменения внутренней формы ФЕ в окказиональном функционировании. Перифраз компонента ФЕ (метафорический, метонимический, эвфемистический) отличается от замены (синонимической, антонимической, паронимической, тематической) по своей семантике. Правомерность выделения перифраза в самостоятельный прием окказионального использования ФЕ в речи зиждется на семантических различиях. Семантическая связь между значением окказионально преобразованной ФЕ и приемом, лежащим в основе этого преобразования, является закономерной.

Таким образом, функциональная повторяемость способа образования фразеологического значения при окказиональном использовании ФЕ позволяет говорить о семантической модели приема окказионального преобразования ФЕ в речи. Семантичес

кая моделируемость окказиональных изменений помогает уточнить границы отдельных приемов. Выявление сходства и различия семантической структуры ФЕ в приемах окказионального преобразования ФЕ в разных языках дает возможность глубже исследовать системные связи в сфере сопоставительной фразеологической стилистики.

Библиографический список

1. Кунин А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - М., 1964.
2. Шадрин Н.Л. Средства окказионального преобразования фразеологических единиц как система элементарных приемов // Лингвистические исследования. М., 1972. Ч. I; 1973. Ч. II
3. Мелерович А.М. К вопросу о типологии внутренних форм фразеологических единиц современного русского языка // Активные процессы в области русской фразеологии. - Иваново, 1980.
4. Кунин А.В. Внутренняя форма фразеологических единиц // Слово в грамматике и словаре. - М., 1984.
5. Леонтович О.А. Проблема внутренней формы фразеологических единиц (на материале глагольных фразеологизмов английского языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.

Гуртая В.А. / Рига/

ФОНЕМАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОДНОСЛОЖНЫХ СЛОВ ЛАТЫШСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКИМ

Дистрибуция фонем в слове - важная характеристика его фонетической структуры. Каждый язык имеет свои специфические законы и изучение отдельных типов сочетания фонем имеет большое значение при решении ряда проблем. При исследовании дистрибуции и форм сочетаемости фонем необходимо установить: какие фонемы сочетаются в данной позиции, а какие исключают друг друга, в какой последовательности эти фонемы следуют друг за другом в данной позиции и каково число членов тех сочетаний, которые допускаются в данной позиции¹. Справедливо указание Н.С.Трубецкого на то, что сочетания фонем в каждом языке подчиняется своим правилам. Следовательно, необходимо установить для каждого языка правила, которые ограничивают употребление фонем в данной позиции.

Вопросами сочетания фонем в английском языке занимались многие фонетисты [5]. Среди советских фонетистов много сделано в этой области Г.Н.Торсуевым.

В данной статье делается попытка определить функциональную нагрузку и дистрибутивно-комбинаторные возможности фонем в разных позициях односложного слова латышского литературно-

¹ Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960. С.252.

го языка в сопоставлении с английским. Этот вопрос на материале латышского языка изучен мало. Некоторые результаты сопоставительного анализа сочетаемости фонем латышского и английского языка даны в статьях М.П. Вецозоль [1, 2], М.Бреде [3] и В.Гуртаи [4].

В работах М.Бреде [6] и В.Гуртаи [7] были проанализированы латышские глухие шумные согласные и сонанты в начале, конце и середине слова в сопоставлении с английским языком.

Следовательно, многие вопросы статистики речи и фонематической структуры слов современного латышского языка остаются неизученными. В данной статье впервые на материале односложных слов латышского литературного языка проведен статистический анализ и установлена вероятность появления фонем в разных позициях односложного слова. Полученные результаты сопоставлены с данными английского языка, основанных на материале Б.Трики [8]. Фонемный состав латышского литературного языка определялся по словарю [9]. Из общего массива в 31039 слов были отобраны только односложные слова. Объем анализируемого материала составляет 1277 слов (5679 фонем): 1568 гласных /V/ и 4111 согласная /C/.

Согласно полученным данным, каждое односложное слово в лексическом коде латышского литературного языка в среднем содержит 3,2 согласных фонемы. Соотношение $N_V : N_C$, т.е. соотношение гласных /V/ и согласных /C/ соответственно равно 1,5:3,2.

В латышском литературном языке встречаются следующие

типы односложных слов: V, VV, VC, VVC, VCCC, VCCCC, VVCC, VVCCC, C, CC, CV, CVV, CVC, CVVC, CVCC, CCC, CCVC, CVCCC, CVVCC, CVCCCC, CCVV, CCVCC, CCVVCC, CCVCCC, CCVVC, CCVVCCC, CCVVCCCC, CCCVVC, CCCVCC, CCVCCCC, CCCVVCC, CCCVCCC, CCCVC, CCVCCCC - 35.

Следовательно, можно сказать, что в латышском языке возможны односложные слова, содержащие от одной до восьми фонем. Например: ai õ! trauksma . В качестве односложных слов, содержащих только одну фонему, в основном выступают междометия.

Двузвучные слова представлены четырьмя типами /VV/, /CC/, /VC/, /CV/ - ai!, brr! ak! nē ; трехзвучные слова - пятью типами /VVC/, /VCC/, /CVV/, /CVC/, /CCC/. Например: aut, akts, cui! dēt, cnt; четырехзвучные слова - шестью фонетическими типами /VCC/, /VVCC/, /CVVC/, /CVCC/, /CVVV/, /CCVC/, /CCVV/. Эти типы встречаются в следующих словах латышского языка: agrs, alkt, augt, gaut, rast, prāts, klau, šiau.

Пятизвучные слова представлены следующим фонетическим типом - /VCCCC/, /VVCCC/, /CVCCC/, /CCVCC/, /CCVVC/, /CCVC/. Эти типы отражены в словах: arkls, augsts, balsts, brūns, brieds, strids. Шестизвучные слова - шестью типами: /CVVCCC/, /CVCCCC/, /CCVVCC/, /CCVCCC/, /CCCVVC/, /CCCVCC/ в словах: biedrs, centrs, drāzt, drēgns, strauts, sprints. Семизвучные односложные слова латышского литературного языка представлены четырьмя фонетическими типами /CCVVCCC/, /CCCVCCC/, /CCVCCCC/, /CCCVVCC/ в словах -

drauzms, akaudz, vragats, vrektrs ; а восьмизвучные слова в одном фонетическом типе /CCVVCCSS/ в слове traukzms.

Таким образом, в латышском литературном языке кроме универсально допустимых сочетаний, "согласный + гласный" /CV/ могут быть также и другие модели. Слог может быть образован из одной гласной, гласной и согласной, может иметь от одной до трех начальных и от одного до четырех конечных согласных.

Статистический анализ слогов показал, что общая частотность закрытых слогов в лексическом коде латышского языка 1143, а частотность открытых слогов 36.

Анализ вышеупомянутых односложных фонетических типов дал возможность статистическим путем выявить функциональную нагрузку латышских гласных и согласных.

В современном латышском литературном языке 22 гласных (12 - монофонгов и 10 дифтонгов) и 26 согласных.

Анализ данного материала показал, что в лексическом коде в односложных словах участвуют 12 гласных фонем. Частотность гласных следующая: /ā/ - 360, /ā̄/ - 108, /ĕ/ - 306, /ĕ̄/ - 88, /u/ - 207, /ū/ - 46, /e/ - 191, /ē/ - 50, /ɛ/ - 24, /ɛ̄/ - 39, /o/ - 43, o /uo/ - 64.

Следует отметить, что в односложном слове в 250 случаях участвуют дифтонги: /je/ - 78, /au/ - 59, /uo/ - 47, /aĭ/ - 45, /eĭ/ - 18, /iu/ - 1, /uĭ/ - 1.

Итак, в лексическом коде латышского литературного языка по активности на первом месте идут гласные среднего и низкого подъема, на втором месте - гласные высокого подъема языка.

В современном латышском литературном языке 26 согласных фонем, все они участвуют в составе односложного слова. На основе частотных данных выяснилось следующее: высокой частотой употребления отличаются глухие шумные согласные: /s/ - 946, /t/ - 487, /k/ - 414, /c/ - 270, /p/ - 212, и т.д.

Функционально активными являются сонанты: /r/ - 423, /l/ - 306, /m/ - 156. Самую низкую функциональную нагрузку несут фонемы /ŋ/ - 4 и /dʒ/ - 2.

В начале слова встречаются все 26 согласных. Наибольшая нагрузка выявлена у глухого шумного заднеязычного /k/ - 71, далее следует сонант /m/ - 66, наименьшую функцию выполняет /dʒ/ - 2.

В анлауте из теоретически возможных двухфонемных сочетаний обнаружено 48 случаев. В них участвует 21 согласная. Самым продуктивным согласным, участвующим в двухфонемном начальном сочетании, является сонант /r/ - 11, далее следует /s/ - 9, /v/ - 9, /s/ - 8 и т.д. В качестве первого и второго элемента в комплексе согласных ($C_1 C_2$) т.е. в позициях C_1 и C_2 могут находиться 13 фонем. Первым элементом могут оказаться только глухие и звонкие шумные согласные /p/, /t/, /b/, /d/, /k/, /q/, /s/, /š/, /z/, /ž/, /tʃ/, /h/, /v/, а в качестве второго элемента в основном сонанты, в некоторых случаях глухие шумные /p/, /t/, /k/, /s/.

В начале слова обнаружены только следующие трехфонемные сочетания: /spr/ - 11, /stp/ - 8, /skp/ - 2, /skv/,

/sp/ - I. Они образованы присоединением двухфонемным сочетаниям /sp/, /st/, /sk/ сонантов /r/, /v/, /l/.

В конце односложного слова обнаружено 14 согласных.

Наибольшую функциональную нагрузку несет глухая шумная /c/ - 98, далее следует /t/ - 64, /s/ - 50, /š/ - 38, /r/, /k/ - 12, /p/, /h/, /z/ - 4, /l/ - 3, /č/, /m/, /n/ - 2, /f/ - 1. В ауслауте из теоретически возможных сочетаний фонем $-C_1C_2$ в лексическом коде (196; 14x14) фактически засвидетельствован всего 31 фонетический тип консонантных групп: $-fs, -fc, -hs, -kc, -kt, -ks, -rš, -kč, -ls, -lc, -lt, -lš, -ms, -mš, -nt, -nc, -ns, -nt, -nš, -ps, -pt, -pš, -rs, -rt, -rc, -rš, -rp, -st, -sc, -vs$.

Самым продуктивным сочетанием является /ks/ - 79, /kt/ - 75, /st/ - 74.

В роли первого элемента выступают 12 фонем, а в качестве второго - 6. Если в качестве первого элемента в целом преобладают преимущественно сонанты, то в роли второго элемента комплекса $(-C_1C_2)$ могут быть только глухие шумные согласные /s/, /t/, /c/, /š/, /p/, /č/.

В ауслауте односложного слова могут находиться и 54 трех фонемных сочетания. В них участвуют 18 согласных фонем. В качестве первого элемента $(-C_1)$ комплекса $(-C_1C_2C_3)$ выступают 16 согласных фонем, самой продуктивной из них является /l/ - 12, /r/ - 11, /p/ - 4, вторым элементом выступают 10 фонем, третьим только четыре фонемы: /s/ - 39, /t/ - 9, /c/ - 6, /š/ - 1.

В латышском односложном слове в ауслауте могут оказаться 12 четырехфонемных сочетания. Из 26 согласных фонем, только 13 участвуют в образовании этих комплексов. Самым продуктивным является глухая шумная /s/ - 11, /t/ - 5 и сонант /r/ - 6.

Анализируя дистрибуцию согласных в односложном слове латышского и английского языков в сопоставительном плане, выявляются следующие особенности:

1. В латышском односложном слове могут находиться от 1 до 8 фонем, в английском от 1 - 6.

2. В начале слова как в латышском, так и в английском языке могут оказаться три согласных фонемы, а в конце слова в латышском языке - от 1 - 4, в английском - от 1 - 3.

3. В латышском литературном языке имеются 35 типов односложных слов, в английском - 14. Совпадают следующие типы: V, VC, CV, SVC, VCC, CCV, CVCC, CCVC, CCCV, CCCC, CCVC, CCCC, CCCC. Следует отметить, что для латышского языка более характерен CVCC (218), а для английского CV (1346) фонетический тип. Менее частотные фонетические типы: для латышского языка - CVCVCC - 7, CVCVCC, CCV - 1, для английского - CVCVCC - 3.

Из вышесказанного вытекает, что в латышском языке наблюдается более высокая консонантная насыщенность в конце слова, нежели в английском односложном слове. Также наблюдается следующая закономерность для обоих языков: с возрастанием объема консонантного начала или конца слова сокращается

щается количество возможных согласных в каждой позиции.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в рамках данной статьи не предоставляется возможным охватить весь материал относящийся к данной теме, и ее выводы не претендуют на исчерпывающий ответ.

Библиографический список

1. Вецозол М.П. Типологическое исследование фонетической структуры слова в современном английском и латышском языках // Научно-методическая конф. ЛГУ. Вып. 25, 1965. С.26-28.
2. Вецозол М.П. Фонетическая структура слова в современном английском и латышском языках. Доклад на VI всемирном конгрессе по фонетическим знаниям в Праге, 1967. С.83-86.
3. Брете М.А. Просодическая природа сонантов латышского языка (в сопоставлении с английским) / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Рига, 1981.
4. Гуртая В.А. Просодическая природа глухого шумного консонантизма в современном латышском языке (в сопоставлении с английским), Рига, 1980.
5. Торсуев Г.П. Вопросы фонетической структуры слова. М.-Л., 1962. Строение слога и ал. фонны в английском языке. М., 1975.
6. Jones L.G. English Consonantal Distribution. For Roman Jakobson, Hague, 1956, P. 245-252.

7. Hultzen L.S. Consonant clusters // American Speech. V.40, N.4, 1965. P. 5-19.
8. Tinka B. Phonological Analysis of Present - Day Standard English // Studies in English. Vol. V, Prague, 1968.
9. Jakubaite I., Ozola N. u.c. Latviešu valodas biežuma vārdnīca. R., 1973., I.-3.sēj. 1001.lpp.
10. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960.

Нейланде М.А. /Рига/

ИНТОНАЦИОННЫЙ КОНТУР АНГЛИЙСКОГО И ЛАТЫШСКОГО
СЛЮЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИДАТОЧНЫМ
ДОПОЛНЕНИЕМ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

В последние годы наблюдается развитие новой отрасли интоноло́гии-фоностилистики, которая ставит своей целью изучение интонационных характеристик функциональных стилей языка. Уже Д.Джонс [4] пытался применить фоностилистический подход к изучению интонации английского языка. Однако, особенности конкретного стиля речи им не были разработаны. Фоностистика имеет междисциплинарный статус, и большая часть ее проблем носит все еще дискуссионный характер. Цель фоностилистики установить связь между лингвистическими и экстралингвистическими факторами при анализе стилистической дифференциации текста. По общему мнению английских фонетистов [1,3,5] зна-

чимость интонации в процессе коммуникации превосходит значимость корректного произношения. Общеизвестен тот факт, что интонация английского языка усваивается студентами гораздо хуже чем произношение. Отсюда лингводидактические задачи большинства работ по фоностилистике.

Некоторые теоретические и практические проблемы английской фоностилистики рассматриваются и советскими лингвистами [9]. Исследования в этой области проводились и на факультете иностранных языков Латвийского государственного университета имени П.Стучки, в частности, в дипломных работах студентов отделения английского языка и литературы [2, 7]. В этих работах были проанализованы особенности английской интонации разговорного и публицистического стилей. Анализ показал, что наиболее проблематичным является употребление интонации в сложно-подчиненных предложениях, и это вопреки тому, что чередование тонов в придаточных предложениях разного типа детально рассмотрены и описаны английскими [4, 5, 6] и советскими [8, 10] лингвистами.

Цель данной статьи проанализировать чередование тонов в сложно-подчиненных предложениях, состоящих из главного и дополнительного придаточного предложений в публицистическом стиле английского и латвийского языков. В обоих языках главные предложения являются неконечными синтагмами, в которых сказуемые передаются транзитивными глаголами, например:

A. I hope to demonstrate in detail that this state of affairs was of crucial importance for the subsequent growth of London as a city.

1. Es jau iepriekš rakstīju, ka šogad pirmo reizi šais
četrus gadus, kopš esmu komjauniste, redzēju tiešām aktīvu
un interesantu sapulci.

Это позволяет предположить, что смысловое завершение
транзитивных глаголов в главных предложениях требует употребле-
ния восходящего тона в конце синтагмы в обоих языках.

Анализ речи дикторов, записанных для лингафонного курса
"Advanced English Course" (London, 197) дает довольно четкую
картину чередования тонов в сложноподчиненных предложениях;
с последующим дополнительным придаточным предложением, кото-
рое чаще всего вводится союзом "that". Несмотря на то, что
главное предложение является в смысловом отношении незакон-
ченной синтагмой, после которой следует дополнительное при-
даточное предложение, в таких предложениях в 62% случаев пре-
обладает последовательность двух нисходящих тонов $\searrow \searrow$,
и только в 36% предложений наблюдается последовательность
восходящего и нисходящего тонов $\nearrow \searrow$. Это подтверждается
и слуховым восприятием речи дикторов английского радио.

Анализ аналогичных типов предложений в латышском языке
(материалом послужили публицистические статьи газеты "Па-
домь Яунатне") дает большее разнообразие тонов. В латышском
языке дополнительные придаточные предложения чаще всего вво-
дятся союзами "ka, vai, kārbo". Следует отметить, что
последовательность тонов в большей степени зависит от эмо-
ционального характера человека, чем от содержания речи. Так
в речи диктора А (преподавателя естествознания) преобладала

последовательность двух нисходящих тонов \surd/\surd . Эта последовательность наблюдалась в 62,5% предложений, как и в фономатериале английских дикторов. Последовательность восходящего тона в главном предложении, а нисходящего - в придаточном \surd/\surd зафиксирована в 35% предложений, и ровного и нисходящего тонов \sim/\surd в 2,5% случаев.

В речи диктора Б (филолога) в 47,5% случаев наблюдался плавный тон в главном предложении с последующем нисходящим тоном \sim/\surd в дополнительном придаточном предложении. Этот тип интонации чаще всего наблюдается как в разговорной речи латышей, так и в речи дикторов Латвийского радио.

Второй вариант последовательности восходящего и нисходящего тонов \surd/\surd зафиксирован в 35% предложений. Последовательность двух нисходящих тонов \surd/\surd , столь характерная для английского публицистического стиля, наблюдалась только в 17,5% предложений.

Обобщая вышеизложенные наблюдения, можно сформулировать следующие закономерности в различиях интонирования английских и латышских сложноподчиненных предложений: 1) для английского публицистического стиля, как и вообще для английской речи в целом, характерны более краткие чем в латышском языке синтагмы; 2) в английском языке главное предложение чаще отделяется паузой от последующего дополнительного придаточного предложения. В латышском языке в подобных случаях пауза часто отсутствует, интонация главного предложения плавно продолжается в придаточном предложении; 3) интонации английского публицисти-

ческого стиля присущи элементы эмпатической интонации, выраженные в большинстве случаев нисходящим тоном главного предложения. Подобная интонация встречается и в латышском языке, но это не является нормой языка; 4) для латышского публицистического стиля характерно отсутствие паузы между главным и дополнительными предложениями.

Библиографический список

1. O'Connor J.D., Arnold G.J. Intonation of Colloquial English. Riga, 1957. (reprint of Tartu ed.)
2. Chalpa M. Phonostylistic Intonation Patterns in English. Graduation Paper. Riga, 1986.
3. Gimson A.C. An Introduction to the Pronunciation of English. London, 1967.
4. Jones D. An Outline of English Phonetics. Cambridge, 1936.
5. Kingdon R. The Groundwork of English Intonation. London, 1958.
6. Kingdon R. English Intonation Practice. Longmans, 1960.
7. Romanchuk I. Sequence of Tones in Complex Sentences (Publicistic Style in the Lingaphone Advanced English Course). Graduation Paper. Riga, 1986.
8. Vassilyev V.A. English Phonetics. Leningrad, 1962.
9. Антипова А.М. Фоностилистика английского языка. М., 1985.
10. Антипова А.М. Интонация английского языка. М., 1973.

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОСЛОВИЦ
ФРАНЦУЗСКОГО И ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКОВ

Пословицы являются неотъемлемой частью языка любого народа, и хотя в наши дни и утратили былую историческую актуальность и частотность употребления [1, с.53-64], они продолжают оставаться важными языковыми средствами выражения. Употребляясь в речи для обобщения высказывания или мысли, пословицы представляют собой эффективное средство организации текста. Благодаря своей способности выражать в обобщенно-афористической форме житейскую мудрость или мораль, пословицы служат важным элементом эмоциональной речи. Уходя своими истоками в народную речь [2, с.131; 3], пословицы являются актуальной и важной формой выражения образа мышления того или иного народа, о чем свидетельствует и история французской паремологии [1]. В них отражены история, быт, культура и дух народа.

Все вышеуказанные факторы свидетельствуют об актуальности сопоставительных исследований в области паремологии. Подобный анализ способствует выявлению национального своеобразия пословиц, решению проблемы их генезиса, позволяет глубже проникнуть в механизм взаимодействия языка и мышления, проследить закономерности развития поэтической и философской мысли, этических и эстетических взглядов различных народов.

Вместе с тем, изучение пословиц в значительной мере сдерживается неопределенностью их статуса в языке. Некоторые исследователи не относят пословиц к фразеологии, ограничивая предмет ее исследования некоммункативными единицами языка. Другие же выводят пословицу из состава фразеологии, считая ее объектом фольклористики. Неправомерность исключения пословиц из фразеологического состава обоснована в работах А.Г. Назаряна [1,2], который включает их в состав фразеологии в качестве коммуникативных фразеологизмов.

Действительно, пословицы обладают всеми конститутивными признаками фразеологических единиц. Они выступают как единицы языка, могут не только включаться в речь как коммуникативная единица-предложение, но и быть частью предложения; генетически связаны с непословичными фразеологизмами. Формой семантического преобразования пословиц является ситуативное расширение их смысла [4, с.5-13], которое проявляется в том что пословичные выражения, приобретая обобщенный смысл, применяются не к конкретному лицу, событию или ситуации, а к классу однотипных ситуаций. В свете сказанного очевидно, что паремнология — объект изучения фразеологии и как таковая подлежит изучению в языке.

В настоящей статье впервые предлагается семантический и структурно-грамматический анализ пословиц французского и латышского языков, целью которого является выявление их общности и различия в плане выражения и содержания. Базируется он на материале выборки, составленной студентами от-

отделения французского языка и литературы С. Кумсаре и А. Вирсе - более 600 пословиц исследуемых языков.

Сопоставительный анализ материала позволяет выделить две основные группы пословиц: 1) пословичные выражения, характеризующиеся адекватностью своего значения и лексико-грамматической структуры (54%); 2) единицы, обладающие семантической общностью, но различающиеся по лексико-грамматической структуре (46%). Первая, наиболее многочисленная группа, подразделяется на две подгруппы: образования, полностью совпадающие по семантике и структуре. Ср.:

L'amour est aveugle.	Mīlestība ir akla.
Mains froides, coeur chaud.	Aukstas rokas, karsta sirds.
L'appétit vient en mangeant.	Apetīte rodas ēdot.
La fin justifie les moyens.	Mērķis attaisno līdzekļus.

В данном случае латышские пословицы представляют собой фразеологические кальки, где пословному переводу подвергаются все слова-компоненты оригинала при точном воспроизведении его лексико-грамматических особенностей. В эту группу калькированных элементов мы включили также образования, различающиеся в незначительной степени по лексико-грамматической структуре. Ср., например латышские пословицы *dāvinātām zirdēm zobus neskatās* - и фр. *à cheval double on ne regarde pas à la dent* (в латышском выражении "зуб" употреблен во множественном числе, а во французском - в единственном); *kas melo, tas zog* - и франц. *menteur - voleur* (во франц. языке, в отличие от латышского, пословица имеет эллиптическую форму выражения).

Вторая подгруппа - это пословичные выражения, которым свойственна семантическая общность и некоторые лексико-грамматические различия. Ср.: лат. *aiz kokiem perezdz meža* и франц. *arbres empêchent de voir la forêt* ("деревья мешают видеть лес"); *mitē medus*, *airdi ledus* от франц. *bouche de miel*, *coeur de fiel* ("медовый рот, желчное сердце").

Как явствует из анализа, обе рассмотренные подгруппы характеризуются тождеством образа, схожестью семантической структуры пословичных параллелей при полном или частичном совпадении своей лексико-грамматической структуры.

Сопоставительный анализ данного материала убеждает в том, что большинство пословиц латышского языка идентичны фразеологическим калькам или полукалькам. Это свидетельствует о том, что заимствования являются важным источником пополнения фразеологического запаса латышского языка. Данный факт подводит к следующим предположениям. С одной стороны, подобные параллельные фразеологизмы могут оказаться заимствованными интернационализмами. Среди них могут встретиться и такие пословицы, которые возникли из одного общего источника. Они могли образоваться независимо друг от друга. Возникнув в аналогичных социально-исторических условиях, они отобразили сходство мыслей и понятий разных народов, тогда как различия отражают грамматические особенности каждого языка, или же специфические условия исторического развития народа, его своеобразия. Однако для категорического заключения необходимы данные истории французской и латышской перемиологии и более обширный круг сравниваемых языков.

Библиографический список

1. Назарян А.Г. История развития французской фразеологии. М., 1981.
2. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. М., 1987.
3. Кокаре К. Latviešu un lietuviešu sakāmvārdi paralēles. R., 1980.
4. Гак В.Г. Фразеологические единицы в свете асимметрии языкового знака // Труды Самарк. гос. ун-та им. А.Навои. Новая серия. Вып. 277. Вопросы фразеологии. VII. Самарканд, 1976.

Павидис С.Д. /Рига/

СПЕЦИФИКА БАЛТИЙСКОЙ И ГЕРМАНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
БЛИЖАЙШЕГО КРОВНОГО РОДСТВА

Терминология ближайшего кровного родства в балтийских и германских языках относится к тому древнейшему слою лексики, который обе эти семьи языков унаследовали от общиндоевропейского состояния. Как правило, и балтийские, и германские лексемы имеют надежные параллели в других индоевропейских языках и восходят к одним корням. Т.В.Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов распределили термины ближайшего кровного родства следующим образом: названия отца и матери они отнесли к терминам

поколения родителей -I, названия сына и дочери они отнесли к терминам кровного родства поколения +I, а названия брата и сестры - к терминам кровного родства нулевого поколения [I, с.765-766].

Следует отметить, что германская терминология родства изучена достаточно полно и хорошо. К сожалению, этого нельзя сказать о балтийских языках, хотя данные балтийских языков активно представлены во всех основных словарях различных индоевропейских языков. Поэтому мы не будем в данной работе подробно останавливаться на анализе германского материала, ограничившись лишь беглым обзором, а основное внимание постараемся направить на сравнение балтийской и германской систем ближайшего кровного родства, а также на выявление специфических особенностей балтийской терминологии ближайшего кровного родства по сравнению с германской.

На основе анализа германских терминов ближайшего кровного родства *brōþer "брат", *duxter "дочь", *fader "отец", *attan "отец", *mōder "мать", *swester "сестра" и *sunuz "сын" [3, с.152-156] можно сделать следующий вывод: германские термины ближайшего кровного родства продолжают индоевропейскую традицию; в формальном отношении они образуют замкнутую семантическую группу, члены которой объединены показателем -i- (кроме названия сына) и составляют особый класс склонения [6, с.275].

В балтийских языках складывается такая картина:

	отец	мать	сын	дочь	брат	сестра
др.-пр.	tawa	mūti, mote	soīns	duckti	brati	awestro
лит.	tėvas	motina	sūnūs	duktė	brōlis	sesuō
лтш.	tėvs	māte	dēis	meita	brālis	māsa

Я.Эндзелин отмечает, что суффикс -г-, характерный для терминов родства в индоевропейских языках, в балтийских языках не был продуктивным [9, с.483]. Поэтому термины ближайшего кровного родства в балтийских языках не относятся к одному общему типу склонения на -г-, как это имеет место в германских языках.

Термины ближайшего кровного родства в балтийских языках распределяются по склонениям следующим образом: лит. tėvas и лтш. tėvs "отец" относятся к и.-е. о-основам, лит. brōlis и лтш. brālis "брат" к іо-основам, лтш. māsa "сестра" и meita "дочь" - к ā-основам, лтш. māte "мать" - к ē-основам, лит. sesuō "сестра", dukte "дочь" и motina "мать" - к і-основам, а лит. sūnūs "сын" - к и-основам [9, с.502-506]. Относительно распределения древнепрусских слов по основам сведений нет [9, с.483].

В плане семантики необходимо отметить особенность, свойственную названиям родства во всех языках, а именно: однозначность. "Это объясняется тем, что существительные - названия лиц, родственников, являются своего рода терминами - однозначными словами с конкретным значением" [4, с.106]. И еще одну особенность, присущую также и балтийским языкам, и касающуюся терминов родства отмечает В.П.Конецкая - от-

отсутствие синонимов [4, с.106], хотя и здесь есть исключение - наличие двух терминов в германских языках для обозначения отца: *fader и *attan [3, с.153,157].

Система названий в латышском языке выделяется среди систем других балтийских языков тем, что из шести основных терминов три не имеют соответствий ни в других балтийских языках, ни в германских, ср.: лтш. māva "сестра", восходящее к и.-е. названию матери, dēls "сын", восходящее к и.-е. *dhē-, и meita "дочь", заимствованное из средневерхненемецкого языка. Название отца отличает все балтийские языки от остальных и.-е. языков, в том числе и германских. О.Н.Трубачев полагает, что лит. tėvas, др.-пр. tawa, towis, лтш. tėva "отец", являющиеся, видимо, продуктом разложения группы te-t- с последующим присоединением суффикса -va-, и лит. tētis "отец", лтш. tētis "отец, папа" нет оснований разрывать и отрывать от и.-е. варианта, представленного в том числе и в германских языках, *attan [8, с.23].

Индоевропейское название брата реконструируется скорее всего как классификационный термин, обозначающий не собственно "родного брата Ego", а мужчину, "члена большой семьи", принадлежащего к одному поколению с Ego [1, с.764]. Название брата в балтийских языках также восходит к глубокой индоевропейской древности, однако морфологическая и словообразовательная структура этого термина ближайшего кровного родства отличается от и.-е. архетипа *bhrátēr. Считается, что в балтийских языках представлены более поздние образова-

ния от и.-е. [†] bhrātēr : лит. brōlis , лтш. brālis , др.-пр. brati . Все же следы г-основы видны еще в лтш. уменьшительном brātarišis , лит. broterėlis 8, с.59 . О.Н.Трубачев считает, что лит. brōlis "брат" первоначально было словом с уменьшительным значением, как итал. fratello "брат" [8, с.59]. Подобного же мнения придерживался и Э.Френкель: лит. brōlis получилось в результате стяжения broterėlis [II, с. I-48]. Данные словаря В.Даля, на наш взгляд, подкрепляют эту версию, ср.: брателко, брателок, брателко. Таким образом в балтийских и германских языках название брата восходит к и.-е. архетипу [†] bhrātēr , а в балтийских языках функционирует производное, не исконное слово с основой на -г-, как это имеет место в германских языках.

Относительно названия сестры в последнее время утвердилось мнение, что сестра - "любая женщина - кровная родственница, принадлежащая поколению Ego , "член большой семьи". В этом смысле термин "сестра" тоже является классификационным, как и термин "брат". Такой подход покоится на признании факта, что "женщина в древнем индоевропейском обществе оставалась "своей", "членом большей семьи" до вступления ее в брак, в результате чего она переходила в другую семью и образовывала новые отношения "свойства" уже вне семьи своих родителей" [I, с.765].

Среди балтийских названий сестры нет единства. Лит. [†] sesuo продолжает и.-е. г-основы и является производным от и.-е. [†] swesōr . В др.-пр. swastro исследователи предполага-

от немецкое заимствование. А лит. *māša*, по мнению Э.Френкеля, входит в один ряд с лит. *moša* "золовка, сестра мужа", др.-пр. *moazo* (зв.падеж) "тетя" из более древнего "сестра матери" и соотносится с уменьшительным производным от и.-е. *mater* "мать" [II, с.770].

В германских языках, как уже отмечалось, представлены производные от и.-е. **sweuog*, однако с характерной группой согласных: и.-е. *-er* - герм. *-str-*. Это фонетическое явление сближает германские языки со славянскими, ср.: дрн. *sweater*, др.-сакс. *sweatar*, др.-англ. *sweoster*, *swuostor*, др.-сев. *suater*, дат. *søster*, шв. *syster*, гот. *swistar*, с одной стороны, и р. сестра, чешск. *sestra*, польск. *siostra*, с другой стороны [5, с.282].

Индоевропейское название дочери восходит к и.-е. **dhughetér* и оно "широко распространено в и.-е. языках и всюду в точности соответствует облинооевропейской форме" [8, с.50].

Большой интерес вызвала публикация М.Рудзите о том, что в местечке Бауни у озера Буртниеку в лексике местных рыбаков обнаружена лексема *dukte* в значении "деталь лодки" [16, с.105]. М.Рудзите предположила, что лексема *dukte* может свидетельствовать о том, что некогда она употреблялась в латышском языке в значении "дочь", т.к. известна деталь лодки, которую называют *māte*, т.е. используют термин родства [16, с.105]. Однако В.Кипарский, нисколько не сомневаясь, что и в латышском языке некогда функционировала лексема

* dukte "дочь", склонен видеть в dukte "деталь лодки" фонетический вариант к tukte, tukta, tukts с тем же значением [12, с.93]. Впрочем, М.Рудзите и сама не отвергает такого объяснения [16, с.105]. В таком случае, по мнению В.Кипарского, лит. dukte "деталь лодки" вместе с tukte, tukta, tukts и лит. tuktá, túktas "деревянный дверной крюк" [17, с.731] легко объясняются как заимствования из снп. duchten "деталь лодки", засвидетельствованного уже в 1570 г. Доказательством более ранней утери лит. dukte "дочь" В.Кипарский считает тот факт, что уже в 1419 г. лексема meita "дочь" зафиксирована в языке балтийских немцев, которая была заимствована из латышского языка, и, таким образом, является примером обратного заимствования [13, с.97-98]. Однако В.Н.Топоров не торопится подводить итоги данной дискуссии, считая, что решение В.Кипарского может оказаться неокончательным [7, с.387].

Таким образом, сравнив балтийские и германские термины ближайшего кровного родства, можно сделать следующие выводы: 1) хотя балтийские и германские термины ближайшего кровного родства восходят к и.-е. системе и являются ее продолжением, все же существуют некоторые различия между балтийской и германской системами; 2) эти различия проявляются на всех языковых уровнях; а) на фонетическом: и.-е. - *atr* - герм. - *atr* - в названии сестры, при сохранении балтийскими языками (только литовским) и.-е. - *atr* -; б) на морфологическом уровне: разные суффиксы в оформлении термина "брат" (герм.

-г -, балт. - 1-) и принадлежность к разным типам склонения всех терминов ближайшего кровного родства (в герм. языках - склонение на -z -, а в балтийских - разные типы склонений); в) на семантическом уровне: лтш. māsa "сестра" и этимологически родственное герм. mōter "тетя", первоначально значившее "сестра матери"; 3) некоторые названия ближайшего кровного родства в германских и балтийских языках передаются разными лексемами, хотя этимологическая близость не исключается (балт. tėvas, tėvėsa, герм. *fader (*attan)); 4) система латышских названий ближайшего кровного родства существенно отличается от подобных систем в других балтийских языках тем, что она сохранила лишь три из основных шести терминов ("отец", "мать", "брат"), а названия "дочь", "сестра" и "сын" отражают различные процессы в истории становления и развития латышской терминологии ближайшего кровного родства.

Библиографический список

1. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т.1.
3. Зализняк А.А. Материалы для изучения морфологической структуры древнегерманских существительных // Этимология. М., 1967.
4. Конецкая В.П. Супплетивизм в германских языках. - М., 1973.

5. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959.
6. Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954.
7. Топоров В.Н. Прусский язык: Словарь А-Д. М., 1975.
8. Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых терминов общественного строя. М., 1959.
9. Endzelins J. Baltu valodu skaņas un formas. - Darbu izlase. R., 1982. IV.sēj. 2.d.
10. Endzelins J. Selprāšu valoda. R., 1982. IV sēj. 2.d.
11. Fraenkel B. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg/Göttingen, 1952.
12. Kiparskis V. Par latviešu vārdu dukte "laivas detaļa". - Baltistica, IV (1). Vilnius, 1968.
13. Kiparsky V. Fremdes im Baltendeutsch. Helsinki, 1963.
14. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 20.Aufl., 1967.
15. Müllenbach K., Endzelin J. Lettisch-deutsches Wörterbuch. Riga, 1923-1932.
16. Rudzite M. Vai dukte būtu atradusies arī latviešu valodā? - Baltistica, III (1). Vilnius, 1967.
17. Senn A., Salys A. Wörterbuch der litauischen Schriftsprache. Heidelberg, 1968.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ НЕМЕЦКОГО И ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКОВ

Каждый язык, в том числе немецкий и латышский языки, обладают своими особенностями структурной организации языковых единиц, что становится очевидным при сопоставлении обоих языков на уровнях словосочетания, предложения и текста/фрагмента текста. Следует отметить и тесную связь системных и структурных особенностей, учет которых необходим при сопоставительном анализе. Следовательно, сопоставление немецкого языка, относящегося к германской языковой группе, и латышского языка, принадлежащего к балтийским языкам, можно вести, исходя из системных совпадений и несовпадений: например, сопоставляя немецкий "пассив" с его соответствиями в латышском языке.

Развитие лингвистики текста, исследование языковых образований, больших чем предложение, помогло расширить поле исследования не только самого структурализма, который обратился к семантике и семантическим исследованиям, но и, думается, повлияло на сопоставительное языкознание. Если высшим языковым уровнем постулируется текст, то сопоставление может идти не только, как прежде, т.е. как отдельное явление языка, но и путем сопоставления текстов или фрагментов текстов. Такого рода сопоставление дает большие возможности раскрытия

всех релевантных системных несовпадений/совпадений и особенностей структурной организации каждого отдельного языка по отношению друг к другу. Более того, такого рода сопоставление помогает выявить узловые моменты, предопределяющие то или иное несовпадение в обоих языках. В таком отношении сопоставительный анализ не может быть чисто "текстолингвистическим", т.е. ограничиваться только исследованием грамматики и структуры текста. Здесь предполагается обращение ко всем языковым уровням, поскольку причиной того или иного несовпадения может стать любая языковая единица.

Методы и приемы сопоставления могут быть самые различные - от лингвистического наблюдения, структурных исследований до приемов прикладной лингвистики. В этом смысле трудность представляет сопоставление языков, лингвистическое описание которых велось в рамках только одной традиции: например, в латышском языке отсутствуют структурные исследования. Это - отнюдь не предложение отказаться от установленной традиции лингвистического описания латышского языка, но без более многостороннего исследования каждого отдельного языка, как показал опыт, сопоставление языков довольно затруднительно.

Проблема отбора языкового материала для сопоставления, на первый взгляд, решается довольно субъективно. Для сопоставительного анализа могут использоваться оригинальные тексты и их переводы на другой сопоставительный язык. Для отбора важным критерием может послужить общность смысла

сопоставляемых текстов, так как, согласно С.Д.Кацнельсону, сам процесс порождения речи рассматривается как процесс порождения не только текстов, но и смыслов. Следовательно, смысловая однозначность текстов (перевода и оригинала) является не только критерием отбора, но и исходной точкой самого сопоставления. Сопоставление структурной и коммуникативно-смысловой организации предложений немецкого и латышского языков по модели "смысл $\leftarrow \rightleftharpoons$ текст" выявило основные различия обоих языков. Анализ показал, что основные различия в обоих языках возникают на уровне поверхностно-синтаксической структуры, а не на уровне глубоко-синтаксической структуры, представленной набором пропозиций. Как известно, образование поверхностно-синтаксической структуры связано со свертыванием предикаций, т.е. с процессом иерархизации пропозиций. Основными факторами, влияющими на различие поверхностной структуры предложений обоих языков, оказались: 1) несовпадение в лексическом строе обоих языков; 2) различия в лексико-семантической сочетаемости слов и словосложении; 3) несоответствия в порядке следования составных словосочетаний и линейном порядке следования элементов предложения; 4) в синтаксической структуре словосочетаний и предложений.

Вышеназванные несовпадения в обоих языках приводят к общему выводу о большей тенденции к номинализации в немецком языке по сравнению с латышским и о большей тенденции к вербальности латышского языка по сравнению с немецким. Это подтвердил как лингвистический анализ, так и дополнительная про-

верка на синтаксическую сложность. Так степень гнездования, т.е. синтаксическая сложность словосочетаний и предложений немецкого языка выше, чем латышского языка. Различия в организации предложений, линейной последовательности его элементов зависят не только от вышеназванных особенностей обоих языков, но и от коммуникативно-смысловых факторов, которые находятся в зависимости от контекстного окружения, т.е. текста. Как показал анализ, доминантным явлением в этом аспекте является актуальное членение, которое действует как на уровне предложений, так и на уровне текста. "Тематическая прогрессия" является конструктивным стержнем текста и при смысловой однозначности различных текстов как на одном языке, так и в переводе на другой язык, должна сохраниться. Расхождение наблюдается лишь в расположении тематических и рематических элементов, причиной которого являются выше-указанные исследования в сопоставляемых языках.

В немецком языке глутинирующим элементом (первым словом каждого второго предложения), чаще чем в латышском языке, является тематический элемент. В латышском языке глутинирующую функцию выполняют чаще всего рематические обстоятельства времени и места.

Схематически коммуникативную структуру немецкого языка можно представить следующим образом:

Глутинирующий элемент = T — R, а латышского языка — глутинирующий элемент = R — T — R.

Подобного рода анализ, конечно, не исчерпывает все

тонкости и нюансы сопоставляемых языков, но приобретенный опыт может послужить основой для более детальных сопоставлений обоих языков.

Пужулис В.Г. /Рига/

ГЕРМАНО-БАЛТИЙСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ
(на материале топоапеллятивов)

Германо-балтийские лексические параллели представляют собой словарные сходения германских и балтийских языков, которые возникли в результате или общего развития этих языков, или тесных контактов германоязычных и балтоязычных племен.

В данной статье рассматриваются лексические параллели, которые образуют топоапеллятивы, обозначающие естественный рельеф местности. Интерес к данной лексической группе обусловлен прежде всего ее архаичностью. Обозначения естественного рельефа - гора, лес, река, болото - окружали человека с незапамятных времен и закономерно, что тогда же возникла необходимость дать им наименования. Кроме того, исследования топоапеллятивов в диахроническом аспекте позволяют получить информацию об историко-географических условиях жизни носителей данных языков в рассматриваемый период. Изучение древней географической терминологии касается вопроса о членении ин-

доевропейской языковой общности, об отношении германских языков к балтийским и славянским. Существуют две точки зрения. Согласно одной, германские языки объединяются в одну группу с балтийскими и славянскими. Эту гипотезу, выдвинутую Я.Гриммом, поддерживали А.Шлейхер, Г.Курциус, Э.Френкель, В.Георгиев. В то же время такие ученые как Ф.Бопп, А.Потт, А.Кун, А.Мейе, Г.Хирт возражали против сближения германских языков с балтийскими и славянскими, высказывая мнение, что германские языки находятся ближе к итальянским и кельтским.

Если предположить существование тесных древних контактов между балтославянскими и германскими племенами, то данные контакты должны были отразиться на формировании топоапеллятивов. Но изучение древнегерманских топоапеллятивов показывает, что только некоторые германские обозначения рельефа имеют генетические соответствия в балтийском языковом ареале.

Наибольшее количество соответствий представлено в группе обозначений возвышенного рельефа. Обозначение холма, возвышенности, восходящее к индоевропейскому корню *ie. *k₁l-* *kolp* -, представлено в германском, балтийском, славянском и итальянском. Однако германские формы г. **hullī* - (да. *hull* "холм", сип. *hul* "холм, возвышенность") указывают на нулевую огласовку индоевропейского корня *ie. *k₁l-*, к которой, вероятно, восходит также итальянское обозначение лат. *collis* "холм, возвышенность" [I, с.163]. Балтийские формы лит.

kálpas "гора", лит. kalpa "гора" отражают индоевропейский корень в огласовке на -o- ие. *kolp-, который отражен также в праславянском диалектизме *kolpъсь, представленном только в южнославянских диалектах с.-хорв. klápas , klápas , klápas , словен. klápas "ущелье, узкий, тесный проход между горами" [2, с.49].

Обозначение возвышенного рельефа, восходящее к корню ие. *keu -: kou -: ku - "гнуть, изогнутое, выпуклое" с распространением на -k- ие. *kouko-, представлено в германском г *hauga - (ди. haugr , свн. hauc , hauges), в балтийском лит. káukuras "холм, бугор", лит. kukurs "пригорок, кочка" и славянском с.-хорв. kukulj "высокое плато" [3]. По мнению Л.В.Куркиной, германский объединяет с балтийским и славянским то, что в них произошел общий семантический сдвиг "кряк, изгиб" → "бугор, холм" [2, с.46]. Однако наличие в германском производного от ие. *kouk - со значением "высокий" г. *haugha - (гот. haups , др. heah , днн. hъh) позволяет предположить, что в германском обозначение холма г. *hauga - связано с признаком высоты, что подтверждается скандинавскими формами норв. høg , шв. hög , дат. høg "высокий", которые продолжают ту же германскую форму, что и обозначение холма г. *hauga -.

От ие. *klei -: kli - "наклоняться" в индоевропейских языках было образовано ряд обозначений рельефа (лат. clivus "склон", др. hlaw). Образование на -t - от корня в нормальной огласовке сближает германский ареал г. *hlida- (ди.

hlīf , днв. hlīta "склон горы, косогор") с балтийским лит. *šlaitas* "склон горы, косогор" и греческим гр. *κλίστρος* "склон" [4, с.169]. Сюда относятся и кельтские формы: ирл. *slé* , кимр. *slêth* "левый". Возможность изменения значения подтверждается гот. *hleiduna* "левый", которое образовано от основы г. + hlīda- "косой, наклонный".

Г. + hama га - (ди. *hamag* "камень, жезл; молот", др. *hamog* , днв. *hammer* "молоток" - "каменный молоток"), а также формы с исходом на -1 - свн. *hamel* "крутая возвышенность, холм", ди. *hamel* - *grūt* "каменистая почва", как и слав. + kame н- (слав. *камь*) отражают вариант с начальным к-, в то время в большинстве языков представлен вариант с начальным ак'-: динл. *arman* "камень, скала, небо", ав. *azman* "камень, небо", гр. *κρῖον* "каменная наковальня", в том числе и в балтийских лит. *akmuš* , лтш. *akmeņa* "острие; лезвие, клинок", лит. *akmuš* , лтш. *akmeņa* "камень" [6].

В двух случаях древнегерманским топоапеллятивам в балтийском соответствуют лексемы с другим значением. Г. + hliu ди- (днв. *hpol* "круглая возвышенность", др. *hpol* "темя, вершунка, вершина") [7] соответствует лтш. *kpeve* "дубинка, толстая палка" (-1 - в германских формах можно рассматривать как деминутивный суффикс). Несмотря на то, что германские этимологические словари не приводят в качестве соответствия латинское слово, в словаре К. Моленбаха и Я. Эндзеллина указывалось на возможное общее происхождение данных форм [8]. То, что большинство германистов не обратило внимание на данное германо-

балтийское соответствие, можно понять, так как долгое время основной формой в Германском ареале считалась форма с начальным к- (ди. knollr "вершина горы", да. spoll "вершина горы, холм, бугор", снн. epol "холмик, возвышение земли"), в то время как формы с начальным h- рассматривались как фонетические варианты форм с к-. И только Г.Кун, исследуя топонимику Северной Германии и Нидерландов, показал, что формы с начальным к- были заимствованы германцами из джгерманского диалекта, где не произошло передвигание согласных, а исконно германскими являются формы с начальным h- [9, с.38].

Г. ⁺ dranga - (ди. drangr "камень, торчащий из земли", норв. drange "скала, выступающая из воды") является отглагольными производными, как и балтийские и славянские формы (лит. dranga "толстая вервь", слав. ⁺ drng / drnga, ослав. дрѣгѣ "кол, палица" [5, с.112]. Но если в балтийском и славянском производные имена имеют соотносительные глаголы, от которых они, вероятно, образованы (лит. dréngti "рвать, толкать, драть", словен. dregati "толкать, сжать"), то в германском такого глагола нет. В глаголе н. dringen "проникать, пронзать", который иногда приводится в качестве производящей основы [4, с.11], начальное d- продолжает не германское d-, а evidently результатом изменения ð → d, т.е. г. ⁺ ðrinh-: ðring- (двн. thringan "теснить, напирать", да. dringan "давить, жать").

Полностью отсутствуют соответствия между германскими и

балтийскими в группе обозначений нулевого и отрицательного рельефа суши. Эти группы в древнегерманском малочисленны (5 и 4 лексем соответственно против 22 лексем для обозначения положительного рельефа).

Таким образом, германо-балтийские соответствия позволяют сделать вывод, что формирование топоэпеллятивов в каждом из ареалов происходило после выделения их из индоевропейской общности независимо друг от друга.

Библиографический список

1. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern-München, 1959, S.544. Vries J. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1962, S.248.
2. Куркина Л.В. Название горного рельефа (на материале славянских языков) // Этимология 1977. М., 1977. С.48.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964-1973. Т.3. С.404.
4. Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964.
5. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache/ Bearb. von W.Mitzka. Berlin, 1967.
6. Fraenkel J. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, Göttingen, 1955-1965. S.5.
7. The Oxford Dictionary of English Etymology/ Ed. by G.F. Onions. Oxford, 1969.
8. Milenbaha K. Latviešu valodas vārdnīca/ Red., papild., turp. J.Endzelīns. 2. sēj. R., 1925-1927.
9. Kuhn H. Vor- und frühgermanische Ortsnamen in Norddeutschland und den Niederlanden // Westfälische Forschungen. 1959, Bd.12.

Румнище И.Я. /Рига/

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА ГРЕЧЕСКОГО ЭПИТЕТА-КОМПОЗИТА

«Эпитет — одна из центральных категорий в системе поэтического языка и стиля [1, с. 73]. Сложный эпитет (композит), т.е. сложное прилагательное (или существительное), состоящее из двух семантически значимых лексических единиц, относится теорией поэтики к особому классу эпитетов [2, с. 205], поскольку представляет собой древний этап развития системы поэтических средств в литературе.

Античная литературная традиция разграничивала эпитеты, уместные в прозе, и эпитеты, преимущественно используемые в поэзии. Сложный эпитет признавался основным и характерным элементом поэтического языка, причем на ранней стадии развития литературного языка он имел преимущественно оценочно-указательную функцию. В качестве примера могут служить большинство композитов из гомеровских поэм. Постоянство их связи с определенным денотатом и частое употребление в эпосе таких сочетаний предоставили этим эпитетам статус традиционных и в переводах: «быстроногий» Ахиллес («Илиада» XXIV, 559), «громоверкец» Зевс («Одиссея» IX, 277), «звонкорокочущая» лира («Илиада» XVIII, 569) [3].

В жанре, сменившем в процессе развития древнегреческой литературы эпос — в лирике — происходят серьезные изменения семантико-стилистического значения сложных эпитетов. Композит все чаще становится веским выразителем собственно авторской

мысли, более глубокого видения и понимания того или иного явления, понятия, вещи [4].

Эпитетики Пиндара - признанного классика греческой хоровой лирики - изобилуют композитами, представляя тем самым интересный материал для их исследования. При этом существенно, что эти эпитеты образуют в творчестве Пиндара особую поэтико-стилистическую систему, в которой функционирование отдельных лексико-семантических групп композитов обусловлено общей стилистической направленностью пиндаровской поэзии. В силу этого точная передача при переводе этих "сгустков" мысли и идеи является одним из неперенных условий создания и сохранения "атмосферы" пиндаровского стиля.

Пиндаровские композиты употреблены автором в большинстве случаев в оригинальных сочетаниях, определяющих смысловой образ строки и целого стихотворного фрагмента. Поэтому в таких сочетаниях семантико-стилистической значимость в одинаковой степени обладает как первая (ПС), так и вторая составная часть (ВС) эпитета-композиата. Это чрезвычайно существенно в процессе перевода.

Даже эпитеты, сохраняющие статус традиционных, в пиндаровском контексте требуют нового осмысления связи обоих компонентов в слове и соотношения с девоатом. Таковы, например, широко употребляемые поэтом эпитеты, в основе ВС которых субстантив "сила, мощь" / $\beta\acute{\omega}\lambda\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ /: "широко-сильная доблесть" / $\epsilon\upsilon\rho\omega\beta\acute{\iota}\nu\eta\varsigma$ $\lambda\eta\tau\acute{\alpha}$, О. IV, 10 / 1, "велико-мощное

I Сокращенные названия эпитетиков: О - Олимпийские, П - Пифийские, Н - Немейские, И - Истмийские. Римская цифра указывает эпитетик, арабская - строчку

золото" / *μεγαλοβειήης χρυσοῦς*, И.У,2/, По сути, все они указывает на качество некоей огромной силы - "весьма мощный" или "сильнейший". Казалось бы, в переводе достаточно выразить основную смысловую нагрузку второго компонента, однако, эта "конкретизация" распространения силы всякий раз находится в тесной связи с объектом эпитета. Так, сила доблести распространяется именно "вширь", поскольку Пиндар имеет ввиду атлетическую¹ доблесть, о которой узнает и которой восхищается вся Греция. Золото - как показатель богатства - в русле аристократического мировоззрения Пиндара непременно обладает "великой" (ПС от *μέγας* - "большой") силой. Таким образом, эта "градация" силы исходит из авторского видения и оценки этих понятий и их места в жизни человека. И, если эпический герой или бог может быть (без ущерба для понимания конкретной контекстной ситуации) наделенным либо эпитетом "широко-мощный", либо "велико-сильный", то в текстах Пиндара эта пространственная распространенность любого качества играет стилистическую роль: не только создает атмосферу величия, но и конкретизирует долю этого величия в разных сферах жизни. Так что точность в переводе ПС композита весьма существенна.

В смысловом отношении более емкими являются пиндаровские сложные эпитеты, компоненты которых образуют группу "объект + предикат". Вместе с денотатом такой композит создает наглядный образ представляемого поэтом понятия. Вот, три

¹ Об этом комплексе качеств выдающегося атлета см. 5

редких эпитета, ВС которых содержит вербальный элемент - *τροφος* - от глагола *τρέφειν* - "кормить, взращивать, воспитывать". Глагольный элемент, на первый взгляд, один и тот же. И все же его конкретные нюансы высвечиваются лишь в семантическом окружении ПС и денотата: "развивающая народы Честь" / *Μοτροφος Τιμη*, О.УІ, 59/, "Надежда, питающая старость (в старости)" / *γυτροφος Ἐλπις*, фрагм. 214/, а восстание, междоусобицы / *στασεις* / Пиндар назвал "враждебной воспитательницей-молодежи" / *ἐχθρη κοτροφος*, О.ХП, 16/.

Задача перевода в подобных случаях - чутко реагировать на эти вариации в сложении ПС и ВС в композитах.

Порой близкими по смыслу представляются не только два композита, но и вообще целые сочетания "эпитет + денотат". Анализ функциональной значимости сложного эпитета тут требует еще большей проницательности, а его результаты - отражения в чутком переводе. Например, композит с общей ПС *βιβ* - (приставка, отрицающая положительный смысл слова или усиливающая отрицательный). Пиндар говорит о "трудновыносимых" или "невыносимых" заботах, тревогах / *βιβφορια μερυνικη*, фрагм. 248 - ВС отглагольная: *φέρειν* - "нести, переносить". Но вонючие "недоумения" или "затруднительные положения" определяются поэтом именно как "трудно(не-) проходимые" / *βιβρατοι ζυχαυικη*, Н.УП, 97 - ВС от *βαινειν* - "идти, ступать". Налицо тонкое разграничение и наблюдательность автора: тревогу, которая в душе, трудно снести, а сложные обстоятельства, окружающие человека, трудно преодолеть, преступить. И сно-

ва это не идентичность сочетаний, а лишь близость, призывающая к особой внимательности перевода.

Соотнесения с широким контекстом авторской психологической пронизательности требуют переводы сочетаний с одним и тем же денотатом, но различными сложными эпитетами. "Много-советное мнение" / πολυβουλος γνώμη , И. IV, 72/ имеет искусный колесничий, умело управляющий победоносными конями, однако людские мнения, суждения в другом месте названы "многоповоротливыми" / πολυτροπος γνώμη , фрагм. 214/. Много добрых советов, но много и неустойчивости, хитрости в мыслях людей - эти противоположности, соединяясь, создают единую грань авторского понимания характера человека.

Сложные слова - своеобразный пласт поэтического языка. Благодаря своей композитной структуре (ПС + ВС) они способны выразить и показать самые различные смысловые отношения - в зависимости от сочетания элементов (прилагательное + существительное; прилагательное + глагол; глагол + существительное и др.). В этом их ценность, но в этом состоит и основная трудность их восприятия и перевода. Что же касается пиндаровских композитов, то показательное разнообразие их языковых моделей. Видимо, поэт сложными эпитетами особо дорожил, это - особенность авторского языка, которую всеми средствами следует сохранить при переводе. Упустив значение той или иной составной части эпитета, не уловив ее связи с поэтическим микроконтекстом, а порой - и с мировоззренческим макроконтекстом, мы теряем неповторимость громоздкого, но и динамичного стиля од.

И сложность передачи композитивов на русский язык или на латышский заключается уже в том факте, что этим языкам практически не свойственна подобная модель словосложения. Во всяком случае — отсутствуют адекватные композитивные модели для более самобытных греческих композитов (например, с вербальной ПС или ВС). Так, довольно просто в латышском языке создать эквиваленты греческих *βαδουίτης* — "d-ūprātis" или *εὐρωβενής* — "rūvbrēcīg", в принципе оставаясь как бы в русле пиндаровского стиля. Сложности в латышском переводе связаны с такими упомянутыми выше композитами, как *Ξεῖρος ὑπρότροφος* — "Sērība, vesīma-barotāja", *πῆμα πάλιν-τραπέλων* — "hēlaimē, kas no-jaunin-atgriežas". В этих случаях утрачивается основной компонент пиндаровского поэтического выражения — с л о ж н ы й эпитет, поскольку нередко приходится развернуть содержание пиндаровского композита в целое придаточное предложение. Поэтому, что касается перевода, то речь идет в большинстве случаев о творческом переводе, скорее — о словотворчестве в рамках законов русского, латышского или другого языка (или же о разумной компенсации композитов иными языковыми средствами, с сохранением атмосферы пиндаровского стиля). Ведь и у самого Пиндара много сложных слов, признаваемых авторскими неологизмами. Именно так поэт "находит" языковую форму для выражения своей веской и глубокой мысли. Принципиальных "печатей" для перевода сложных эпитетов, как это установилось в традиции переводов Гомера, для Пиндара не существует и вряд ли может быть.

главным представляется поэтапный подход к оптимальному пониманию и переводу композита. Прежде всего требуется предварительный лингвистический анализ или расчленение на составные части, затем следует их рассмотрение в плане внутрисемантических взаимосвязей в сложном слове, далее - соотнесение с денотатом, а всего сочетания - с контекстом строки, фрагмента, порой всей оды, а, если необходимо - сопоставление аналогичных или иногда, наоборот, противоположных по смыслу сочетаний. Таким представляется путь к пониманию и переводу композита в текстах греческой лирики и ее выдающихся классиков.

Библиографический список

1. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л.; Госполитиздат, 1940.
2. . Томашевский Б.В. Стилистика и стилосложение: Курс лекций. Л., 1959.
3. Гомер. Илиада /пер. Н.И.Гнедича. М.,1981.; Гомер. Одиссея / пер. В.А.Жуковского. М.,1981.
4. Dornseiff F. Pindars Stil. Berlin: Weidmann, 1921; Williger v. Sprachliche Untersuchungen zu den Komposita der griechischen Dichter des 5. Jahrhunderts. Göttingen, 1926.
5. Шанин Е.В. Олимпийские игры и поэзия эллинов: Гомер и классическая лирика УШ-У вв. до н.э. Киев: Вища школа, 1980.

Гаусверде Э.Г. /Вильнюс/

К СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

(на материале фразеологизмов с ключевым словом

"голова" в шведском и латышском языках)

Типология фразеологизмов является относительно новой областью лингвистических исследований и представлена в настоящее время сравнительно небольшим числом работ. Между тем она открывает перспективы для построения конденсивной типологии, для раскрытия идеосемантического своеобразия того или иного языка.

В настоящей работе приводятся материалы исследования соматических фразеологизмов, содержащих ключевое слово "голова". Известно, что человеческое тело служит своеобразной моделью как в восприятии пространства, так и в формировании абстрактного. Значительный интерес представляет выяснение общего и особенного для различных языков, обнаружение вариаций и констант в языковом мышлении /1/.

Приводимый конкретный языковой материал собран как по письменным источникам, так и по информантам /2/. О структурно-грамматических и семантических особенностях сопоставляемых фразеологических единиц см. /3/.

Анализ собранного материала позволил классифицировать рассматриваемые фразеологические единицы (в дальнейшем - ФЕ) следующим образом:

а) ФЕ, совпадающие в обоих языках по форме и значению, например, ср.:

шв. <i>bära huvudet högt</i>	быть гордым, с чувством
лтш. <i>nest galvu augstu (augsti)</i>	собственного достоинства
(букв. "высоко нести голову")	
шв. <i>böja huvudet för (ngn., ngt)</i>	относиться с почтитель-
лтш. <i>poliekt galvu (kāda, kaut kā priekā)</i>	ным уважением к кому-л.,
("склонить голову перед кем-то, чем-то")	чему-л.
шв. <i>från huvud till fot</i>	целиком, полностью
лтш. <i>no galvas līdz kājām</i>	
("с головы до ног")	
шв. <i>lägga sitt huvud på stupstocken</i>	ответать жизнью
лтш. <i>likt galvu uz bluķa</i>	
("положить голову на плаху")	

Данные ФЕ являются полными эквивалентами, т.е. они совпадают по своему образу, значению, стилистической окраске, соотносимы по компонентному составу и структурно-грамматической организации. Естественно, что внутри каждого отдельного языка ФЕ способна к варьированию, не нарушая смысла и структуры фразеологизма.

б) помимо полных, выделяется группа частичных эквивалентов, которые отличаются от первых тем, что могут иметь значительные расхождения в лексическом составе или структуре, например:

шв. <i>anstränga (bry, braka) sitt huvud</i>	усиленно думать, стар-
("напрягать свою голову")	аясь понять, разрешить
лтш. <i>lauzīt galvu</i>	что-н. трудное
("ломать голову")	

шв. ha huvu et pa skaft ("иметь голову на рукоятке")	быть умным, находчи- вым, толковым
лтш. galva ir uz pleciem ("голова есть на плечах")	
шв. bli ett huvud kortare ("стать на голову короче")	убить кого-л.
лтш. vaazināt pār galvas tiesu ("укоротить на голову")	

Естественно, что в каждом из сопоставляемых языков имеется ряд специфических фразеологизмов.

в) Шведские ФЕ, к которым не удалось обнаружить соответ-
ствий в латышском языке, например:

шв. bita huvudet av skammen ("кусать голову со стыда")	стыдиться, сожалеть о совершении какого- л. неблагоприятного поступка
шв. gå över nåns huvud ("идти выше чьей-л. головы")	выше чьего-л. понимания
шв. slåttas nyror i huvudet på ngn ("засунуть кому-л. муравья в голову")	озадачить, заинтри- говать кого-л.

г) латышские ФЕ, к которым не удалось обнаружить соот-
ветствий в шведском языке, например:

лтш. bāzt galvu uzuni (повес.) ("засыновать голову в печ. '")	говорят, если пережи- то несчастье
лтш. saņāt pa galvu ("получить по голове")	получить наказание
лтш. deņcēt (staigāt) pa galvu ("танцевать на чьей-л. голове")	не уважать кого-л., чьи-л. права
лтш. laist pār galvu ("пускать через голову")	не принимать что-л. близко к сердцу

Как показывает материал, главный способ образования исследуемых ФЕ - переосмысление переменных словосочетаний, чаще всего посредством метафоризации, метонимизации и т.д. Мотивировка подавляющего большинства фразеологизмов прозрачна (благодаря общезначимой символической соматики лексем), хотя, естественно, встречается и сложная метафора, построенная на основе вымышленной нереальной ситуации (как, напр., шв. *Ja vugor i huvudet* или лтш. *bāzt galvu krāvnī*).

Исследование показывает, что значительная часть сопоставляемых ФЕ имеет семантические соответствия в обоих языках. Естественно, это обусловлено единством функций частей тела, а также общностью таких экстралингвистических факторов, как жесты, мимика, физиологические ощущения. Сходство соматических ФЕ ставит вопрос о том, какие из совпадающих фразеологизмов являются частью общечеловеческого фонда (если он существует), какие из них восходят к библейскому фонду, а какие возникли в результате контактов. Естественно, однако, что для решения этих вопросов необходимо привлечение данных других языков. Сходство соматической фразеологии (при естественных - иногда чрезвычайно ярких - несовпадениях) свидетельствует об определенной общности ассоциативно-образного мышления носителей шведского и латышского языков.

Библиографический список

1. Кагайне Э., Раге С. Некоторые параллели соматических фразеологизмов в языке латышей и их соседей // Взаимосвязи балтов и прибалтийских финнов. Рига, 1970. Кļava К. L1-

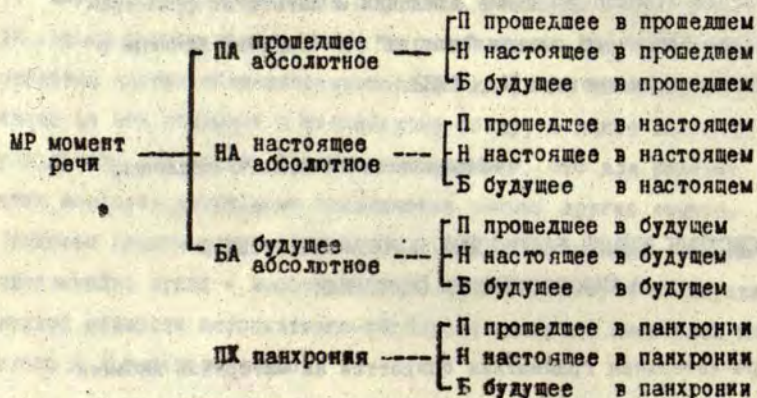
- tauiska somatiska fraseologismer och deras paralleller i lettiskan, ryskan och tyskan. - Stockholm, 1975; Ruķe-Draviņa V. "Hand", "Arm" and "Finger" in Latvian and Swedish Phraseology: A Comparison. Stockholm, 1980.
2. Источниками шведских ФЕ послужили : Holm P. Bavingade ord och andra talesätt. Stockholm, 1962; Svensk handordbok. Konstruktiv och fraseologi. Under redaktion av T. Johansson och K.J. Ljunggren. Stockholm, 1977. Латышские примеры взяты из словаря : Ruķe-Draviņa V. Vārds istā vietā. Stockholm, 1974, а также из картотки латышского фразеологического словаря, находящегося в ЛГУ им.П.Стучки.
3. Саусверде Э. Сопоставление шведских и латышских фразеологических единиц со словом "голова" // Языковые единицы в синхронии и диахронии. М., 1982.

Томашпольский В.И. /Свердловск/

СИСТЕМЫ ВРЕМЕН БАЛТИЙСКИХ И РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Сравнительная грамматика опирается на материалы письмен-но зафиксированных языков, среди которых италийские языки представлены литературным латинским. Между тем в последние десятилетия вновь предпринимается попытки осуществить на современном уровне с привлечением новых материалов и достижений лингвистики давнюю идею В.Мейера-Любке о реконструкции романского праязыка [1-7]. Протороманский, датируемый в целом

П з. до н.э. - Ш в.н.э. (до распада на ареальные варианты), во многих отношениях отличается от литературной латинской нормы, поэтому романские реконструкции могут быть интересны для компаративистов. Одно из заметных расхождений лежит в сфере временных отношений. Чтобы показать, о каких расхождениях может идти речь, в статье обсуждаются результаты сопоставления одной из восточноиндоевропейских систем спряжения - балтийской с двумя западными вариантами - латинским, с одной стороны, и протороманским, с другой. Для такого сопоставления удобнее всего воспользоваться универсальной моделью категории темпоральности, уже обсуждавшейся ранее [8,9]:

Изучение разносистемных языков показывает, что типологически и диахронически минимальная система, включая не менее двух элементов, опирается на противопоставление настоящего ненастоящему, обращенное либо в прошлое (претеритальное ветвление), либо в будущее (футуральное ветвление). Претериталь-

но-презентна, система-минимум засвидетельствована, например, в готском [10, с.168-174]:

MP ----- PA перфект/претерит *nam* '(я) взял'
 ----- NA презенс *nima* '(я) беру'

Футурально-презентная система-минимум встречается редко; она отмечается, например, в языке лаха китайско-тибетской группы [11, с.54]:

MP ----- NA нулевая форма *ta³ val⁵ ok⁴ rang³ phə̀dɔŋ² ɬbɔŋ⁴*
 'солнце встает на востоке'
 ----- BA форма предстоящего действия *phɪŋ⁵ nɔj³ a^I ka³ bu^I ɛr⁴ lum³*
 'в этом году она закончит учебу'

Такая система-минимум в реальном языке может быть результатом объединения более богатого состояния или представляет собой исходную оппозицию, возникшую из невременных, например, аспектуальных элементов. Она крайне редко распространяется только в сторону будущего, сравнительно редко в направления только прошедшего (например, в эстонском и некоторых других прибалтийско-финских языках [9]), обычно - в двух направлениях, но всегда с преобладанием претеритального ветвления.

Сопоставляемые балтийская, латинская и протороманская временные системы восходят к общему индоевропейскому источнику. Так называемая дальняя реконструкция позволяет предположить, что ранние индоевропейские формы, традиционно называемые презенсом, перфектом и аористом, не имели темпоральных значений, а противопоставлялись по аспектуальным (в широком понимании) признакам: презенс указывал на длительность действия или состояния, аорист выражал отсутствие длительности, а перфект

обозначал состояние, возникшее в результате действия [12, с. 23; 13, с.318-327]:

аорист 'недлительность'	перфект 'состояние'
презенс 'длительность'	

Временные значения возникли в позднее индоевропейское время, когда форма, называемая аористом, стала 'ненастоящим', в отличие от 'настоящего', выражаемого презенсом и перфектом состояния [12, с.350-351; 13, с.318-327]:

MP -----	{	ПА аорист * <i>(s)bhugét</i> '(он) бежал'
		НА перфект состояния * <i>bhóuge</i> '(он) бежит'
		презенс * <i>bhúgeti</i> '(он) бежит'

В эпоху появления первоначальных диалектных различий, восстанавливаемых по результатам ближней реконструкции, в отдельных ареалах вырабатываются имперфект, плюсквамперфект и три варианта футурума. Перфект же, выражая, по-прежнему, состояние в настоящем, употребляется в этом значении вплоть до гомеровских времен [13, с.285-288, 325; 14, с.302-307, 317].

Балтийские языки, как известно, восходят к одному из вариантов восточноиндоевропейской системы, включающей в качестве индикативных форм, по меньшей мере, презенс, футурум, перфект, аорист, имперфект. Компаративный подход показывает, что протобалтийский сохранял индоевропейский презенс, знал один из вариантов будущего - футурум на * - *si-* > * - *si-*, но утрачивал аорист, перфект и имперфект [15], вследствие их вытеснения вновь образованными претеритом¹ и имперфектом

¹ Некоторые авторы говорят о связи балтийского претерита с поздней индоевропейским имперфектом [14, с.317].

[13, с.317-18]. Так, в литовском временная система включает четыре парадигмы:

MP	-----	[	ПА	претерит однократный	dĩrbau '(я) работал'
				претерит многократный	dĩrbavau '(я) работал (многократно).'
			НА	презенс	dĩrbi '(я) работаю'
			БА	футурум	dĩrbsiu '(я) буду работать'

Эту внешне простую систему дополняют перифразы начина-
тельного и результативного характера, состоящие из личной
формы глагола "быть" и одного из причастий [16, с.419-423]:

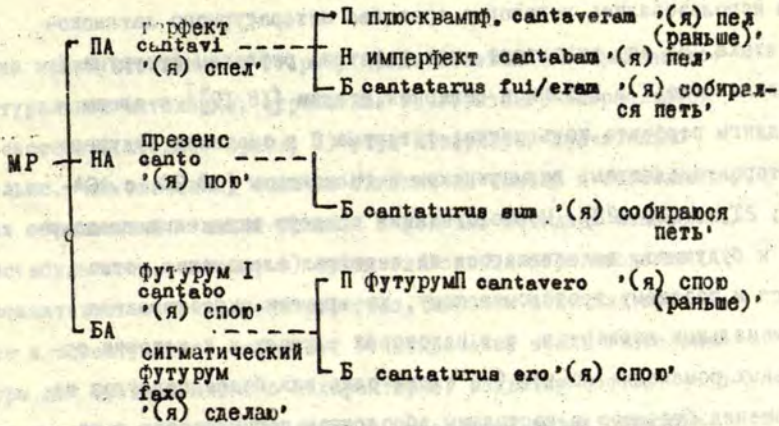
aĩ buvau bedĩrbau	'я уже работал/начал работать/хотел было работать'
aĩ bũsiu bedĩrbau	'я уже буду/начну работать'
aĩ esu dĩrbau	'я проработал'
aĩ buvau dĩrbau	'я проработал (в прошлом)'
aĩ bũsiu dĩrbau	'я проработал'.

Сопоставление литовской системы времен с универсальной
моделью категории темпоральности позволяет определить ее спе-
цифику: 1) набор темпоральных значений в литовском близок к
минимальному; отсутствуют специальные формы для выражения
всевременных отношений, одновременности и относительных зна-
чений; 2) ветвление дерева времен симметрично; оно направлено
как в сторону прошедшего, так и в сторону будущего; 3) форм
на одну больше, чем значений, так как в прошедшем абсолют-
ном различается многократность/немногократность действия;
отсутствие синонимических образований - явный признак и
условие стабильности системы; 4) причастные перифразы начи-
нательного и результативного значения носят аспектуальный
характер и в число временных форм не входят; 5) развитие

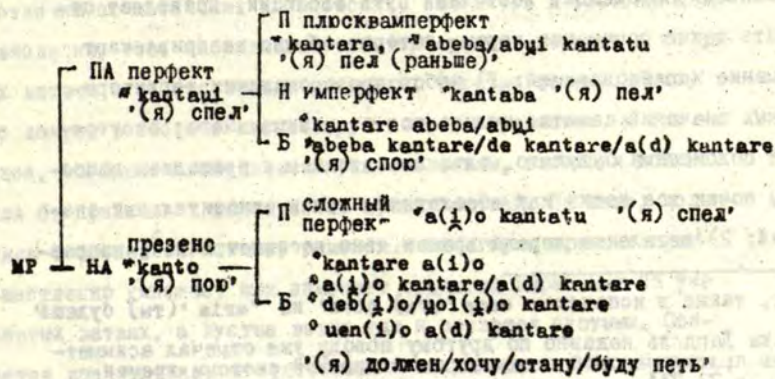
систему, прошедшей путь от индоевропейского источника, состоит в сокращении и замене форм и значений; нерегулярные формы уступают место регулярным новообразованиям морфологического типа; расширение состава форм и значений литовской системе времен не свойственно.

Латинские временные формы развиваются из западноиндоевропейской диалектной системы, причем из такой ее разновидности, которая включала, по меньшей мере, презенс, перфект, аорист и сигматический футурум, развивающийся из конъюнктива сигматического аориста [4, с.303-305]. В этом диалекте, с одной стороны видоизменилась подсистема прошедшего, а именно, перфект, пройдя стадию прошедшего в настоящем и получив значение прошедшего абсолютного, вытеснил и отчасти интегрировал аорист; прошедшее и настоящее в прошедшем стали выражаться новообразованными имперфектом и плюсквамперфектом. С другой стороны, распространялось футуральное ветвление, поэтому латинская система получила новые средства выражения будущего и следования - футурум I, потеснивший сигматическое будущее, футурум II и футуральные перифразы:

Изучение материала романских языков дает возможность судить о том, какой была протороманская система времен индикатива в раннем и позднем состояниях [4, 6, 7]. Анализ показывает, что с эпохи зарождения романской речи она шла по пути наращивания способов выражения прошедшего и предшествования, а потому, в отличие от латыни, в ней преобладает претеритальное ветвление: исходная протороманская система включила

ла четыре простых времени и три морфологизированных перифразы. В то же время она не имела специальных парадигм будущего и следования, но при необходимости эти значения передавались настоящим и неморфологизованными перифразами [17]:

Не исключено, что для выражения будущего в протороманском использовались некоторые средства литературного латинского языка. На это указывают, как кажется, рефлексы футурума I глагола "быть" в Галлии и северной Италии [18, 19]¹ и следы парадигмы перфекта конъюнктива-футурума II в значении будущего в староитальянском; далматинском и гасконском [18; 20, с. 404-406; 21, с. 220-222]. Морфологизация средств выражения следования и будущего, выделившегося из перифраз следования, относится к позднему протороманскому, ко времени существования региональных вариантов, а в некоторых случаях и к истории отдельных романских языков (на схеме одна или более перифраз из положения будущего в настоящем абсолютном перемещается в положение будущего абсолютного). Именно поэтому синонимические средства получают различное территориальное распределение [17].

Сопоставление ранней протороманской системы времен, отражающей один из западноиндоевропейских путей развития, с балканской, прошедшей восточный путь эволюции, позволяет отметить такие романские черты, которые обычно не привлекают внимание исследователей: 1) набор протороманских территориальных значений заметно отличается от минимального; отсутствует подсистема будущего, зато в настоящем и прошедшем заполнены почти все ветки как абсолютных, так и относительных значений; 2) ветвление дерева времен явно несимметрично², направ-

¹ Ср. также в испанском *eres* '(ты) есть' из **eris* '(ты) будешь'

² Р. де Дардаль недавно по другому поводу уже отмечал асимметрию протороманской и симметрию латинской системы времен [4, с. 72-73].

лено преимущественно в сторону предшествования и прошедшего; футуральное ветвление, отражаемое перифразами, закрепляется в системе в позднее время; 3) форм и перифраз значительно больше, чем значений; наличие близких по смыслу и синонимических образований - явный признак и условие активных изменений, нестабильности системы; 4) среди глагольных форм несколько инфинитивных и причастных перифраз, имевших в начале модальное и аспектуальное значение; 5) сокращение числа глагольных форм для протороманского нехарактерно; развитие состоит в замещении исконных элементов или в добавлении новых образований перифрастического характера с прозрачной структурой.

При сопоставлении балтийского и двух итальянских путей развития категории темпоральности нельзя не обратить внимания на то, что на всех этапах эволюции протороманские времена, в отличие от латинских и литовских, находятся в состоянии неравновесия, т.е. наблюдается избыток средств выражения на одних ветвях и их отсутствие на других (пустые ветви). Ясно, что лакуны в системе компенсируются в употреблении, и тем не менее, согласно сложившимся представлениям, эволюция должна была бы привести к заполнению пустых ветвей. На деле, подчиняясь собственной логике, романская категория времени преимущественно умножает или заменяет средства выражения на уже занятых ветвях, а пустые ветви так и остаются пустыми. Создается впечатление, что устойчивое неравновесие, асимметрия и есть естественное состояние системы, условие ее функционирования и развития.

В заключение отметим, что вовлечение протороманских реконструкций в круг сопоставительных исследований полезно не только романистам. В типологическом плане оно расширяет возможности поиска доминирующих тенденций в языках мира [22, с. 10], в диахроническом аспекте, по меньшей мере, в некоторых случаях позволяет подтвердить или уточнить гипотезы индоевропейцев.

Библиографический список

1. Dardel R. de. Le parfait fort en roman commun. Genève, 1958.
2. Dardel R. de. Recherches sur le genre roman des substantifs de la troisième déclinaison. Genève, 1965.
3. Dardel R. de. Esquisse structurale des subordonnants conjonctionnels en roman commun. Genève, 1983.
4. Dardel R. de. Pour une meilleure intégration des études Latines et romanes // Latin vulgaire - latin tardif. Actes du I-er Colloque, international. Tübingen, 1987.
5. Hall R.A. jr. Proto-Romance phonology. N.Y. etc., 1976.
6. Hall R.A. jr. Proto-Romance morphology. Amsterdam etc., 1983.
7. Томашпольский В.И. Общероманский глагол: реконструкция системы окончаний. Свердловск, 1987.
8. Томашпольский В.И. Принципы типологического описания грамматических категорий глагола // Функционально-типологические проблемы грамматики. Вологда, 1986.
9. Tomášpolaki V.I. A system of Estonian tenses in the light of a typological approach. - Symposium on language universals. Tallin, 1987.

10. Гухман М. Готский язык. М., 1958.
11. Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 г.: Язык лаха. М., 1986.
12. Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960.
13. Сивченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974.
14. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
15. Казлаускас И. Остатки форм третьего лица аориста и имперфекта в балтийских языках // ВЯ . 1962. № 6
16. Орвидене Э. Учебник литовского языка. Вильнюс, 1975.
17. Томашпольский В.И. Простые, сложные и сверхсложные времена в структуре романского текста // Теория простого, осложненного и сложного предложения. Л., 1987.
18. Rohlfs G. Historische Grammatik der italienischen Sprache. Bd. 2. Bern, 1952.
19. Fouché P. Le verbe français. P., 1967.
20. Bartoli M. Das Dalmatische. Wien, 1906.
21. Rohlfs G. Le gascon. Tübingen, 1970.
22. Hagège C. La structure des langues. P., 1982.

Трейлон А. Г. /Рига/

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗООМОРФИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ И ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКАХ

Зооморфизмами называются переносные лексико-семантические варианты зоонимов (названий животных), используемые для характеристики лиц, т.е. для вторичной номинации объекта [1, 2].

Зооморфизмы принадлежат к выразительной лексике языка, основными параметрами которой являются образность, экспрессивность, оценочность. Они функционируют в речи для более образной характеристики лица, как в отношении его физических свойств, так и относительно его умственных и этических качеств. Установлено, что зооморфизмы составляют 40% метафорических личностных характеристик^I [3, с.19].

Изучение семантики зооморфизмов разных языков показывает совпадение и расхождение в экстралингвистической базе зоохарактеристик. Одна и та же экстралингвистическая данность по-разному преломляется в разных языковых системах [2, с.148].

Степень общности зоохарактеристик зависит от степени общности культур народов, условий их жизни, животного мира их стран. Все эти факторы в определенной мере влияют на функционирование зооморфизмов в речи.

^I Под характеристикой мы понимаем образное представление, устойчиво связанное в сознании носителей языка с определенным набором признаков

В данной статье делается попытка рассмотреть некоторые семантические особенности зооморфизмов в современном английском и латышском языках. Материалом исследования послужила текстовая выборка из художественной литературы, а также словарные данные наиболее распространенных зооморфизмов для уточнения в некоторых случаях зоохарактеристик. Общий объем примеров выборки с зооморфизмами - 3000, 1500 примеров соответственно на каждом из сопоставляемых языков, в этих примерах фигурируют около 150 разных зооморфизмов. Особый интерес, на наш взгляд, представляют те зооморфизмы, семантическая структура которых в сопоставляемых языках не совпадает.

Самой высокой частотностью в английском и в латышском языках выделяются зооморфизмы "dog" (112 примеров) и "sun" (81 пример). Частота встречаемости этих слов связана с разнообразием их семантических компонентов. По существу они полусемантически. В обоих языках этому зоо-образу свойственны такие семы, как "верный", "преданный", "жалкий", "неблагодарный", "подлый". Например:

... I obeyed like a dog (Ch.Dickens).

... I'm dog tired (W.S.Laughan).

"You thankless dog!" gasped Mrs.Brown (Ch.Dickens).

Ho viņas būtu iznācis stalts un spēcīgs dēlīšķis ... uzticams kā sunis (R.Ezera).

Arī viņā ... bija piekusis kā sunis (R.Ezera).

... un es kā nopērts sunis vilkos līdzī pašā pulka astē (A.Jansons).

Но кроме этих общих сем, представленных в обоих языках, наблюдаются и некоторые расхождения. Так в английском языке в

сравнительной конструкции "to work like a dog" зооморфизм "dog" содержит семантический компонент "работоспособность, трудолюбие". Эта сема не типична для эквивалентного латышского зооморфизма "zuns".

Кроме того в английском языке большое распространение получили субстантивные обороты с этим зооморфизмом, в которых прилагательные служат контекстными индикаторами актуализации семантики зооморфизма "dog". Например: lucky dog "счастливчик", cunning (sly) dog "хитрец", dead dog "никчемный человек", sea dog "морской волк" (ср. лат. jūgas vilks).

Однако в латышском языке широко развернута деривационная парадигма с зооморфизмом "zuns", ("zaukuks, sunītis, šunelis, sunabēgns" и другие). Это в значительной мере компенсирует отсутствие субстантивных оборотов в латышском языке. Тем не менее английский ряд с зооморфизмом "dog" богаче, чем соответствующий латышский ряд.

Подобного рода расхождение в использовании зооморфизмов наблюдается в употреблении родового названия "fish" (21 пример) и "zivis" (20 примеров). Постоянные ассоциации с этими зооморфизмами выражены в таких устойчивых сравнениях как "to feel like (as) a fish out of water" - "justies kā zivij ūaigušā (bez ūdens)" (чувствовать себя как рыба, вынутая из воды) и "dumb as a fish" - "dēms kā zivs" (нем как рыба). Идентичны ассоциации и в антонимичной фразе "to feel like a fish in water" - "justies kā zivij ūdenī" (чувствовать себя как рыба в воде). Однако этот ряд имеет в латышском языке

лишь относительную параллель с английским языком. В латышском языке "zivis" является также символом бесчувственности, неискренних отношений между людьми:

Kāpēc mēs vēl turamies kopā? Vēsi kā zivis. ...
Cik viņa skaista un salta. Viņai viss jau iepriekš aprēķināts (A.Bels).

Это не типично для семантики соответствующего английского зооморфизма "fish".

В английском языке в отличие от латышского языка семантическое наполнение этого зоо-образа богаче, благодаря наличию устойчивых субстантивных оборотов. Например: big fish "важная персона", cool fish "нахал, наглец", dull fish "скучный (нудный человек)", loose fish "распущенный человек", odd (queer, strange) fish "чудак".

Для обозначения глупости в английском языке часто используется зооморфизм "ass" в значении "глупец, невежда". Как показывает текстовая выборка, это является доминирующей семьей данного зооморфизма (она выражена в 20 примерах из 27).

How on earth a fellow could make such an ass of himself
Soames could not conceive ... (J.Galsworthy).

Эквивалентный латышский зооморфизм "ēzelis" ассоциируется в первую очередь с характеристикой упрямства, а лишь затем глупости. Об этом свидетельствует и количество примеров: 12 примеров с характеристикой упрямства и лишь 2 примера с характеристикой глупости.

Nē, tad nepieciešams nopietni pārlikt ..., vai tu esi kristnākais starp visiem vai arī tikai jauns un spītīgs ēzelis (I.Indrāne).

Politikā viņš tolaik bijis viens ēzēlis un zābaks,...(R.Ezera)

Символом глупости в обоих языках является английское "goose" (15 примеров) и его эквивалент в латышском языке "zoss" (20 примеров). Эти зооморфизмы являются многозначными, поскольку выражают они только зооморфный образ "глупый, наивный":

It was plain that that stranger had enabled me to make a goose of myself (M.Twain).

Ar smagi nokausēta cilvēka ērcīgumu Askolds nodomā, ka viņam ... jāatbild par visiem un par visu: par sazin kādās mūsu augušo zosu un par nez kādām spundēm baroto ēzēli nesekmību un par tiem āpšiem, kas virtuvei pieveduši bojātu gaļu, par to anonīmo amū, kurā ķimijas kabinetā iegāzis izlietās dzīvudrabu, un to kazu, kas paša mācību gada vidū sagudrojusi iet dekrēta atvaļinājumā ... (R.Ezera).

Как видно из предыдущего примера, в латышском языке кроме уже упомянутых зооморфизмов с этим семантическим компонентом употребляются "āpšis", "amū", "kaza".

Характеристика трудолюбия, связанная в английском языке с физической силой, передается зооморфизмом "horse", "ox", "animal", в редких случаях "donkey" (особенно в сочетании со словом "work") и, как уже было отмечено, полисемантическому зооморфизму "dog" также свойственна эта сема.

I'll give you a three years' contract. I'll give you eight pounds a week and you'll have to work like a horse (W.S. Maughan).

Breasley nodded down the huge canvas. "I let her help. The donkey-work" (J.Fowles).

... much of the garden part of the work of clearing had been done, but they clung to old traditions and worked like driven animals (Sh.Anderson).

В латышском языке эта характеристика в основном выражена зооморфизмами "zirgs", "zvērs" и "lops".

"Es strādāšu kā zirgs! ... A, kas man spēka! ..."

(R.Blaumanis).

"Tāds ir mērķis", Juris saka. "Un šodien mums jāstrādā kā zvēriem" (A.Brodele).

"Redzi, uz jūras mēs esam akordnieki. Tur strādājam kā lopi, pāri cilvēka spēkiem" (V.Lācis).

Эта сема не типична для латышского зооморфизма "dzīvnieks", английским эквивалентом которого является "animal".

Зооморфизм "vērsis" (англ. "ox") содержит компонент "физическая сила", но не используется для обозначения трудолюбия. В этом значении латышским "zvērs", "lops" также соответствует английский эквивалент "beast", у которого доминирующим семантическим компонентом является "жестокость, грубость, дикость" (в 24 примерах из 29).

Таким образом, сопоставляя семантику лишь некоторых групп зооморфизмов в английском и латышском языках можно сделать вывод о том, что отрицательные зооморфизмы явно преобладают над положительными.

Для английского языка типичны субстантивные обороты с зооморфизмами (со словами "dog" и "fish"), которые семантически значительно обогащают соответствующие зооморфные образы, а в латышском языке чаще используются деривационные парадигмы с зооморфизмами.

Библиографический список

I. Литвин Ф.А. Об изучении разновидностей зооморфных харак-

теристик // В помощь преподавателям иностранных языков. Вып.5. Новосибирск, 1974.

2. Гутман Е.А., Литвин Ф.А., Черемисина М.И. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.
3. Черемисина М.И., Рыжкова О.А. Экспрессивно-лексический фонд русского языка // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. IУ. Новосибирск, 1977.

Трейлона М.В. /Рига/

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗВУКОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

В данной статье функционирование звуковых особенностей рассматривается как фактор, который усиливает выразительность и отчетливость изображения и определяет качество ритмогрупп, уже намеченных синтаксическими средствами (анафоричным параллелизмом, асиндетически и полисиндетически связанными фразами). Из всех звуковых особенностей как ведущие выделяются слоговой объем слов и такие звуковые приемы как аллитерация и ассонанс, которые именно в сопоставлении раскрывают свою экспрессивность.

Динамичность изображения всегда возрастает если конвергенция ритмогрупп сочетается с употреблением ударных одно- и двухсложных слов. Значение слогового объема слов, а именно односложности большинства английских слов и многосложности латышских, отчетливо выявляется при сопоставлении, которые могут стать серьезной переводческой проблемой^I.

Ритмический, звуковой и эмоциональный эффект предложения, состоящего из коротких слов, оказывается совсем иным, чем в предложении, которое состоит из длинных, многосложных слов:

"I was so humiliated, hurt, spurnd, offended, angry, worru -
I cannot hit upon the right name for the smart ... "

(GB, 65). Ритмогруппы, которые образуются из прилагательных, динамичны уже по своей структуре - только два из прилагательных состоят из более чем двух слогов. Латвийский перевод по сравнению с оригиналом звучит тяжело: аккумуляция причастий скорее уменьшает динамичность и кажется громоздкой - и это все из-за структуры слов, поскольку почти все причастия состоят из трех слогов: " Es jutos tik pazemots, aizvainots, atgrūsts, apkaunots, saniknots, apbēdināts, - es nevaru atrast isto vārdu šim vārdam..." (LC, 60). Одновременно в переводе чувствуется определенная ритмическая пульсация, которая достигнута использованием морфологических средств: все причастия состоят из префикса, корня и исхода слова, количест-

^I Для анализа используется проза Ч. Диккенса и переводы его романов на латышский язык, сделанные разными переводчиками

во слогов и внутренний ритм слов стремится к единообразию. Ритмические компенсации такого рода, естественно, передают ощущение ритмичности прозы, однако терется тонкий имплицитный характер диккенсовского изображения.

Многосложность латышских слов связана с синтетическим строем латышского языка. Это особенно чувствуется в случаях употребления сравнительных степеней прилагательных: "Mr. Pickwick, it is quite unnecessary to say, was one of the most modest and delicate-minded of mortals" (PP, 352). То, что в английском выражается сочетанием одно-, двух- и трех слоговых слов, в латышском передается двумя шестисложными словами - такова форма выражения превосходной степени у латышских прилагательных: "Gluži lieki sacit, ka misters Pikvika bija viens no viskautrīgākajiem un smalkjūtīgākajiem mirstīgajiem" (PK, 372).

Многосложность латышских слов уменьшает динамичность изображения. Этот фактор особенно важен при переводе фрагментов, в которых четко выраженное ритмическое строение изображения обладает повышенной эмоциональностью, как, например, в изображении запущенного хозяйства мисс Хэвишем: "But there were no pigeons in the dove-cot, no horses in the stable, no smells of grains and beer in copper or the vat" (GE, 66). Здесь каждая ритмогруппа вводится эмфатическим повтором ударного односложного отрицательного местоимения "no". Однократное употребление местоимения в переводе способствует сохранению динамичности и адекватности ритмической структу-

ры, что было бы невозможным при повторе трехсложного отрицания "nebija": "Taču būdā baloži nebija, tāpat kā stalli nebija_zirgu, aizgaldā saku, klēti iesala, katlos un vātīs labības un alus smaržas" (LQ, 61). Такая компенсация вполне приемлема.

Проблема слогового объема слов ощущается остро, когда передаются восклицания в форме отдельных слов и предложений, в любом языке они имеют большую эмоциональную насыщенность. В английском языке восклицательные предложения характеризуются сжатостью формы, динамизмом мысли и чувств. В переводах это нередко нарушается употреблением не только многосложных слов, но также их производными формами. Так, восклицательная фраза "Hold your noise!" (GE, 12; PP, 407), которая в обоих случаях употребляется по отношению к ребенку и выражает угрозу, переводится ритмически весьма неточно. Полное пренебрежение к фразе, как к определенной ритмогруппе, состоящей из трех односложных слов, звучит в переводе: "Beidz savu činkatēšanu!" (LC, 6), где аккумуляция шипящих *š* и *č* в четырехсложном и производном слове делает приказ трудно произносимым и не раскрывает динамики ситуации. Перевод: "Vai tu nevasi klusu!" (PK, 364) звучит намного естественнее.

Эмоциональная насыщенность восклицания возрастает, если при аккумуляции однородных членов предложения слова имеют тенденцию сокращать слоговой объем. Образуется кульминация - эмоциональная, смысловая и ритмическая.

"How anxious, how dismal, how long!" (GE, 342). Это восклицание из трех ритмогрупп обретает динамичность благо-

даря постепенному сокращению длины слов, связанных асиндетически. Третья ритмгруппа состоит из двух односложных слов. Это звучит как зов, полный отчаяния. Перевод воспринимается как полное сожаления описание: "Sik gaga, vatraukuma un baži pilna !" (LC, 342). Эта фраза не членится на четкие ритмгруппы по нескольким причинам: не только из-за нарушения ее синтаксической структуры - игнорирования анафоры "how" и асиндетической связи, но в такой же мере из-за нарушения динамичности в слоговом объеме слов (вводится четырехсложное слово "vatraukuma").

Общепринято рассматривать аллитерацию как просодический элемент, на который опирается ритм, поскольку периодическое повторение звука помогает воспринять высказывание в его целостности, обладающей определенным ритмом. Вместе с тем аллитерируемые слова выделяются как семантически важные и несут экспрессивную функцию. Игнорирование аллитераций не только разрушает эмоциональный звуковой эффект, но также разрушает ритмическое строение и семантическую эмфазу: "They ullently, uternly, usteadily overlooked me ." (DC, I40) - "Viņi ļauni, cietsirdīgi, spītīgi nelikās par mani ne zinīs" (DK, I5I). Хотя здесь обнаруживается сохранение ритмгрупп, они передают только семантическое содержание, без той эмфазы, которую приобретают ритмгруппы и слова с отрицательной импликацией при повторении звука в .

Односложность в сочетании с аллитерацией может в английском языке существенно повысить экспрессивность и дина-

мичность ритмогрупп. Такие сочетания довольно трудно поддаются воспроизведению. Так звук r передает острое восприятие суровой действительности бедного захолустья и является ритмически организуемым элементом изображения: "... while dry rot and wet rot and all the silent rots that rot in neglected roof and cellar - rot of rat and mouse and bug and cooching stables near at hand besides - addresses themselves faintly to my sense of smell " (GB ,166). В переводе утрачена острота восприятия и ритмическая четкость из-за того, что эквивалентом опорного односложного слова "rot" является многосложное "pivekli" которое в контексте звучит маловыразительно. Его замена синонимом "smirdoza" (вонь) и отсутствие эфонического эффекта в формах существительного "pivekli" и глагола "rut" превращает перевод в более нейтральное и плоское описание: "... sausī pivekli , mitri pivekli un viss , kas elepenībā rut un trūd bēnīros un novārtā pamestos pagrabos , piederām žurku , peļu , blakšu un tuvīno zirgu stallu smirdoza , kutināja man nāsīs" (LC,I(I)).

Использование аллитерации и ассонанса в звукоподражательных словах еще больше повышает выразительность, эти слова становятся эмоциональным центром ритмогрупп. "Boiling water hissed and heaved within dilapidated walls , whence , also , the glare and roar of flames came issuing forth " (DS ,923). Звукоподражательные аллитерируемые слова создают акцент и ритмически делают изображения как бы на такты, подчиняя звукоподражательной цепочке все остальное высказывание. То, что эта онomatopoeическая цепь является ритмической опорой

всего изображения, становится виднее при переводе:

"Verdošs idens šrakdamas strūkloja pussagrūvītajos mūrās,
no kurienes tāpat rūkdamas šāvās arā žilbinošas liešmu mē-
les" (DD₁, 61).

Проделанный сопоставительный анализ позволяет прийти к некоторым выводам. Адекватная передача эмоционально запряженного подлинника значительно зависит от способности переводчика вникнуть в нюансы звуковых особенностей, которые выступают как фактор, усиливающий экспрессивность ритмогрупп, и часто раскрывает имплицитный смысл прозы и авторское отношение к изображаемому. Раскрытие непосредственной авторской эмоциональной выразительности осложняется существованием объективных факторов, к которым можно отнести различия в структурах языка: аналитический характер английского языка и синтетический характер латышского языка. Это различие углубляется несоответствием слогового объема слов: односложность английских слов в противовес многосложности латышских. Но слоговые характеристики влияют на эмоциональную интенсивность изображения, динамизм и эмфазу, особенно в сочетании с просодическими элементами. В то же время звуковые особенности обретают выразительность, если они воспринимаются как составная часть цельного художественного текста.

Список сокращений названий романов Ч. Диккенса

DC David Copperfield. London, 1935 // DK Davids Koper-
fields. R., 1954.

- DS Dealings with the Firm of Dombey and Son. London,
// DD Dombijs un dēls. R., 1969.
- GE Great Expectations. NY, 1962 // LC Lielās cerības.
" R., 1972.
- PF The Posthumous Papers of the Pickwick Club. M., 1949
// PK Pikvika kluba piezīmes. R., 1961.

Узия Б.З. /Рига/

НЕКОТОРЫЕ МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ НОРМАТИВНОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

Теоретические и практические вопросы развивающейся междо-
отраслевой науки охраны природы в настоящее время приобре-
тают все большую значимость. Все глубже и мно-
гостороннее стали теоретические исследования экологических
проблем, и это предъявляет новые требования к терминологии
этой области. В настоящее время этими вопросами "попутно" за-
нимаются специалисты конкретных областей - ключевыми термина-
ми латышской природоохранной терминологии заняты биологи,
географы, специалисты лесного хозяйства и др. Специалистами-
предметниками совместно с терминологами Латвийской ССР хорошо
разработана отраслевая терминология экологии, гидробиологии,
гидрометеорологии, социальной географии, лесного хозяйства.
Разработана классификация и, вместе с тем, терминология за-

поведных и охраняемых территорий, но развитие науки охраны природы диктует изменения в понятийной системе охраняемых ландшафтов. С 1-го июля 1987 года введен в действие новый стандарт по охране природы, касающийся ландшафтов, для установления однозначной научно обоснованной терминологии в области охраны и рационального использования ландшафтов для обеспечения взаимопонимания между специалистами разных стран, членов СЭВ. Упорядочение терминов и прогнозирование языковых возможностей и предупреждение понятийных и лингвистических ошибок [1, с.63] уже в начальном этапе развивающихся терминосистем является необходимым шагом в познании закономерностей развития этих систем и новой ступенью познания механизма терминотворчества в целом.

Лингвистическая специфика лексики в области охраны природы обусловлена тем, что она обслуживает междисциплинарную область знания. Охрана окружающей среды - один из образцов органического взаимопроникновения общественных, естественных и технических наук. В чем проявляется это взаимопроникновение? На наших глазах происходит гуманизация биологии - приближение ее к решению важных социальных задач. Постигание связей [2, с.3] биологических и социальных является одной из задач в формировании экологического мировоззрения.

Признано [3, с.12], что терминология охраны окружающей среды не может быть однородной с содержательной точки зрения и включает общетехнические универсальные термины, термины, заимствованные из терминологий смежных наук, "ядерную" группу терминов, относящихся к охране окружающей среды. Такой подход

является традиционным и проверен на терминосистемах фундаментальных наук и не дает ничего нового в понимании организации развивающейся терминосистемы, каковой является терминология охраны окружающей среды. Для упорядочения терминов данной системы необходим новый взгляд на ее содержательную сторону." Общенаучную терминологию в системе охраны природы представляют термины оценочно-измерительные. По сути дела это базисные термины статистики и информатики, относящиеся к сбору, оценке и обработке информации об окружающей среде. Качественно-оценочные термины по происхождению в большинстве случаев физико-химические, но среди них могут оказаться термины из любой науки о земле и собственно природоохранные термины. Терминологию устойчивого терминологического фонда охраны природы составляют биологические, санитарно-гигиенические, лесотехнические, агротехнические, географические, геологические, химические и гидрологические термины. Эти термины могут сохранять свои специфические значения и в пределах системы терминологии охраны природы. С ними может произойти повторная терминологизация, вследствие чего именно эти термины приобретают более широкие функции в контексте охраны природы. В то же время любой специалист оперирует прежде всего своей системой понятий, которая обуславливает стремление каждой отрасли сохранить свою самостоятельность в рамках новой терминологической системы. И это в свою очередь приводит к появлению узкоспециальной терминологии, недоступной для общего пользования, или к сужению значений терминов общего пользования. При относительной самостоя-

тельности, при вхождении в сложную систему терминологии охраны окружающей среды терминология смежных областей связывает частное с общим. Там, где эти связи нарушаются, принадлежность терминов смежных наук к терминосистеме охраны окружающей среды оспаривается.

Сложность выделения собственно природоохранной терминологии обусловлена еще и тем, что в настоящее время сама наука охраны окружающей среды находится в начальной стадии своего развития, о чем свидетельствует бурный количественный рост лексического состава при отсутствии четкой специализации языковых средств. Смежные области служат источником понятий для системы терминологии охраны природы. Вхождение основной терминологии смежных отраслей в терминосистему охраны окружающей среды схоже с процессами заимствования научной терминологии из иностранного языка. Так, например, латино-греческому внедрению способствовало заимствование основной терминологии из биологии, химии, санитарии и гигиены; английскому - географическая региональная терминология, французскому - ландшафтная архитектура. Почти каждая смежная дисциплина приносит в терминосистему охраны окружающей среды свои традиции терминопользования. Биология, например, внесла двойные названия различного происхождения многих понятий.

Границы и степень значимости отдельных отраслей колеблются, такое состояние терминосистемы требует постоянного упорядочения. Нужна тщательная фиксация во избежание потери любых терминов, в том числе и речевых терминов, предложенных

специалистами для увеличения выборочного фонда при возникновении новых связей в сложной развивающейся системе охраны природы.

Значительной особенностью терминологии охраны окружающей среды является большой удельный вес некоторых смежных отраслей терминологии которых находится по отношению ко всей системе терминологии охраны природы в стадии концептуализации. Это — педагогическая, юридическая, экономическая, климатологическая и урбанистическая терминология. Это своего рода открытые термины. И именно закономерное варьирование общенаучных, устойчивых и открытых терминов порождает основные типы смыслового и формального варьирования, присущего терминологии охраны природы на всех этапах ее развития. Для нормализации и выявления этих закономерностей необходимы конкретные критерии определения принадлежности лексических единиц к терминосистеме охраны окружающей среды.

Определяющим критерием принадлежности терминов к терминосистеме охраны природы является соотношение лексической единицы с понятийной сферой "человек-среда". Но каким образом это выражается во внутренней форме природоохранных терминов? Представляется, что существует несколько признаков, которые определяют, является ли термин природоохранным, помимо достаточной частотности данного термина в природоохранном контексте. Таких признаков несколько: во-первых, это принадлежность к определенному семантическому полю — экомировоззренческому, экосоциальному, экобиосферному, экотехнологическому, где экомировоззренческое поле объединяет философские, биологические, юридические

и воспитательные понятия. Это термины новейшего времени, и характерной чертой этой группы является способ терминообразования - многокомпонентность. Экоосоциальное семантическое поле привлекает экономическую, демографическую, санитарно-гигиеническую, медицинскую, статистическую терминологию, объединяя ее с биосферной и урбанистической терминологией. Экобиосферное поле связывает между собой терминологию наук о земле. Эко-технологическое - объединяет качественно-оценочное с качественно-измерительным, техническое с биосферным.

Не менее важным признаком определения принадлежности терминов к терминосистеме охраны природы является присутствие положительного или отрицательного аспекта антинормий природопользования - деградационно-осушающего или защитно-восстановительного.

Сравнительно большое количество терминов могут быть определены по признаку смежной полифункциональности и категориальной многозначности. Для природоохранной терминологии значимость имеют отдельные или комбинированные признаки; по отношению к науке об охране природы, отраслевая терминология - лишь исходный пункт ее формирования. На данном этапе развития терминосистемы охраны природы фактическую ее основу составляют в равной степени биосферные и технологические термины.

Ввиду того, что терминосистема охраны природы - развивающаяся система, в ней, более чем в любой другой терминосистеме необходима внутриязыковая и межъязыковая унификация, ориентированная на достижения советской и мировой науки.

Библиографический список

1. Узя Б. Особенности нормативности терминологии охраны природы // Критерии нормативности в литературном языке и терминологии: Тезисы докладов и сообщений регионального теоретико-методологического семинара 20-21 октября 1987г., Рига, 1987.
2. Каганова З.В. Философские аспекты интеграции научных знаний в современной биологии. Автореф. ...докт. филос. наук. М., 1982.
3. Антонова М.В., Иванова Е.П. Лексикография по охране окружающей среды на материале дву- и многоязычных словарей // Научно-техническая терминология. Реф. сб. Вып.3., М., 1987.

Skujica V. /Riga/

DAŽI INTERNACIONALISMU IZPRATNES ASPEKTI

Mūsdienu valodu funkcionēšanas un attīstības īpatnību izpratnei ir nepieciešams skatīt valodas starptautiskā starpvadiskā kontekstā, ņemot vērā plašos mūsdienu valodu un tautu kontaktus un internacionālā un nacionālā attieksmes valodā, jo dažādu pasaules tautu valodu materiālā sakarā ar zinātnes un tehnikas nozaru un to terminoloģijas integrāciju pastāv un pakāpeniski paplašinās kopēja starptautiskā vārdu un jēdzienu atbilstes un attiecinājuma zonas.

Internacionalizācija līdztekus demokratizācijai ir viena no galvenajām tendencēm mūsdienu literāro valodu attīstībā

vispār un jo īpaši zinātniskās terminoloģijas attīstībā.

Analizējot internacionalizācijas procesus latviešu zinātniskās terminoloģijas izstrādē, ir radušies daži papildu vērojumi jēdzienu un terminu internacionālais aizguvums un internacionālisms diferencētā izpratnē (leksiskā internacionālisma nozīmē).

Padoņu valodniecībā jēdzieni un termini internacionālais aizguvums un internacionālisms ne vienmēr tiek šķirti un internacionālismu izpratnē joprojām tiek izteiktas atšķirīgas domas [24, 157-164; 1, 113; 8, 15-17].

Latviešu valodniecībā jaunākajā laikā nozīmīgākas domas par internacionālajiem aizguvumiem rodas J. Baldunčika kandidāta disertācijā [7;8]. Internacionālo aizguvumu izpratnes skaidrošanai izmantots eiroareāla pamatvalodu dalījums trīs galvenajās valodu grupās: 1) romāņu, ko pārstāv franču, spāņu un itāļu valoda; 2) germāņu, ko pārstāv angļu un vācu valoda; 3) slāvu, ko pārstāv krievu (J. Baldunčika darbā kā otra minēta arī poļu) valoda. Nešķirot jēdzienus un terminus internacionālais aizguvums un internacionālisms, J. Baldunčiks piedāvā šādu eirovalodu areāla leksiskā internacionālisma definīciju: par internacionālismu atzīstams vārds, kas aizgūts vismaz vienā no areāla galvenajām valodu grupām (ja pats vārds nāk no citas galvenās grupas)¹ vai divās galvenajās valodu

¹ Definīcijā, lietojot apzīmējumu "galvenās valodu grupas", viscaur runa ir par areāla pamatvalodām.

grupās (ja vārds nenāk no valodām, kas pārstāv galvenās grupas) [8, 15]. Ši ir internacionālismu šaurākā izpratne, un tas autors dēvē par subareālajiem internacionālismiem. Bez tam tiek izdalīti vēl areālie jeb tiešie internacionālismi, par kādiem tiek uzskatīti vārdi, kas aizgūti divās galvenajās areāla valodu grupās (ja vārds nāk no trešās galvenās grupas) vai trīs galvenajās valodu grupās (ja vārds nenāk no valodas, kas pārstāv galvenās grupas), un transareālie internacionālismi, kas izplatīti pāri viena areāla robežām [8, 17].

Savukārt tādas aizgūvumus, kas aizgūti, piemēram, latviešu valodā no mazajām valodām un kas nav fiksēti valodās, kas pārstāv galvenās valodu grupas, vai kas sastopami tikai vienas galvenās valodu grupas valodā (valodās), J.Baldunčiks ieteic saukt par neinternacionāliem.

Kaut arī internacionālo aizgūvumu un internacionālismu jēdziens ir tuvi, lielāka terminoloģiskā precizitāte tiktu iegūta, ja pretstatā neinternacionālajiem aizgūvumiem kā līdzteku jēdziens tiktu izdalīti nevis internacionālismi, bet internacionālie aizgūvumi (ar sīkāku to iedalījumu subareālajos, areālajos un transareālajos internacionālajos aizgūvumos). Tomēr J.Baldunčika dotais aizgūvumu konsekventais grupējums pēc to izplatības piedāvā skaidru, loģiski motivētu daudzu aizgūvumu grupu izpratni, turklāt vēsturiski leksikoloģiskā skatījumā. Pēc šī grupējuma pilnīgi skaidras ir internacionālo un neinternacionālo aizgūvumu robežas.

Pādomju leksikoloģijā vairāk izplatīts cits internacionālismu traktējums, saskaņā ar kuru par internacionālismu tiek

atzīts vārds, kas līdzīgā rakstījumā, izrunā un nozīmē izplatīts vismaz trijās no areāla pamatvalodām [5, 63; I, II4 u.c.], turklāt, kā tiek uzsvērts, tādām, kuras pārstāv dažādas valodu grupas [24, 157-158; 2, 464; sal. arī 7, 4-5]. Tādējādi, pēc šiem uzskatiem, internacionālismu jēdzienā tiek ietilpināti J. Baldunčika minētie areālie un transareālie internacionālismi, bet ārpus tā paliek subareālie internacionālismi (piemēram, krievu valodā aizgūtie germānismi уфта, пуцобель, шток, штуцер), proti: internacionālismu robeža tiek vilkta starp areālajiem un subareālajiem internacionālismiem.

Šāda internacionālismu izpratne izmantota valodas kultūras un terminoloģijas teorijā, vērtējot citvalodu vārdu iedzīgumu literārajā valodā un zinātniskajā terminoloģijā [15, 136-144; 9, 6; 13], un uz šo izpratni balstās citvalodu termina aizgūšanas lietderīguma noteikšana arī latviešu zinātniskās terminoloģijas izstrādē [16]. Internacionālismi tiek atzīti par derīgiem aizgūvumiem, kuri izmantojami ne tikai tukšumu aizpildīšanai nominācijā, bet arī kā sinonīmi pašcilmes darinājumiem: berze - frikcija, divvalodība - bilingvisms, saubēglis - heliofobs. Internacionālismu priekšrocības tiek izvērtētas, salīdzinot tos ar otru aizgūvumu grupu, kam ir šaurāka izplatība un ko dēvē vai nu aprakstoši par aizgūvumiem no atsevišķām nacionālajām valodām, vai par nacionālajiem aizgūvumiem - divējādā šā termina izpratnē, proti: akcentējot aizgūvumu šauro izplatību (tikai atsevišķā nacionālajā valodā

vai nelielā skaitā valodu) [I, 107] vai atsevišķu musdienu nacionālo cilnvalodu [3].

Valodas kultūras aspekta pie aizguvumiem ar šauru izplatības areālu pieder ne tikai neinternacionālie aizguvumi [8, 17], bet arī subareālie internacionālisti, kas ir aizguvumi no vienas areāla pamatvalodas otrā, jo tie atspoguļo galvenokārt divu (kaut arī areāla pamatvalodu) savstarpējos sakarus (tiem nepiemīt starptautiska izplatība). Šādiem šaurākas izplatības aizguvumiem, kuriem nereti piemīt arī citvalodisks (to cilnvalodas) fonomorfoloģiskais savdabīgums, to aizgušanā tiek izvirzīti stingrāki kritēriji, jo daļa no tiem nacionālās literārās valodas (aizguvējvalodas) skatījumā vērtējami kā barbarismi, piemēram, vācu Muffe → krievu муфта - un latviešu profesionālajā žargonā muffitis. Par barbarismiem latviešu valodā atzīstami arī germānismi klipverks (lietots profesionālajā numismātikas terminoloģijā), štoks (ģeoloģijas terminoloģijā), štucēris (tehnikas terminoloģijā). To vietā zinātniskajā terminoloģijā apstiprināti termini paminkaltava, stumbenis, uzgalis (arī lemava).

Internacionālistu izpratnē līdztekus to izplatībai būtisks ir arī jautājums par internacionālistu cilnvalodu. Par to padomju valodniecībā izteikti dažādi uzskati. Vieni internacionālistu pētnieki atzīst, ka internacionālisti ir vārdi "bez dzimstenes" [II, 5], turpretī citi uzskata, ka katram internacionālistam, tāpat kā jebkuram aizguvumam, ir sava cilnvaloda [7, 5-6]. Piekritot atzinumam, ka jebkurā vārds

rodas noteiktā laikā un noteiktā valodā, tomēr jāuzsver, ka internacionālums lielai daļai internacionālismu izpaužas ne tikai to starptautiskajā izplatībā. Mūsdienās dažādās pasaules valodās līdztekus internacionālismiem kā atsevišķām internacionālām leksiskām vienībām aktivizējušies internacionālie elementi (gan sakniskie, gan afiksālie).

Eiropvalodu areālam raksturīga tas, ka internacionālismu saknes pa lielāku daļu ir ņemtas no mirušajām valodām - latīņu un grieķu (sengrieķu). Tās, sevišķi latīņu valoda, bija starptautiskas zinātnes valodas, ko saziņā izmantoja dažādu valstu zinātnieki. Arī mūsdienās internacionālā zinātniskā terminoloģija tiek veidota galvenokārt uz latīņu un grieķu elementu bāzes, turklāt izmantojot gan tieši latīņu un grieķu cilmes elementus, gan tādus elementus, kuru sākotne (stimons) meklējama latīņu un grieķu valodā. Internacionāli produktīvajos modeļos izmantoti, piemēram, latīņu un grieķu sufiksālie elementi (doti latviskajā rakstībā): -/āc/ija, -/it/āts, -/ist/ika, -iāns, -ists, -/at/ors, -āls, -ārs u.c., prefiksālie elementi: a-, de-, en-, in-, in-, kon- u.c., postpozitīvie sakniskie elementi, respektīvi, vārdiskās izskapas: -grāfija, -grāfs, -loģija, -logs, -tēka u.c., prepozitīvie sakniskie elementi: aero-, elektro-, fono-, foto-, hidro-, servo- u.c. Šiem internacionālajiem elementiem piekļaujas daži mūsdienu dzīvo valodu elementi, piemēram, franču cilmes elementi -āža, de-, ar kuriem dažādās valodās atvasina jaunus vārdus.

Latviešu valodā liela daļa internacionālismu, kas aizgūti no mūsdienu nacionālajām valodām, ir tādi, kas šajās valodās

darināti, izmantojot latīņu un grieķu vārdu saknes un afiksālos elementus. Tādi ir, piemēram, no franču valodas aizgūtie akcionārs, dekāde, egoisms, enciklopēdija, festivāls, intensitāte, lingvistika, nacionālists, no angļu valodas aizgūtie eskalācija, holisms, metodists, no vācu valodas aizgūtie formulārs, jurists, kamerālistika, prioritāte, no itāļu valodas aizgūtie improvizācija, pedantisms, podests, solists.

Darinājumi pēc internacionāli produktīvajiem modeļiem strukturāli ir līdzīgi latīņu un grieķu cilmes vārdiem un norobežojami no tiem tikai valodu sastāta pētījumā. Latīņu un grieķu sākotnes darinājumu kvalificēšanai par internacionāliem pilnīgi pietiek, ja vārdam ir subareāla izplatība, proti, ja tas ir sastopams divās eirovalodu areāla dažādu valodu grupu pamatvalodās.

Latīņu un grieķu sākotnes darinājumu cilmvalodas ir dažādas valodas. Katra darinājuma cilmvalodu precīzi noteikt ne vienmēr ir iespējams. Īpaši grūti tas ir mūsdienu leksikas materiālā, kad pasaules zinātnisko teoriju un arī tehnikas un ekonomikas attīstībā piedalās dažādu tautību zinātnieki un citu nozaru speciālisti. Daudzās valodās ir aktualizējusies latīņu un grieķu valodas elementu izmantošana nacionālajā vārd darināšanā. Šis paņēmieni aktivizējies arī latviešu valodā [16]. Latviešu valodā darināti, piemēram, vārdi aparātists, arhivistika, hieroglifika, protēzija, religiologija, ludotška, grupāls, flangāls, rezonatīvs.

No latīņu un grieķu elementiem veidota jaundarinājuma in-

ternacionālo izplatību var konstatēt dažādu valodu (un pirmām kārtām areāla pamatvalodu) sastata pētījumā. Lielai daļai šādu darinājumu var noteikt arī oīmvalodu. Tomēr, tā kā pēc internacionāli produktīvajiem vārd darināšanas modeļiem attiecīgus vārdus vienā un tai pašā nozīmē un vairāk vai mazāk vienā laikā var darināt paralēli dažādās valodās, par atsevišķa darinājuma oīmvalodu atzīt tikai vienu valodu nebūtu pareizi, piemēram, tādiem vārd darinājumiem kā arhivistika, hieroglifika, religioloģija. Un, pat ja valodu sastata pētījumos tiek konstatēts, ka vienā valodā attiecīgais internacionālisms rakstos fiksēts nedaudz ātrāk nekā citā valodā, tas tomēr ne vienmēr dod tiesības atzīt, ka vienā no valodām internacionālisms ir aizgūts, nevis darināts patstāvīgi^I.

Tādējādi atsevišķu internacionālistu polilingvālā oīme un potencionālās iespējas no latīņu un grieķu oīmes elementiem veidot jaundarinājumus piešķir šiem internacionālistiem specifiku, kāras raksturošanai izmantots tālrunais un zinātnis-

^I Piemēram, terminu mononīms (burtiski 'viens vārds', respektīvi, 'valodas parādība, kad vienam jēdzienam ir viens apzīmējums, bez sinonīmiem') un tā atvasinājumu mononīmija, mononīmisks, mononīmiskums, mononīmisms šī raksta autore darinājusi latviešu valodā patstāvīgi, apcerot terminoloģiskās semantikas problēmas, un tie publiski lietoti referātā Vīlnas simpozijā 1983.gadā, bet publicētā veidā (krievu valodas atveidojumā) šīs grupas termini lasāmi krājumā "Mokslu kalbos kultūros ir terminoloģijos problemas" (Vilņa, 1985). Kaut arī krievu valodā šīs grupas termins publicēts agrāk [19], pieņēmums, ka latviešu valodā šie termini ir aizgūti, būtu formāls un nepatiess, jo neatspoguļotu reālo internacionālistu tapšanas gaitu.

ki neprāzītais apzīmējums "bez dzimtenes".

Raksturīga latīņu un grieķu sākotnes internacionālismu un internacionālo elementu īpatnība ir to fonomorfoloģiskā un semantiskā adaptētība aizguvējvalodās. Šīs internacionālās valodas vienības ir fonētiski asimilējušās un pielāgojušās dažādo nacionālo valodu izrunas un rakstības sistēmai, ir iekļāvušās aizguvējvalodu leksisko vienību paradīgu sistēmā un lielā mērā iedzīvinājušās dažādās valodās arī semantiskā ziņā (ir starptautiski saprotamas). Daudzi latīņu un grieķu sākotnes vārdi ir stabili iekļāvušies dažādu eiroareāla valodu vārdu krājumā, un šo vārdu biežāk sastopamie afiksālie elementi ir aktivizējušies kā patstāvīgi vārddarināšanas formanti, par ko visspilgtāk liecina hibrīddarinājumi, kuros latīņu un grieķu cilmes elementi pievienoti nacionālam vārddarināšanas celmam, piemēram, latviešu valodas hibrīdvārdi antiviela, hiperkodoli u.c. Kā uzsvērts terminoloģiskajā literatūrā [12, 24-25; 10, 63-64], atšķirībā no citiem aizguvumiem, kas aizguvējvalodā parasti uzskatāmi par (derivatīvi) nemotivētiem, latīņu un grieķu sākotnes internacionālismi kā fonētiski, gramatiski un semantiski adaptējušās valodas vienības ir kļuvuši par motivētiem vārddarinājumiem. Tie bieži netulkotus pārņem no valodas valodā un uzskata par vērtīgu zinātniskās terminoloģiskās leksikas papildināšanas avotu. Tie ir būtiska sastāvdaļa starptautiskajā internacionālās leksikas fondā.

Latīņu un grieķu cilmes (respektīvi sākotnes) internacionālismu īpašā loma, izplatība un fonomorfoloģiskā, semantiskā un derivatīvā adaptētība dažādās eirovalodu areāla valodās

izdala tos specifiskā grupā, kas būtu nodalāma arī terminoloģiski. Aizguvumu grupējumiem pēc izplatības varētu paturēt terminus neinternacionālais aizguvums un internacionālais aizguvums, pēdējiem paturot sīkāko iedalījumu subareālajos, areālajos un transareālajos internacionālajos aizguvumos.

Savukārt internacionālismu jēdzienā būtu ietilpināma internacionālā leksika, kurai raksturīga ne tikai starptautiskā izplatība, bet arī fonomorfoloģiskā, semantiskā un derivatīvā internacionalitāte un kuras materiālā pamatbāse eiropvalodu areālā ir latīņu un grieķu cilmes vārdi un derivatīvie elementi: latviešu civilizācija, kultūra, socialisms - krievu цивилизация, культура, социализм - angļu civilization, culture, socialism - vācu Zivilisation, Kultur, Sozialismus - franču civilisation, culture, socialisme ← latīņu civilis, cultura, socialis.

Saskaņā ar šādu pieeju par internacionālismu var atsit jebkuru internacionālo aizguvumu (arī subareālo), kas veidots no latīņu un grieķu cilmes vārdiem, bet, ja vārda cilme (un sākotne) saistāma tikai ar kādu no dzīvajām mūsdienu valodām (ar savdabīgām attiecīgās cilmesvalodas fonomorfoloģiskajām u.c. īpatnībām), piemēram, angļu cilmes vārdi bekross, briefings vai krievu cilmes vārdi perestroika, sputņiks, par internacionālismu to var atsit tikai tad, ja tam ir areāla izplatība, respektīvi, ja eiropvalodu areālā tas ir izplatīts trijās dažādu valodu grupu pamatvalodās.

Bibliogrāfiskais rādītājs

1. Laua A. Latviešu leksikoloģija. R., 1981.
2. Ozols A. Raksti valodniecībā. R., 1967.
3. Skujiņa V. Nacionālie aizgūvumi mūsdienu latviešu valodā // Baltu valodas senāk un tagad. R., 1985.
4. Skujiņa V. Par un pret svešvārdiem // Valodas kultūra radiovilnī. R., 1981.
5. Акуленко Н.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков, 1972.
6. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
7. Балдунчикс В.И. Заимствование англизмов в латышский язык 16-20 вв. Автореф... канд. филол. наук. 1983.
8. Балдунчикс В.И. Заимствование англизмов в латышский язык 18-20 вв. Дис... канд. филол. наук. Рига, 1983.
9. Даниленко В.П. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов // Научно-техническая терминология. 1983. № 5.
10. Даниленко В.П. Русская терминология. М., 1977.
11. Иссерлин Е.М. Иноязычная лексика и ее место в словарном составе современного русского литературного языка. М., 1965.
12. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М., 1982.
13. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961.
14. Молодец В.Н. Некоторые проблемы терминологической синонимии // Термин и слово. Горький, 1983.
15. Скворцова Л.И. Теоретические основы культуры речи. М., 1980.
16. Скуиня В. Использование интернациональных элементов в латышском словотворчестве // Leksikas un gramatikas inovācijas. R., 1982.
17. Скуиня В. Принципы заимствования иноязычных терминов в латышской научной терминологии // Проблемы разработки и упорядочения терминологии в академиях наук союзных республик. М., 1983.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящий сборник статей рассматривает проблемы сопоставительного изучения языков в контексте многоязычия и межкультурной коммуникации. Особое внимание уделяется определению типологического статуса латышского языка в его сопоставлении с германскими и романскими языками. В связи с этим на первый план выдвигаются два аспекта контрастивного анализа:

1/ сопоставительное изучение латышского языка;

2/ методология контрастивного анализа в ситуации современного полиглотизма и межкультурной коммуникации.

Сборник состоит из двух частей. Статьи, представленные в первой части сборника, методологически ориентированы, часть из них наглядно демонстрирует возможности применения некоторых дебатированных в современной контрастивной лингвистике теоретических положений (см. статьи Л.Г.Герценберга, О.И.Бродович, В.В.Кабакчи, Л.П.Олдыревой). Часть статей посвящена сопоставительному анализу конкретного материала, в большинстве своём лексико-грамматического плана (см. статьи В.Г.Лойко, Е.Е. Желивой, Т.А.Стёпкиной).

Вторая часть сборника включает статьи, непосредственно связанные с сопоставительным изучением латышского языка. Эти статьи объединены общей исследовательской задачей: определить и уточнить своеобразие типологического статуса тех особенностей латышского языка, которые были выявлены в ходе сопоставительного анализа. В статьях данного сборника фонетические (статьи М.А.Бреде, В.А.Гуртан, М.В.Трейлонн, М.А.Нейланде), грамматические (статьи Б.Л.Лихтеровой, Б.Г.Перницы, В.И.То-

машпольского), лексические (статьи Ю.И. Вильдунчикова, С.Л. Павидис, В.Г. Пужулиса, Б.Э. Узии, В.П. Скуини) и фразеологические (статьи А.Я. Банкава, А.Г. Вейсберга, А.С. Начисчионе, О.А. Озолнинь, Э.Г. Саусверде, А.Г. Трейлона) особенности латышского языка проанализированы на основе данных сопоставительного изучения германских и романских языков. Этот цикл статей представляет определенный интерес для общей теории языковых контактов.

Сборник даёт представление о целом круге направлений, характеризующих современное состояние контрастивной лингвистики, большинство из них связано с такими областями сопоставительного изучения языков как межязыковая коммуникация, контрастивная фразеология и терминология, теория перевода и методология контрастивного анализа.

Авторы статей настоящего сборника полагают, что сопоставительное изучение языков способствует развитию методики преподавания и изучению иностранных языков. Материал, представленный в этом сборнике, имеет практическое значение. И изучающие, и преподающие иностранные языки могут воспользоваться им в лингводидактических целях, ибо более глубокое сопоставительно ориентированное знание своего родного языка является одним из самых действенных способов совершенствования изучения иностранных языков.

ZUSAMMENFASSUNG

Im Mittelpunkt der Erörterung des vorliegenden Bandes stehen allgemeine Probleme der heutigen kontrastiven Linguistik sowie auch die vergleichende Analyse der sprachlichen Erscheinungen, die infolge der kulturellen Mehrsprachigkeit zum Vorschein kommen.

Die Autoren der Beiträge stellen sich zum Ziel, typologische Merkmale der lettischen Sprache und ihre Übereinstimmung/Nichtübereinstimmung mit den romanischen und germanischen Sprachen festzulegen.

Entsprechend der Intention der typologischvergleichenden Beiträge bezieht sich die Untersuchung auf zwei Ebenen: die Bestimmung des typologischen Standes der verwandten Sprachen und die Aussichten der künftigen Anwendungsbereiche der Methodik des Sprachvergleichs im interkulturellen Kommunikationsprozess.

Die Beiträge des ersten Teils des Bandes sind der Analyse von konkreten lexisch-grammatischen Besonderheiten der Sprachen der romanischen und germanischen Sprachgruppe im Vergleich zu denen russischer Sprache gewidmet (E. Velieva, T. Stjepkine). Die intersprachliche Vergleichung, gezeigt am Beispiel einer grammatischen Erscheinung, bildet den Untersuchungsgegenstand des Beitrags von V. Boyko.

Die Aufsätze des zweiten Teils des Bandes sind auf den Vergleich orientiert, dem zugrunde als Vergleichsbasis die lettische Sprache liegt. In diesem Zusammenhang verweisen die Autoren auf die phonetischen (M. Bréde, V. Gurteja, M. Neu-

lande, M.Treilona), grammatischen (B.Pernice, B.Lichterowa, W.Tomaschpolski), lexischen (J.Baldunčiks, S.Pawišis, V.Puķulis, B.Uzijs, V.Skujāns), phraseologischen (A.Benkava, A.Weisberga, A.Načisčione, O.Ozolija, E.Sausverde, A.Treilons) Besonderheiten der lettischen Sprache im Vergleich zu den romanischen und germanischen Sprachen. Diese notwendige Hinwendung zur vergleichenden Forschung gibt eine weitere Vorstellung über den typologischen Stand der lettischen Sprache, ausgehend aus der heutigen gesellschaftlichen Praxis.

Mit ihren Ausführungen informieren die Autoren über die neuen Tendenzen im Teilgebiet der Sprachwissenschaft Sprachvergleichung. Intensiv behandelt werden vergleichende Phraseologie, vergleichende Terminführung, vergleichende Üsetzungstheorie, interkulturelle Kommunikation (V.Kabakči), Methodologie der Sprachvergleichung im Wandel der Zeit (L.Herzenberg, O.Brodovič, L.Oldirewa).

Die Beiträge sind auch praktisch orientiert und können im Unterricht ausgenutzt werden. Der Vergleich mit der Muttersprache, die Kenntnis der typologischen Besonderheiten der Muttersprache fördern ein tieferes Erfassen der Fremdsprache.

SUMMARY

The present edition offers a collection of articles treating the problems of contrastive analysis in the light of multilingual and multicultural communication. A special aim of this volume is to define the typological status of Latvian on the background of Germanic and Romanic languages.

In the context of these aims two aspects of contrastive analysis come to the fore:

- 1) the comparative studies of the Latvian language;
- 2) the methods of contrastive analysis in the present situation of polyglotism and multicultural communication.

The volume consists of two parts. The articles comprising the first volume are methodologically oriented, some of them provide a testing ground for the contending theories current in modern contrastive linguistics (L.Hercenberg, O.Brodovich, V.Kabakchi and L.Oldireva). Some of the articles treat of concrete language matter, mainly lexico-grammatical, seeing it in terms of comparative studies (V.Boiko, E.Velieva, T.Stjepkina).

The second part is concerned with the contrastive analysis of the Latvian language. It is the purpose of this part to set forth the typological character of the language differences revealed in the course of contrastive studies. In the articles presented here phonetic (M.Brēde, V.Gurtajs, M.Treilana, M.Neilande), grammatical (B.Lihtereva, B.Pernica, V.Tomashpolski), lexical (J.Baldurchiks, S.Pavidis, V.Pūkulis, B.Uziņa, V.Skujiņa), phraseological (A.Bankavs, A.Veisbergs, A.Nachischione, O.Ozoliņa, E.Sausverde, A.Treilons) aspects

of the Latvian language are analysed and interpreted in reference to the contrastive data from Germanic and Romenic languages. The general theory of language contacts is of particular importance for these articles.

This volume presents a number of trends and directions essential for modern contrastive linguistics, most of them are connected with the following spheres of research: interlingual communication, contrastive phraseology and terminology, theory of translation and methods of contrastive analysis.

The authors of this edition assume that methods of comparative studies can yield good results when applied to foreign language teaching. Both learners and teachers of a foreign language are likely to find the material of practical value in this collection, for a deeper comparative understanding of one's native language is an efficient means to elaborate foreign language learning.

СОДЕРЖАНИЕ

I

Бойко В.Г. Контрастивно-сопоставительный анализ форм, выражающих значение длительности во временном континиуме "прошедшее-настоящее" в английском и немецком языках	7
Быкова О.И., Луева Н.Б., Фомина Э.Е. Релевантность коннотативной потенции лексических единиц как предмет контрастивных исследований	15
Бригзна И.Я. Стилистическая значимость заимствованных лексем в аспекте компаративистики	23
Бродович О.И. Методологические проблемы сопоставительного исследования близкородственных языков	28
Велиева Е.Е. Опыт контрастивного сопоставления инфинитивных конструкций в современных английском и французском языках	37
Гарская Л.В., Лонгинова В.В., Маковицкая Л.А. Функционально-семантическое исследование соотносительных слов, объединенных значением "свечений" в английском и русском языках	42
Герценберг Л.Г., Нерознак В.П. Сопоставительное исследование языков как аспект дифференциальной лингвистики	47
Данченко Н.Н. Некоторые трудности перевода фразеологии поэмы Дж.Г. Байрона "Дон Луан" на русский язык	52

Дьячков В.В. К вопросу о языковых контактах	60
Кабакчи В.В. Новый аспект контрастивной лингвистики ...	68
Лихтерова Б.Л. Синтактико-стилистическая интерпретация парцеллятов в свете компаративного анализа	75
Олдырева Л.П. О методологии сопоставительного изучения языков в английских риториках XVIII века	81
Пужуле С.П. О происхождении <i>Wlosche</i> в немецком языке .	90
Сайдяшева Л.А. Опыт контрастивного анализа лингвисти- ческой типологии значений на семиотическом уровне	97
Степкина Т.Н. Функционально-семантический анализ средств выражения аспектуальных значений в русском и английском языках	102

II

Балдунчикс Д.Н. Характеристика англицизмов в латышском и литовском языках	110
Банкав А.Я. Французско-латышский фразеологический фонд	117
Бреде М.А. Энергетическая характеристика сонантов ля- тышского языка в сопоставлении с английским	126
Вейсберге А.Г., Начисчионе А.С. Окказиональные преобра- зования во фразеологических неологизмах	132
Начисчионе А.С. Семантическая моделируемость приемов окказионального преобразования фразеологических единиц в речи	140
Гуртая В.А. Фонематическая структура односложных слов латышского литературного языка в сопоставлении с английским	144

Нейланде М.А. Интонационный контур английского и латышского сложноподчиненного предложения с придаточным дополнением в публицистической речи	152
Озолинь О.Л. Сравнительно-сопоставительный анализ пословиц французского и латышского языков	157
Павидис С.Д. Специфика балтийской и германской терминологии ближайшего кровного родства	161
Перница Б.Г. Некоторые аспекты сопоставления немецкого и латышского языков	170
Пужулис В.Г. Германо-балтийские лексические параллели на материале топоапеллятивов	174
Румнице И.Я. Об особенностях перевода греческого эпиграмматического композита	180
Саусверде Э.Г.К сопоставительному изучению фразеологических единиц	187
Томашпольский В.И. Системы времен балтийских и романских языков в типологическом освещении	191
Трейлон А.Г. Семантические особенности зооморфизмов в английском и латышском языках	202
Трейлона М.В. Сопоставительный функциональный анализ звуковых особенностей художественной речи	208
Узия Б.Э. Некоторые межъязыковые аспекты нормативности терминологии охраны природы	215
Skujīra V. Dažī internacionālisma izpratnes aspekti	221

INHALTSVERZEICHNIS

I

W.Boyko. Kontrastive Analyse von Formen, die die Bedeutung der Dauer im Zeitkontinuum "Vergangenheit-Gegenwart" in englischer und deutscher Sprache ausdrücken	7
O.Bykova, N.Lujeva, S.Fomina. Relevanz des konnotativen Potentials lexischer Einheiten als Gegenstand kontrastiver Forschungen (anhand gesellschaftlich-politischer und künstlerischer Texte der deutschen und der russischer Sprachen)	15
I.Brigzna. Stilistischer Wert der Entlehnungen unter dem Aspekt der Komparativistik	23
O.Brodovič. Methodologische Probleme der Vergleichung der engverwandten Sprachen (zur Frage von dem Status des Schottischen)	28
E.Valieva. Versuch eines kontrastiven Vergleichs der Infinitivkonstruktionen im Englischen und Französischen.....	37
L.Garskaja, W.Longwinowa, N.Makowskaja. Funktional-semantische Untersuchung korrelierenden Wörter mit der Bedeutung des "Leuchtens" im Englischen und im Russischen	42
L.Herzenberg, V.Meroznak. Vergleichende Sprachforschung als ein Aspekt der Differenzlinguistik	47
N.Dantschenko. Übersetzungsschwierigkeiten der Phraseologismen im Poem "Don Juan" von G.G.Byron ins Russische .	52
M.Djačkow. Zur Frage der Sprachkontakte	60
W.Kabakči. Ein neuer Aspekt der konfrontativen Linguistik ..	68
B.Ľinterova. Syntaktisch-stilistische Interpretation der Parzellierungen aus der Sicht der vergleichenden Sprachforschung	75

L.Oldireva. Methodologie der vergleichenden Sprachforschung in den englischen Rhetoriken des XVIII Jahrhunderts ...	81
S.Pužule. Zur Entstehung des Lexems "Brosche" im Deutschen..	90
L.Saidjaschewa. Erfahrungen bei der konfrontativen Analyse der linguistischen Typologie der Bedeutungen auf der semiotischen Ebene	97
T.Stjepkina. Funktional-semantische Analyse der Sprachmittel zum Ausdruck des verbalen Aspekts im Englischen und Russischen	102

II

J.Baldunčiks. Charakteristik der Anglizismen im Lettischen und Litauischen	110
A.Bankav. Französisch-lettisches phraseologisches Wortgut..	117
M.Brede. Energetische Charakteristik der Sonanten der lettischen Sprache im Vergleich mit dem Englischen ...	126
A.Veisbergs, A.Načisčione. Okkasionelle Veränderungen in phraseologischen Neologismen (anhand der neuesten englischen phraseologischen Entlehnungen im Russischen und Lettischen)	132
A.Načisčione. Semantische Modellierbarkeit der Verfahren der okkasionellen Variationen von phraseologischen Wendungen in der Rede (am Beispiel der englischen und der lettischen Sprachen)	140
V.Gurtaja. Phonematische Wortstruktur der lettischen lite- rarischen Sprache im Vergleich mit der englischen Sprache	144

M. Neilande. Intonatorischer Umriss des englischen und lettischen zusammengesetzten Satzes mit dem Objektnebensatz in der Publizistik	152
O. Ozoliņa. Vergleichend-gegenüberstellende Sprichwörteranalyse im Französischen und Lettischen	157
S. Pavidis. Spezifische Besonderheiten der baltischen und germanischen Bezeichnungen der nächsten Blutsverwandtschaft	161
B. Pernica. Einige Aspekte eines Vergleichs der deutschen und lettischen Sprachen	170
V. Pužulis. Die germanisch-baltischen lexikalischen Isoglossen	174
I. Romniece. Über die Besonderheiten der Übersetzung altgriechischer Epitheta-Komposita	180
E. Sausverde. Zur vergleichenden Erforschung der Phraseologismen	187
W. Tomaszpolski. Die Typologie der Zeitformensysteme der baltischen und romanischen Sprachen	191
A. Treilons. Semantische Besonderheiten der Zoomorphismen im Englischen und Lettischen	202
M. Trellona. Lautliche Redebesonderheiten in der Belletristik aus der Sicht der vergleichenden Funktionalanalyse	208
B. Uzija. Einige zwischensprachliche Aspekte des Usus in der Naturschutzterminologie	215
V. Skujina. Zur Frage der Erforschung der Internationalismen	221

CONTENTS

Boiko V.G. Contrastive analysis of English and German forms denoting duration in the continuum of "Past-Present"...	7
Bikova O.I., Lueva N.B., Fomina Z.E. Relevancy of connotational meanings in contrastive studies of lexical units...	15
Brizna I.J. Contrastive aspect in the study of stylistic significance in borrowings	23
Brodovich O.I. Methodological problems in contrastive analysis of cognate languages	28
Velieva E.E. Contrastive analysis of Infinitive constructions in modern English and French	37
Garskaja L.V., Longvinova V.V., Makovickaja N.G. Functional analysis of the groups of English and Russian words having the meanings of "shining"	42
Gercenberg L.G., Neroznak V.P. Contrastive study of languages in differential linguistics	47
Danchenko N.N. Russian translations of the set expressions used by G.Byron in "Don Juan"	52
Djachkov M.V. On the problem of language contacts	60
Kabakchi V.V. New aspects in contrastive linguistics	68
Lihterova B.L. Contrastive analysis in syntactic-stylistic interpretation of parcellatives	75
Oldireva L.P. On methods of contrastive analysis in the XVIII c. English rhetoric	81
Pužule S.P. On the origin of Brosche in the German Language	90
Saidjascheva L.A. On contrastive analysis of semiotic level in the linguistic typology of meanings	97

Stepkina T.N. A study of means denoting "aspect" in Russian and English	I02

II

Baldunchiks J.N. On the English borrowings in Latvian and Lithuanian	I10
Bankav A.J. French borrowings in the Latvian phraseology ..	I17
Brede M.A. On contrastive study of Latvian and English sonants	I26
Veisbergs A.G., Nachischione A.S. Occasional transformations in phraseological neologisms	I32
Nachischione A.S. Semantic modelling of occasional transformations in phrasal units	I40
Gurtaja V. A. Phonemic structure of Latvian and English monosyllabic words	I44
Neilande M. A. Intonational contour of compound sentences with the Object clause in English and Latvian publicistic speech	I52
Ozoliņa O.L. Contrastive analysis of French and Latvian proverbs	I57
Pavidis S.D. The terminology of kinship in Baltic and Germanic languages	I61
Pernica B.G. On contrastive analysis of Latvian and German: problems and aspects	I70
Pužulis V.V. Lexical parallels in German and Baltic topographical appellatives	I74
Runniece I.J. On translation of the Greek composite epithet	I80
Sausverde E.H. On contrastive analysis of phrasal units ...	I87

Tomashpolaki V.J. Typological study of tense systems in Baltic and Romanic languages	191
Treillon A.G. Semantic peculiarities of Latvian and English zoomorphisms	202
Treilona M.V. Contrastive analysis of sound effects in prose	208
Uzija B.E. Interlingual aspects of norm in nature protection terminology	215
Skujija V. Some aspects of internationalisms study	221

VALODAS TIPOLOĢISKĀS IEZĪMES
KONTRASTĪVAJĀ ASPĒKTĀ

Zinātnisko rakstu krājums

P.Stučkas Latvijas Valsts universitāte
Rīgā 1988
Latviešu un krievu valodā

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ЯЗЫКА
В КОНТРАСТИВНОМ АСПЕКТЕ

Сборник научных трудов
На латышском и русском языках

Рецензенты: В.И.Звоботкина, зав.каф.английской филологии Калининградского государственного университета;
Б.Кедиб, зав.каф.иностранных языков Государственной академии художеств Латвийской ССР им. Т.Залькална

Редакторы: А.Банкав, Р.Павлова
Технический редактор С.Линина
Корректор И.Балоде

Подписано к печати 30 августа 1988 года. Ф/б 60x84/16.
Бумага № 15,8 физ.печ.л.14,5 усл.печ.л.9,5 уч.-изд.л.
Тираж 350 экз. Зек. № 1095 Цена 2 р. 00 к.

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
226098 Рига, б. Райниса, 19
Отпечатано на ротационте, 226050 Рига, ул.Вейденбаума, 5
Латвийский государственный университет им. П.Стучки

84828

LU BIBLIOTĚKA

958009467

513

2002

2 p.

$\frac{A-88}{1042}$

2001

